

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКС КЕЙН

ХРОНИКИ
ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ
ПРОКЛЯТЫЙ ДАР

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Алекс Кейн

**Хроники вечной
жизни. Проклятый дар**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кейн А.

Хроники вечной жизни. Проклятый дар / А. Кейн —
«Эксмо», 2017 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-699-99277-5

А вы бы поверили, если б ваш лучший друг рассказал, что живет на свете уже... четыреста лет? Что причиной этому стал чудесный дар, обретенный страшной ценой, за который ему по сей день приходится расплачиваться? Что он был знаком с Екатериной Медичи, Стефаном Баторием, Нострадамусом, Василием Шуйским? Вот и я поначалу не поверил. Но он поведал мне такие подробности, что я поневоле задумался: а вдруг это правда?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99277-5

© Кейн А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть I	6
Часть II	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Алекс Кейн

Хроники вечной жизни. Проклятый дар

Моей маме, которая вечно жалуется, что ей нечего читать.

Часть I Рене

Англия, Сомерсет, 11 июня 1932 года

Викарий подошел к окну. Солнце садилось за кромку леса, в воздухе носились стрижи, стоял прекрасный летний вечер. На лужайке перед домом сидела маленькая Элис, сосредоточенно откручивая кукле голову. Но викарий этого не замечал, невидящим взглядом смотрел он в окно, а перед его мысленным взором стояла узенькая средневековая парижская улочка и маленький мальчик, растерянно озирающийся по сторонам. Мысли металась в голове: «Возможно ли это? Может ли рассказ Голда быть правдой? Что это – выдумка, воспаленное воображение умирающего или...»

За спиной скрипнула кровать, раздался слабый голос доктора Голда:

– Джон?

Викарий медленно повернулся:

– Да, Майкл?

– Вы, должно быть, презираете меня? Я забрал столько жизней ради того, чтобы сохранить свою...

Священник с болью посмотрел на лежащего человека. Даже сейчас от его грузного тела исходили мощь и сила. Они были друзьями почти полвека... «Нет, всего лишь двадцать лет... Кто бы мог подумать!» И вот теперь Майкл Голд умирает, а у викария не находится для друга ни единого слова утешения. «Да что со мной, в самом деле? Я священник, мне следует успокоить умирающего, взять за руку, отпустить грехи. За руку?! Нет, только не это! Выходит, я все-таки верю ему?»

– Клянусь вам, Джон, клянусь, на этот раз я действительно твердо решил умереть. Бремя вины и пороков не позволяет мне жить дальше. Я никого больше не погублю!

Безумие какое-то! А ведь всего несколько дней назад все было так обыденно, так буднично...

Несколькими днями ранее посыльный принес викарию записку – его давно болевшему другу, доктору Майклу Голду, стало хуже, и он просит дорогого Джона немедленно прийти для разговора чрезвычайной важности.

Священник тотчас отправился к доктору. Четверть часа спустя он уже подходил к огромному мрачному дому, выстроенному дедом его друга. В саду перед домом ему встретилась молодая племянница Голда, миссис Роуз Делмор, с очаровательной белокурой малышкой Элис на руках.

– Дорогой викарий, проходите, пожалуйста. Дядюшка так ждет вас!

– Как он, мисс Роуз? Ему хуже?

– Боюсь, что да. Ох, похоже, не вовремя мы приехали погостить.

– Что вы, голубушка, Майкл так любит и вас, и вашу дочурку. Как дела, Элис, дорогая?

Малышка застенчиво спрятала личико в кружевном воротнике матери. Викарий ласково погладил ее кудрявую головку, поклонился Роуз и заспешил к дому.

Дворецкий Уоткинс проводил гостя в спальню Голда. Тот действительно ждал друга с большим нетерпением.

– Джон, наконец-то! – воскликнул он, приподнимаясь на кровати. – Возьмите вон то кресло и садитесь поближе. Мне нужно многое вам рассказать. Это долгий разговор, и я хотел бы покончить с ним, пока у меня еще остались силы.

Удобно устроившись в предложенном кресле, викарий заботливо взял друга за руку:

– Майкл, вы уверены, что не хотите отдохнуть?

– Джон, поймите, для меня сейчас самое важное – рассказать вам всё. Я знаю, мне совсем недолго осталось... Никого и никогда не посвящал я в историю своей жизни, я просто не в силах умереть с этой тайной. Пусть это будет моей исповедью. Должен же я воспользоваться тем, что мой лучший друг – пастырь Божий.

Он невесело усмехнулся, но тут же лицо его снова стало серьезным и торжественным. Он глубоко вздохнул и, словно приняв непростое решение, начал:

– Джон, я очень стар...

– Да, друг мой, мы оба уже не мальчики, – кивнул викарий и погладил Голда по руке. – В сентябре вам стукнет семьдесят два, не так ли? Да и я не намного моложе.

Но тот решительно покачал головой:

– Нет, мне давно уже не семьдесят два. Многое из того, что вы знаете обо мне, неверно. Я француз, а не англичанин. Мое имя Рене Легран, я родился в Париже в 1495 году.

Не обращая внимания на недоуменный взгляд викария, Голд начал свое неспешное повествование. Говорил он долго, иногда прерываясь, чтобы вытереть пот со лба или выпить глоток воды. Через несколько часов силы его закончились, и он обессиленно опустился на подушку.

– Позвольте мне немного отдохнуть, Джон, а потом я продолжу, – пробормотал он и мгновенно уснул.

Франция, XV век

– Великий Боже, как здесь ужасно!

– Ну что ты, милый. Посмотри, какие красивые дома, – возразила Мадлен, выглядывая из повозки.

– Ты думаешь? – Клод с сомнением посмотрел на жену. – Народу-то! Отродясь столько не видывал. А улочки какие темные, узкие, никакого простора. То ли дело у нас в деревне.

– Клод, милый, ты же так хотел сюда переехать...

С детства Клод Легран мечтал стать военным. Затаив дыхание, слушал он легенды, которые рассказывала мать – о рыцарях и их оруженосцах, о Крестовых походах в далекие земли, о громких победах, о сказочном богатстве покоренных стран. Но судьба распорядилась иначе: его отец, Большой Жан, был деревенским кузнецом, человеком низшего сословия, рыцарем же мог стать только дворянин.

Большой Жан не одобрял мечтаний сына о стезе военного. Он не раз говорил:

– Ежели Господь дал тебе в руки кузнечный молот, малыш, то им и работай до гробовой доски.

Но Клод не желал и думать о работе в кузне. Повзрослев и женившись на Мадлен, младшей дочери богатого мельника, он принялся уговаривать ее оставить родной дом и переехать с ним в Париж.

– Подумай, милая, ты будешь настоящей городской дамой.

– Ох, Клод, я боюсь. Я ж деревенская, и там все будут смеяться надо мной.

– Да нет же! Я стану военным, мы купим хороший дом, у нас родится много детишек. А к городу ты быстро привыкнешь, милая, уж поверь.

В конце концов Мадлен согласилась, и весной 1494 года, нагрузив повозку нехитрым скарбом, супруги отправились в столицу. И теперь они ехали по Парижу, а цокот копыт измученной лошади гулким эхом разносился над мостовой.

Им удалось довольно быстро обустроиться. Небольшой капитал, полученный в качестве приданого за Мадлен, позволил купить комнату на втором этаже дома в самом конце улицы Сен-Дени, прямо у крепостной стены, опоясывающей город.

Поначалу Клод ворчал:

– Не понимаю, как здесь люди живут? Ты посмотри, крыши и балконы так выдаются вперед, что и солнце-то до мостовой не доходит.

Однако со временем он привык к жизни в городе и даже стал находить неизъяснимую прелесть в этих вечно затененных улочках.

Общительный и открытый, Клод довольно быстро приобрел в Париже множество друзей. И они, и сам город постоянно преподносили бедному провинциалу сюрпризы. Так, Клод с удивлением обнаружил, что все новые знакомые имеют не только имена, но и фамилии. В его краях это было редкостью, и вся деревня знала его как Клода, сына Большого Жана. Однако в городе этого явно было недостаточно.

Поскольку Клод собирался провести в Париже всю оставшуюся жизнь, он сразу же пошел к городскому прево и, выдав прозвище своего отца за фамилию, записался как Клод Легран¹ с улицы Сен-Дени, сын Жана Леграна.

Преисполнившись чувством собственной значимости (шутка ли, теперь у него есть фамилия!), он принялся наводить справки о возможности поступления в армию рыцарей. И тут его снова ждал сюрприз: оказалось, в Париже уже несколько лет существует *compagnie d'ordonnance* – регулярная ордонансная² рота, созданная по приказу короля Карла. Рота эта состояла из пехотинцев, которых почему-то называли вольными стрелками, и набиралась почти полностью из людей незнатных, простых.

Окрыленный этим известием, Клод бросился к друзьям с просьбой устроить ему встречу с командиром *compagnie d'ordonnance* и был так настойчив, что вскоре один из них выхлопотал для него аудиенцию у капитана роты Пельяна.

Взволнованный, Клод прибыл на улицу Сен-Поль, где квартировал капитан, задолго до условленного времени. Помявшись у ворот, он перешел на другую сторону улицы и замер, залюбовавшись возвышающимся через реку собором Парижской Богоматери, построенным несколько десятилетий назад. Как он огромен и красив! Разве есть в мире что-то более прекрасное, чем этот величественный собор? Сердце Клода болезненно сжалось от странной нежности к этой красоте, к этому городу.

На колокольне Святого Жана зазвонил колокол. Пора.

– Хм... Хотите в мою роту...

Капитан Пельян, высокий длинноволосый мужчина лет сорока, придиричливо оглядывал широкоплечего юношу с открытым, умным лицом.

«У нас в деревне так лошадей рассматривали, – весело подумал Клод. – Надеюсь, он не потребует показать зубы».

– Да, сударь.

¹ Le grand (*фр.*) – большой.

² Ordonnance (*фр.*) – приказ, постановление.

Капитану Пельяну смертельно надоели постоянные просители. То в роту прими, то перед коннетаблем похлопочи, то денежное довольствие выдай. Да еще эта дуреха, служанка Мари, вылила мятный соус на его белую рубаху. В чем прикажете идти на смотр роты? И все же он старался быть объективным. «Королю нужны опытные бойцы, – подумал он, – и если этот парень умеет держать алебарду в руках, то из него может выйти толк».

– Что ж, данные у вас подходящие, – удовлетворенно кивнул капитан. – Надеюсь, и опыт есть?

Клод невольно оробел.

– Какой опыт, сударь?

– Вы участвовали в боях? Учились военным наукам?

Юноша вконец растерялся.

– Видите ли, сударь... господин капитан... я недавно в Париже... я жил в деревне...

«Эх, жаль, с таким ростом, с такими мышцами...»

– Сожалею, но без опыта я не принимаю в роту.

Глаза Клода стали такими несчастными, что капитан невольно пожалел его. Он подошел к парню и похлопал его по плечу:

– Сударь, при моей роте есть детская военная школа. Самому вам уже поздно, но когда вашему сыну исполнится двенадцать – приводите мальчика, и я его возьму.

* * *

– Это была моя мечта, понимаешь? – бормотал Клод заплетающимся языком, сидя в трактире со своим соседом Жаком Буше. – А я, видите ли, слишком стар, чтоб учиться. А без этого они не берут. И что мне теперь делать?

– Не переживай, приятель, – утешал его Жак. – В городе полно гильдий и цехов, выбирай любой. Можешь стать оружейником, бочаром, портным или как я, к примеру, мясником. А у меня, между прочим, и отец был мясником, и дед тоже! А хочешь, плюнь на ремесла, стань торговцем – у тебя получится, это точно.

– Я для них стар, понимаешь? А вот сын мой не стар, и они его возьмут, только приводи. А как я приведу сына, если у меня его нет?

Жак Буше расхохотался:

– Ну так работай над этим, приятель!

Когда Клод наконец вернулся домой, Мадлен еще не спала. Конечно, ей очень хотелось, чтобы заветное желание супруга исполнилось. С другой стороны, если он станет военным, то как она будет одна, без него? Особенно сейчас, когда...

Дверь распахнулась, и в комнату ввалился Клод. Стиснув руки, она наблюдала, как он, качаясь, идет к кровати. Чутким женским сердцем Мадлен поняла, что муж лишился последней надежды. Ей было безумно жаль и его, и себя. «Я так его ждала, ведь сегодня, возможно, один из главных дней в моей жизни. Ладно, не буду пока говорить, подожду до завтра». Но утерпеть не смогла:

– Клод?

Голос Мадлен вырвал его из сонного забытья.

– М-м-м?

– Клод, дорогой... я беременна.

Он открыл глаза, с трудом сфокусировал взгляд на ее лице и твердым голосом приказал:

– Роди мальчика!

Распростившись с мечтой о военной службе, Клод по совету друзей приобрел необходимые инструменты, вступил в ремесленный цех и занялся изготовлением перчаток для

знатных особ. Дело оказалось весьма прибыльным, и спустя полгода он смог выкупить две комнатки на первом этаже, став полновластным хозяином небольшого дома. Эта покупка съела все их сбережения, но Клод пошел на нее не задумываясь – ведь скоро их станет трое, и им понадобится больше места. Однако судьба распорядилась иначе.

Летом 1495 года Клод одновременно стал счастливым отцом и безутешным вдовцом. На всю жизнь запомнил он то отчаяние, ту боль, которые испытал при виде вышедшей из спальни повитухи. Скрывая растерянность, та нахмурилась и озабоченно сообщила:

– Жена ваша, сударь, померла... обильное кровотечение... А ребенок – вот он.

И она торопливо сунула ему в руки завернутый в полотняную тряпку кулек. Но Клод не замечал его, он с ужасом смотрел на закрытую дверь, за которой осталась Мадлен, и душу его наполняло щемящее чувство одиночества.

Похоронив жену и немного оправившись от потрясения, Клод задумался: что же делать с младенцем? Конечно, проще всего отдать его в церковный приют, но ведь он так хотел сына. И Мадлен отдала жизнь ради появления на свет этого крошечного существа...

Помощь пришла неожиданно.

– Приятель, выброси эту мысль из головы, – сказал ему Жак Буше, уже успевший стать другом. – Моя Катрин вот-вот родит, за пару су она сможет и кормить твоего малыша, и приглядывать за ним, пока ты работаешь.

На том и порешили.

Месяцем позже Катрин Буше родила девочку, которую назвали Женевьевой. Поначалу Клод несколько раз в день приносил сына к соседке на кормление, но со временем стал оставлять Рене на целый день и даже на ночь. Катрин заботилась о нем, как о родном. Спустя пару лет малыш Рене уже сам бегал через улицу, от дома отца к дому супругов Буше и обратно. За ним почти всегда семенила крохотная Женевьева.

Франция, XVI век

Жизнь маленького Рене Лиграна была проста и приятна. Он обожал своего отца, любил, присев в уголке, наблюдать, как тот вырезает по лекалам перчатки из тонкой крашеной кожи, а потом сшивает их на каком-то загадочном приспособлении. Рене нравилось смотреть на богато одетых дам, появившихся иногда в их скромном доме. Дамы, шурша юбками, подходили к столу, на котором было разложено множество разноцветных перчаток, долго выбирали лучшую пару, спорили, смеялись. Они забирали перчатки, отдавая отцу взамен медные, а то и серебряные монеты с отчеканенным профилем короля, и уходили, каждый раз оставляя после себя неповторимый, загадочный аромат. Таинственной музыкой звучали для Рене слова «ливр», «денье», «су». «Когда-нибудь, – думал он, – Женевьева вырастет и станет такой же красивой дамой, я женюсь на ней и подарю все папины перчатки».

Малышку Женевьеву он любил не меньше, чем отца. И хотя она родилась всего четырьмя неделями позже него, Рене привык относиться к ней как к младшей. Этот черно-волосый мальчуган с живыми темными глазами как мог оберегал свою малышку Женевьеву, а она за это благодарно называла его «мой лыцаль».

Клод никогда не забывал об обещании капитана Пельяна принять его сына на обучение. Мальчик с детства знал, что станет воином.

Когда Рене исполнилось пять лет, отец подарил ему щенка. Малыш назвал его звучным именем Марсель и очень гордился тем, что теперь есть существо, полностью от него зависящее. Щенок был рыжий, пушистый и очень смешной, и Рене всей душой привязался к нему.

Лишь одно омрачало спокойное существование Рене – мысль о смерти. Отец часто рассказывал ему о матери, о том, с какой радостью ждала она рождения сына, как мечтала о нем. Не то чтобы Рене не хватало женской ласки – Катрин заботилась о нем, как о родном, – но ему казалось неправильным, что мама умерла как раз в тот момент, когда могла бы быть счастлива. «Неужели я тоже умру, когда у меня родится сын? – размышлял он. – Или в другое время, когда все будет особенно хорошо?» Постепенно он стал безумно, до холода в груди бояться смерти.

* * *

В воскресенье после мессы Клод и пятилетний Рене, оба в ярких праздничных камзолах, зашли за Женевьевой. Катрин снабдила их лепешками в полотняном мешочке, и они отправились на прогулку к Сене. Рене гордо шагал впереди, держа в одной руке Марсея, другой ведя за собой маленькую пухленькую Женевьеву. Клод замыкал шествие, внимательно следя, чтобы детей не задела проезжающие мимо повозки.

Неторопливо шли они по запруженной ремесленниками и хозяйками улице, любуясь разноцветными вывесками и слушая крики зазывал. Со всех сторон несло:

– Булочки, свежие булочки!

– Путник, мимо не пройди, мою лавку посети!

– Тутовый джин, ежевичное вино! Пробуем, покупаем!

Рене, который уже не первый раз совершал такое путешествие, охотно делился своими знаниями с Женевьевой, стараясь перекричать разноголосый шум улицы:

– Смотри, вот здесь, где нарисована индейка, торгуют птицей. А в той лавке сидит башмачник. Видишь вон ту дверь, похожую на бочку? Тут работает бочар. А вон там... Ну куда ты смотришь, зайчонок? На углу, где висит крендель вместо вывески, – там пекарь.

Маленькая Женевьева изо всех сил вертела кудрявой головкой, но все равно не успевала заметить все, что показывал друг. Рене видел ее восхищенный взгляд, и его просто распирало от гордости.

– А вот здесь, за этой высоченной стеной, – кладбище Невинных. Здесь хоронят некрещеных детей.

Девочка сочувственно вздохнула: как это, должно быть, страшно – умереть некрещеным!

Они прошли до конца всю Сен-Дени и повернули на рю де ла Савонри.

– Посмотри, Женевьева, вот этот столбик указывает на Гревскую площадь, там сжигают преступников и ведьм!

Малышка боязливо поежилась.

Через час они достигли Шатле. Эта старинная крепость когда-то была построена для защиты города, но с тех пор, как в прошлом веке Париж обнесли надежной стеной, необходимость в крепости отпала, и теперь в ней жил городской прево, располагались суд и тюрьма. Миновав серые башни крепости, Клод, Рене и Женевьева вышли к Сене.

День выдался жаркий, и к реке они подошли, изрядно запыхавшись. Женевьева восхищенно замерла: как здесь красиво! Вдоль воды прогуливались нарядные горожане. Неподалеку от берега были сложены грузы: бревна, сено, бочки с вином. Немного правее находилась пристань, у которой стояло несколько небольших суденышек, рядом с ними суетились грузчики. А слева раскинулся Пон о Мёнье – гордость Парижа, Мельничий мост, полностью застроенный домами, лавками и мастерскими. На противоположном конце моста возвышалась огромная мельница.

Как всегда по воскресеньям, здесь былолюдно и шумно, на мосту проходила оживленная торговля. Вдруг над разноголосым гомоном толпы зазвучала музыка. Рене завертел головой, пытаясь определить, откуда она доносится.

– Женестьева, смотри, менестрель! – закричал он.

И действительно, на мосту стоял музыкант и играл на лютне. Рене со всех ног бросился к нему, но вдруг поскользнулся, Марсель выпал у него из рук и кубарем полетел в реку. Мальчик с ужасом смотрел, как щенок, повизгивая, барахтается в воде. Надо спасти Марселя, но здесь может быть глубоко, а он, Рене, не умеет плавать. У него похолодело внутри, ноги словно приросли к земле. Господи, что же делать?!

– Папа!

Клод мельком взглянул на сына, желая понять, попытается ли тот спасти щенка, скинул башмаки и прыгнул в воду. Река у берега была неглубокой, он схватил перепуганное животное и направился к берегу. У моста его ждал потрясенный Рене.

– Папа, он мог умереть!

Вечером, укладывая Рене спать, Клод сказал ему очень серьезно:

– Запомни, сынок: ты обязан помочь тому, кто в этом нуждается. А уж спасти друга – твоя святая обязанность. Даже если это опасно. Только так ты сможешь стать настоящим мужчиной.

Рене тяжело переживал случившееся. Как он мог испугаться, когда Марселю угрожала опасность? Он побоялся спасти друга. Он трус, трус!

Слезы сами покатались из глаз. Мальчик вспомнил, что за всю дорогу до дома отец не позволил ему нести Марселя. Отец презирал его, потому что он, Рене, трус!

Нет, это неправда! Никогда, никогда больше он не испугается и всегда, как сказал папа, будет помогать тем, кому понадобится его помощь.

Этот первый случай малодушия он запомнил на всю свою долгую жизнь.

* * *

Дела у Жака Буше шли неважно с тех пор, как недалеко от него открыл мясную лавку Николя Костэ. Они стали конкурентами, и вскоре доходы у обоих стали столь низки, что их семьи едва сводили концы с концами. Жак несколько раз ходил к Костэ, пытаясь убедить его переехать, тем более что недалеко, на улице Дочерей Божьих, не было мясной лавки. Но тот категорически отказывался, хотя и понимал – Буше прав и вдвоем им здесь не выжить. Но почему съезжать должен именно он, Николя? Будет гораздо лучше, если Жак Буше свернет свое дело. Конечно, добровольно он не согласится, но... можно ведь и заставить. В голове Костэ созрел коварный план.

В тот день, ровно в час дня, в открытую дверь лавки Жака Буше въехала тележка охотника. Жак, как обычно, расплатился с ним и положил туши в подвал. Вечером он освежает их, а пока нужно заняться покупателями.

Но вместо покупателей в дверях показались два стражника прево. Жак, не зная за собой никакой вины, вежливо поклонился и спросил:

– Что вам угодно, господа?

– Нам сообщили, – низким голосом ответил один из них, по виду главный в этой паре, – что вы тайно охотитесь на дичь в королевских угодьях. Это незаконно и карается тюрьмой либо штрафом. Сейчас мы тут все осмотрим.

Он кивнул своему напарнику, и тот стал спускаться в погреб. Растерянный Жак пытался возражать, но его никто не слушал.

– Я не знаю ни одного шельмеца, – подмигнул старший стражник, – который бы с ходу признался в своих преступлениях. Вот когда находятся доказательства...

Он забирал туши, которые подавал ему подчиненный из погреба, и раскладывал их на рабочем верстаке. Затем оба занялись осмотром туш.

– Ага, вот и оно!

Жак с изумлением смотрел на королевское клеймо в виде лилии, стоявшее на бедре туши молодого оленя, и чувствовал, что волосы у него становятся дыбом. Всем было известно, что так клеймили маленьких оленят в королевских лесах.

– Это не мое... я не знаю... – в ужасе бормотал растерявшийся Жак.

В этот момент в лавку спустилась Катрин. В двух словах стражник объяснил, за что уводят ее мужа.

– Как видите, – ткнул он пальцем в клеймо, – за доказательствами далеко ходить не надо.

– Что с ним теперь будет? – со слезами спросила Катрин.

– Сейчас мы отведем его к судье. Если ваш муженек заплатит положенный штраф, то вернется домой, а нет – так судья отправит его в камеру.

Вечером следующего дня Катрин сидела в доме Клода и, плача, рассказывала, какая беда обрушилась на их семейство.

– Весь день я сегодня добивалась встречи с прево, – всхлипывала она, – и наконец он меня принял. Сказал, что надо платить штраф, иначе мой Жак до следующего лета останется в тюрьме.

– Сколько? – осторожно спросил Клод.

Катрин помедлила и обреченно ответила:

– Шесть ливров.

Это была огромная сумма. На такие деньги можно было снять на год целый дом с питанием и прачкой.

Клод молча встал и вынул из-под скамьи ларец. Достав два золотых экю, он протянул их соседке. Это были все его сбережения, но он не колеблясь отдал их. Катрин долго смотрела на монеты, потом принялась целовать руки Клода.

Дождавшись, когда Жака выпустят из Шатле, Клод отправился к нему и подробно обо всем расспросил. Буше клялся и божился, что ничего не знает о туше с королевским клеймом, что попала она к нему от охотника, его постоянного поставщика. Простоватый Жак никак не мог взять в толк, как все это могло случиться, но Клод сразу сообразил, где следует искать.

– Либо этот дуралей забрел в королевский лес, либо ему кто-то заплатил, чтобы тебе насолить. Пойдем-ка, дружище, хорошенько его порасспросим.

Оба тут же пошли к охотнику, и Легран, схватив его за грудки, прошипел:

– Говори, негодяй, откуда ты взял тушу с клеймом!

Тот, взглянув на разъяренное лицо Клода, понял, что шутить он не намерен. Как бы головы не лишиться. И чего ради? Из-за нескольких паршивых монет? Ну уж нет! Сжавшись, трусливый охотник рассказал, как он, застрелив оленя, по наущению Николя Костэ отправился в кузню к его младшему брату Шарлю, который и выжег на мертвом животном собственноручно сделанное клеймо.

Клод схватил негодяя за шкуру и поволок к прево. Там Жак составил жалобу на вероломного соседа, а незадачливый охотник все подтвердил. Спустя неделю Клод получил свои шесть ливров, а Жак – десять су, которые Костэ принужден был выплатить ему за клевету.

Мясная лавка Жака Буше снова стала единственной во всей округе.

Рене, прослышавший о том, что его отец спас семью Буше, необыкновенно гордился им. «Когда я вырасту, я буду таким же смелым». Часто, засыпая, мальчик мечтал о том, как будет совершать необыкновенные подвиги во имя справедливости и во славу прекрасной Женевиэвы.

* * *

Рене и Женевиэва с удовольствием проводили время вместе. И хотя мальчику больше нравились подвижные игры, к семи годам они чаще всего играли в семью. Рене изображал мужа и отца, Женевиэва была женой и мамой, а ее куклы – их детьми. Клод выделил им для игр уголок в кухне, и Рене, расхаживая по нему, важно спрашивал:

– Ну что, женушка, ужин готов?

– Сейчас-сейчас, дорогой, уже почти, – отвечала Женевиэва, маленьким ножичком нарезаю в плоску лопухи.

– Да почему ж так долго?

– Катрин весь вечер капризничала, и Франсуа плохо себя вел, вот я и забегалась. А малышка Кло такая умница, вся в папу.

Рене смотрел на нее смеющимися глазами и думал: «Скорей бы вырасти, чтоб и вправду на ней жениться».

По мере того как Рене рос, у него появлялись друзья. Высокий, худенький, подвижный, он носился по улицам и в любом уголке Парижа чувствовал себя как дома. Вместе с ним бегали белобрысый Мишель Жаро, сын портного, худой, нескладный Пьер Готье, сын столяра, и толстяк Жак Робишон, сын мельника, с соседней улицы Гран Труандери. Все время, незанятое общением с Женевиэвой, Рене проводил с ними. Мальчишки таскали овощи из садиков, кое-где втиснутых между домами, играли в кегли, а по праздникам, когда судоходство на Сене было запрещено, бегали купаться. Заводилой был Пьер, в его кудрявой голове постоянно рождались новые идеи:

– Пошли завтра драться на мечях, двое на двое.

– Давайте построим хижину отшельника.

– Если обломать вон те ветки, можно будет сделать из них луки и посоревноваться.

Рене с радостью соглашался на все и лишь в одной забаве категорически отказывался участвовать – в походах на кладбище. Как ни странно, оно было любимым местом прогулок горожан и игр детей, однако Рене, у которого кладбище вызывало мысли о смерти, упорно не желал ходить туда с друзьями. Поначалу мальчишки пытались его уговорить и даже взять на «слабо», но со временем махнули рукой и на кладбище ходили без него.

Как-то вечером четверо друзей слонялись неподалеку от мельницы папаши Робишона.

– Предлагаю завтра пойти за ворота, – прошептал Пьер.

– Ого!

– А это идея!

– Давайте!

– Прекрасно, встречаемся на рассвете у ворот Сен-Оноре.

Всем четверым строго-настрого запрещено было выходить за крепостные стены, но это их не остановило. Ночью Рене с замиранием сердца думал о завтрашней вылазке. Он пойдет туда один, без папы! Как волнующе и страшно! Впрочем, нет, он возьмет с собой Марсея, и пес защитит его от любой опасности.

Наутро приятели встретились у городских ворот. В руках у Пьера был маленький топорик, через плечо висел моток веревки.

- А это зачем? – удивились друзья.
- Увидите.

Ворота Сен-Оноре располагались на западной окраине города, у самой Сены. Проскользнув мимо стражников, которые, впрочем, не обратили на них никакого внимания, ребята перешли через мост надо рвом, окружавшим город, и зашагали по дороге, вьющейся вдоль реки. Счастью их не было предела: впервые они вышли за ворота одни, без взрослых. Вокруг теснились огороды и сады горожан. Мальчишки радостно поглядывали на встречных крестьян, направлявшихся в город пешком и на телегах, и, чувствуя себя совсем взрослыми, гордо задирали головы. Впереди них с радостным лаем бежал Марсель.

Постепенно возбуждение улеглось, и они стали размышлять, чем бы заняться. Пьер уверенно шагал по дороге.

- Куда мы идем? – поинтересовался Рене.
- Вон в тот перелесок у Сены, – ответил Пьер.

Он немного помедлил и выпалил:

- Будем делать плот!

Мальчишки восхищенно переглянулись и припустили к лесу.

Изготовление плота оказалось интереснейшим, необыкновенным занятием. Пьер своим маленьким топориком рубил ветви и тонкие деревца, остальные связывали их веревками. Глаза восторженно горели, работа спорилась. Марсель нетерпеливо прыгал рядом, отчаянно мешая всем четверым.

Соорудить некое подобие плота им удалось только к пяти часам пополудни. Уставшие, они повалились на траву, с гордостью разглядывая результат своих трудов.

– Что будем теперь делать? – спросил Жак Робишон. – Скоро солнце сядет, пора возвращаться. Да и есть ужасно хочется.

– Успеем прокатиться до заката, – возразил Мишель. – А потом спрячем его, а завтра снова вернемся сюда.

Пьер и Рене кивнули.

Настрогав из самых длинных веток нечто вроде шестов, они двинулись к реке. Жак и Пьер, зайдя в воду, тащили плот на себя, Мишель и Рене помогали, подталкивая его сзади. Он оказался неожиданно тяжелым.

Наконец им удалось спустить плот на воду. Ребята вскарабкались на него и отталкивались шестью, пока тот не покачнулся и не поплыл.

- Урааааа!!!

Теперь шесты до берега не доставали, и мальчишки управляли плотом, отталкиваясь от дна. Подхваченный течением, он поплыл прочь от города легко и быстро, немного смещаясь к центру реки. Марсель, который, видимо, помнил, как тонул в Сене, воды отчаянно боялся, поэтому с заливающим лаем бежал за ними вдоль берега.

- Мы мореходы!
- Норманны!
- Ага, и скоро откроем новые земли!

Их восторгу не было предела.

Плот набрал скорость, позади осталось уже несколько лье. Пора было возвращаться. Друзья начали выбирать местечко, куда лучше причалить, как вдруг увидели, что впереди река резко поворачивает влево.

- Мы врежемся в берег, поворачивайте!

Рене приналег на шест и чуть не свалился в воду, лишившись опоры: шест не доставал до дна.

– Слишком глубоко! – в панике закричал он.

Остальные шарили шестами, пытаясь нащупать дно, – бесполезно. Их вынесло на самую середину реки. С каждой секундой ситуация становилась все опаснее.

Мальчишки испуганно прижались друг к другу, интуитивно стараясь опуститься пониже. Рене в ужасе втянул голову в плечи. Ему захотелось, чтобы все это оказалось сном, проснуться в теплой, безопасной постели и увидеть ласковый взгляд отца! Но нет, все это наяву, и, похоже, пришел последний час его короткой жизни. Вот и злосчастный поворот. Рене испуганно закрыл глаза. Плот занесло вправо, он накренился и со всего размаха врезался в песчаную отмель. Послышался треск ломающихся жердей и рвущихся веревок, затем крики упавших в реку мальчишек. Часть бревен оторвалась, оставшийся кусок плота оттолкнулся от берега и, крутясь, устремился дальше по течению. На нем сидел обезумевший от ужаса Рене.

– Прыгай, Рене, прыгай!

– Ну давай же!

Рене собрал все свое мужество, завопил и бухнулся в Сену. И сразу же стал тонуть. Плавать он почти не умел и, вынырнув, в ужасе барахтался в воде, но вдруг почувствовал, как кто-то тянет его к берегу. Он открыл глаза – это Марсель бросился в реку, чтобы спасти друга, и теперь, вцепившись зубами в рубаху Рене, отчаянно тянул его к отмели. Марсель изо всех сил работал лапами, таща за собой мальчишку. Пес был невелик, одежда и боты Рене намокли и отяжелели, Марселю приходилось нелегко, но он упорно греб к берегу. Каждое следующее движение давалось ему все труднее и труднее, он хрипел и задыхался. И вот наступил момент, когда лапы перестали слушаться, вода залила пасть, из последних сил пес носом подтолкнул Рене к берегу...

Пьер, Жак и Мишель, стоя по горло в воде, намертво вцепились в его одежду и после некоторых усилий все-таки вытащили на песок. Когда обессилевшие мальчишки отползли от реки и повалились на траву, никто из них не заметил, что Марселя с ними нет.

Исчезновение пса обнаружилось лишь полчаса спустя. Переполошившись, друзья рванули к реке. Они кричали, шарили палками по дну, Рене в отчаянии бегал по берегу и звал Марселя, а Пьер и Мишель даже пытались нырять, но все их усилия были тщетны. Вскоре мокрые и продрогшие ребятишки были вынуждены прекратить поиски и уныло побрели в обратный путь. Оказалось, течение унесло их далеко от города. За их спиной медленно садилось солнце, далеко впереди вырисовывался зубчатый силуэт городской стены.

– Не успели, – обреченно вздохнул Жак.

Городские ворота закрывались на закате.

После короткого совещания решено было заночевать в яблоневом саду. Кое-как соорудив себе постель из веток, друзья улеглись и тесно прижались друг к другу. Им было страшно: ночью за городом могло произойти что угодно.

Рене не мог уснуть; дрожь от холода, он с тоской думал о произошедшем. Трясаясь, вспоминал он холодную воду и ужасные, похожие на змей водоросли, облепившие его ноги. «Так вот как чувствовал себя Марсель, когда был еще щенком! Я тогда его бросил, а сегодня он пожертвовал собой, чтобы спасти меня. А я... я даже не заметил, как он утонул. Я снова предал его».

Полночи он изводил себя этими мыслями, чувство вины жгло огнем. А о том, что ждет его завтра, даже думать не хотелось. Отец задаст ему такую взбучку, что он месяц сесть не сможет.

Вдалеке раздался цокот копыт. Рене приподнял голову. Всадник в богатых одеждах, в развевающемся плаще пустил лошадь галопом, торопясь покинуть город. Мальчик долго

смотрел ему вслед. В Париже он много раз видел проезжающих в каретах и верхом аристократов, не обращая на них особого внимания, но сейчас ему вдруг захотелось стать таким же знатным, гордо скакать на породистом коне, чтобы богатые одежды развевались за спиной... Он завистливо вздохнул, а когда звук копыт стих, поудобнее устроился на своей постели и, прижавшись к друзьям, забылся тяжелым сном.

На рассвете, голодные и замерзшие, друзья побрели к городским воротам. Рене с трудом перебирал ногами, его трясло как в лихорадке.

– О господи, что теперь будет, – бормотал Жак.

– Заткнись, – раздраженно бросил Мишель.

Каждого ждала дома встреча с разъяренными родителями.

Подходя к дому, Рене еще издали увидел в дверях грозную фигуру отца. Мальчик заставил себя идти спокойно, но взгляд упорно возвращался к булыжникам под ногами.

Когда сын приблизился, Клод зловеще прошипел:

– Где вы были, сударь?

Втянув голову в плечи, Рене проскользнул мимо отца и устремился к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Где ты был, маленький негодяй, я тебя спрашиваю? – Клод одним движением развернул сына к себе. Тот, опустив голову, молчал.

– Где Марсель?

– Он утонул, папа, – прошептал Рене еле слышно.

– Что-о??? – заорал отец и, схватив мальчика за плечи, бросил его на скамью.

В этот день восьмилетний Рене впервые узнал, что такое розги.

* * *

Любимыми развлечениями горожан были ярмарки и уличные представления. Каждое воскресенье на нескольких площадях Парижа выступали балаганы, бродячие актеры и музыканты. Представления были самыми разнообразными: цирковые номера, спектакли, буффонады, подражающие греческим трагедиям. Особой популярностью среди знати пользовался так называемый Суд Любви, спектакль, в котором актер задавал зрителям каверзные вопросы о дамах, пытаясь поймать мужчин на незнании предмета.

Особым видом представления были публичные казни. Они считались зрелищем назидательным, позволяющим не забыть о бренности жизни и предостеречь молодежь от ошибок. На казни и сожжения приходили целыми семьями. В зависимости от того, кем был приговоренный, толпа либо улюлюкала, требуя жестокой расправы, либо сочувствовала жертве; женщины и дети, не стесняясь, плакали от жалости к несчастному, которого убивали у них на глазах. Но если бы его вдруг помиловали, они бы почувствовали себя обманутыми.

Ремесленники и торговцы, для которых Суды Любви были слишком утонченны и непонятны, ходили на них, чтобы одним только присутствием подчеркнуть свой высокий вкус. На самом же деле простолюдины предпочитали разгульные мистерии о смерти и аде, получившие в народе название Пляски Смерти.

Именно на такое представление повел Клод сына. Вечером они пришли на Гревскую площадь, Рене протиснулся сквозь толпу и сел вместе с другими мальчишками впереди всех, перед большим деревянным помостом. К нему с двух сторон вели лестницы, по углам стояли высокие факелы, освещая все вокруг неровным, колеблющимся светом. Рене, с нетерпением ожидая начала, разглядывал площадь. Позади помоста в наступающей темноте чер-

нел силуэт знаменитого «Дома на сваях» – каменного здания, в котором заседало собрание гильдии купцов. С торца площади расположились дома зажиточных горожан с крышами из черепицы.

Наконец представление началось. Все затихли. На помост медленно и торжественно вышла высокая фигура, с ног до головы закутанная в темный плащ, с длинным посохом в руке. Она прошла мимо факела, пламя осветило мертвенно-белое мужское лицо под надвинутым на лоб капюшоном. Рене вздрогнул: он никогда не видел таких бледных людей. «Это не человек, – подумалось ему, – тогда кто же?» Словно отвечая на его вопрос, фигура протяжным голосом продекламировала:

Никто из вас меня пока не знает,
Мои глаза не видят ваших глаз.
Но время мчится, и судьба бросает
В мои объятия каждого из вас.

Как неразлучны, хоть и не похожи,
Луна и солнце, берег и вода,
Так вот и мы шагаем рядом тоже:
Я – Смерть, и Жизнь, навеки, навсегда!

Рене похолодел. Так вот она какая, Смерть! Вот кто забрал его мамочку! Он смотрел на закутанную фигуру со смешанным чувством страха и гнева.

А на сцене между тем загудели рожки, и началось действие. Под протяжную, громкую музыку на помост по правой лестнице один за другим выходили актеры в одеяниях рыцарей, ремесленников, крестьян, лавочников, мужчины и женщины, взрослые и дети. Их плавные движения напоминали танец. Некоторые из них изображали на ходу свою профессиональную деятельность, другие просто медленно двигались в сторону черной фигуры. Каждого проходившего мимо Смерть касалась кончиком посоха, после чего жертва скидывала одежду и, оставшись в одном белье, слабыми, неуверенными шагами спускалась с помоста по противоположной лестнице и исчезала в темноте.

Рене смотрел на сцену испуганными, широко открытыми глазами. «Удивительно, – думал он, – как все голые люди похожи. Не поймешь, кто из них рыцарь, а кто простолюдин». И снова, словно в ответ, черная фигура промолвила:

Смерть бесконечна, Смерть неотвратима,
Кто б ни был ты, король или купец,
Придет черед, Смерть не проскочит мимо,
Вас всех ждет одинаковый конец!

Постепенно музыка рожков и дудок становилась быстрее и резче, плавные движения актеров ускорялись и вскоре походили на какую-то безумную пляску. Вот на сцену выбежала девушка в белых одеждах, свет факелов причудливо играл на копне ее золотистых волос. Она была очень молода, почти ребенок, и потрясающе красива. Смерть дотронулась до ее плеча посохом, и девушка упала, вытянувшись ничком. Фигура в черном захохотала и продолжила:

Была ты милой и прелестной девой,
Но вот скончалась ты от страшных мук.
И стало твое девственное тело
Приютом вечным для червей и мух.

Зрители дружно ахнули. Рене сидел ни жив ни мертв. Ему казалось, что он чувствует смрадный запах, исходящий от этой черной фигуры. Эта мерзкая Смерть, она издевается над ними! Она глумится и насмехается. Всё бесполезно, говорит Смерть, всё тщетно, есть только она, могущественная и всесильная! Мальчик дрожал всем телом, в голове его беспорядочно металась мысль: «Нет, нет, я не хочу умирать, это неправда, я не умру! Главное – не встречаться с нею взглядом, и тогда она меня не заберет».

А на сцене продолжалась дикая, необузданная мистерия. Рожки и дудки, казалось, сошли с ума и выводили громкие, сумасшедшие мотивы. Актеры визжали, тряслись, подпрыгивали, падали, и только Смерть среди всего этого безумия оставалась неподвижной. Но вот она подняла голову и, перекрикивая звуки спектакля, провозгласила:

Сколь бы ты ни был смелым и отважным,
Свершу предначертание судьбы.
Настанет день, и я приду за каждым.
Кто будет следующим? Возможно, ты?

Произнося последние слова, Пьер Ормэ, актер, изображающий Смерть, посмотрел на маленького мальчика, сидящего перед помостом. Их взгляды встретились, и в глазах ребенка Пьер увидел безраздельный ужас. В следующую секунду малыш с криком вскочил и бросился бежать, в панике продираясь сквозь толпу. Пьер мысленно улыбнулся: похоже, он хорошо играет свою роль, хозяин труппы будет им доволен.

Рене бежал по темным улицам Парижа, не видя и не слыша ничего вокруг. Господи, что же делать? Смерть посмотрела прямо ему в глаза, она сказала, что он будет следующим, она хочет забрать его, она рядом! Дыхание Рене прерывалось, ноги не слушались, но он бежал до тех пор, пока не достиг спасительного дома в конце улицы Сен-Дени. Уж тут-то она его не достанет, здесь командует не мерзкая смерть, а отец! Забившись под рабочий верстак, Рене сжался и закрыл глаза. Тут позже его и нашел отец. Клод крепко прижал к себе сына и долго успокаивал его, дав себе обещание впредь не водить Рене на подобные представления.

* * *

Рене подрастал, ему было уже девять, и отец начал приобщать его к своему ремеслу, решив, что знание ремесла не помешает сыну. Сначала Клод давал Рене простые поручения – вырезать лекало, завязать узелки, но со временем мальчик уже мог заменить отца на любом, даже самом сложном этапе изготовления перчаток. Вдвоем они садились за стол у окна, работали, тихонько переговариваясь, а заодно поглядывали на улицу, где под навесом на длинной лавке был разложен их товар.

Мальчик любил эту работу, а больше всего ему нравилось украшать готовые перчатки. Золотые и серебряные нити, жемчуг и даже маленькие драгоценные камни – все шло в ход. Рене любил рисовать и часто предлагал отцу образцы узоров для вышивки. Перчатки украшались замысловатым орнаментом, вышитыми птицами, цветами и получались очень изящными. Покупатели, знатные дамы и кавалеры, были не в состоянии выбрать одну пару и покупали перчатки дюжинами. К одиннадцати годам Рене стал настоящим мастером. Молва об умельцах Легран постепенно разнеслась по всему городу. Клод богател и уже подумывал о покупке большого дома.

Едва Рене исполнилось двенадцать, Клод повел его на учебу в регулярную роту. И хотя капитана Пельяна уже давно не было в живых, Рене приняли без задержки. Он был высок и довольно широк в плечах, черные волосы доходили почти до плеч, темные глаза смотрели спокойно и уверенно. Сержант Дюпе, оглядев мальчика, доверительно сказал Клоду:

– Я не первый год набираю юношей на обучение. Поверьте мне, сударь, ваш сын станет прекрасным воином.

Сердце Клода радостно забилось.

Военное дело Рене понравилось. Школяров учили обращаться с оружием, соблюдать строй, маршировать. Кроме непосредственно воинских дисциплин, в курс обучения входили атлетика, элементарный счет, грамматика, религия, история крестовых и других военных походов, а также алхимия и фармация.

Насколько Рене нравилась учеба, настолько же не нравились его новые товарищи. Большинство из них происходило из самых низших слоев общества, разговоры их были слишком грубыми, а смех – слишком громким. Заводилой среди них был Жак Тильон, высокоченный парень, на голову выше остальных, с вечно сальными волосами и такими же сальными шутками. Рене старался обходить его стороной.

Отец Жака, Патрик Тильон, был чернорабочим в доках Сены, горьким пьяницей, регулярно избивавшим жену и сына. За короткую жизнь Жака отец не бил его разве что топором. Поначалу мальчик изо всех сил старался угодить отцу, но того, казалось, это только злило. Упреки и побои так и сыпались на Жака и в конце концов сделали свое дело: он возненавидел отца и весь мир. Единственным близким человеком была мать. Она работала прачкой и обстирывала всю улицу, трудясь с рассвета до позднего вечера. Когда Тильон, пьяный и злой, приходил домой и набрасывался на жену и сына с кулаками, она как могла закрывала собою маленького Жака.

Однажды, после очередной попойки, Патрик шел домой в особо мрачном расположении духа: хозяин доков, купец Вердьё, обещал выгнать его, если он не перестанет пить.

– Где ж это видано, чтоб человеку после работы и выпить нельзя было?! – бормотал Тильон, выходя из трактира. – Ну ничего, я тебе покажу! Будешь меня помнить, торгаш проклятый!

С трудом дойдя до дома, он распахнул дверь и ввалился в кухню, где его жена в огромном чане стирала белье с помощью деревянного валика.

– Опять своей бадьей всю комнату заняла? – злобно прошипел Тильон.

– Иди спать, Патрик, – тихо ответила женщина.

– Что-о?! – взревел тот. – Ты еще командовать будешь, грязная свинья?!

Он схватил валик и двинулся к жене.

Жака, спавшего в чуланчике, разбудили страшные крики матери. Он вбежал в кухню и увидел отца, изо всех сил колотившего упавшую жену деревянным валиком.

– Папа!

Тильон одним ударом отбросил сына, тот отлетел к стене и затих.

Придя в себя и не увидев в комнате отца, Жак подполз к несчастной женщине. Та, вся в крови, лежала в углу, тяжело привалившись к стене. Он вылез, ползал вокруг матери, гладил ее огрубевшие от вечной стирки руки и, рыдая, умолял:

– Подожди, подожди немного, скоро я вырасту и увезу тебя, мама. Ты только потерпи. Собрав последние силы, она с трудом открыла глаза и благодарно улыбнулась:

– Я потерплю, сыночек. Только расти быстрее.

К утру мать умерла.

Сразу после похорон Жак убежал из дома. Несколько лет прожил он на улице в компании бездомных и калек, пока один добрый монах не подобрал его и не отвел к сержанту Дюпе.

– Возьмите его в свою школу, сержант. Парню пришлось многое пережить, будем надеяться, что Господь смилостивится над ним и позволит стать хорошим человеком.

Но было уже поздно: злость, обида и жестокость навсегда поселились в сердце Жака Тильона. К своим тринадцати годам он твердо усвоил: единственный способ выжить – это кулаки и палка.

* * *

За короткое время Рене научился довольно сносно обращаться с копьем. Сержант Жюно, обучавший школяров владению оружием, был им доволен. «Жаль, что этот парень низкого происхождения, – думал он, глядя, как Рене ловко делает выпад, – он мог бы стать капитаном или даже маршалом».

Рене часто вспоминал Женевьеву, он отчаянно скучал по ней. Лежа ночью в казарме, он вспоминал, как они вместе играли, как однажды, когда она подвернула ногу, через полгорода нес ее на руках... В воскресные дни, когда не обязательно было ночевать в казарме, он мчался домой, чтобы повидаться с ней. Они уходили гулять на целый день и, присев в тени деревьев, мечтали о том, как славно будут жить, когда наконец вырастут и поженятся.

– У нас будет трое детей, и мы назовем их, как когда-то в игре звали наших кукол – Франсуа, Катрин и Клотильда, помнишь?

– Конечно. Но, Рене, разве не лучше, если детишек будет побольше?

И каждый раз Рене возвращался в школу с тяжелым сердцем: хотя военная наука ему нравилась, мальчишке было жаль покидать Женевьеву и неприятно находиться рядом с Жаком Тильоном и его компанией. Он остро нуждался в друге.

Среди школяров выделялся невысокий белокурый юноша с гладкими длинными волосами и задумчивыми серыми глазами. Его звали Филипп де Леруа. Спокойный, учтивый, с изысканными манерами и речью, в бархатном камзоле с кружевным воротником, он сразу понравился Рене. «Он, конечно, дворянин и никогда не захочет дружить с сыном простого перчаточника», – с горечью думал мальчик.

Однако получилось иначе.

Филипп был третьим, младшим сыном обедневшего дворянина Кристиана де Леруа, вассала графа Ангулемского. Два старших брата Филиппа унаследовали черты отца, были высоки, широкоплечи, сам же Филипп пошел в мать – светловолосый, изящный и утонченный, словно девушка. И хотя братья порой добродушно посмеивались над ним за это, Филипп знал, что они искренне любят его, и платил им тем же.

Кристиан де Леруа не представлял для детей иной карьеры, кроме военной. С большим трудом собрав деньги на экипировку, он отправил двух старших сыновей на обучение к сеньору. На обмундирование, необходимое для отправки к графу Филиппа, средств уже не хватило, и отец отправил его в Париж, на бесплатное обучение в ордонансную роту.

В военной школе Филипп отчаянно страдал: вокруг него были люди, чуждые ему и по сословию, и по духу. Он отличался от них решительно всем – манерами, речью, привычками, мыслями. Филиппу не хватало дружбы и поддержки братьев, он мучительно жаждал вернуться домой.

Единственным человеком, приглянувшимся ему среди школяров, был Рене Легран, и Филипп с нетерпением ждал случая познакомиться с ним. И случай этот вскоре представился.

Как-то на занятиях, которые вел их наставник, мэтр Пьер Гофлан, Рене задумался и не услышал, как учитель обратился к нему.

– Господин Легран?

Рене думал о Женевиэве, вспоминая их недавнюю прогулку.

– Господин Легран!

Мальчик вскочил:

– Да, мэтр.

– Будьте добры, сударь, повторите, что я сейчас рассказывал – почему большие щиты заострены книзу?

Естественно, Рене не слышал ни слова из того, что объяснял мэтр Гофлан. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, мучительно соображая, что бы придумать.

За спиной наставника со своего места встал Филипп де Леруа и, явно желая подсказать правильный ответ, сделал рукой резкое движение, словно втыкал меч в землю.

– Так что же, сударь? Вы слышали мой вопрос?

Филипп повторил тот же жест.

– Вам не угодно ответить?

– Чтобы можно было воткнуть щит в землю, мэтр... – пробормотал Рене.

Строгий наставник был явно удивлен:

– Верно.

После занятий Рене подошел к своему спасителю:

– Спасибо вам, сударь.

Тот улыбнулся и отвесил легкий поклон:

– Ну что вы, это было несложно. Меня зовут Филипп де Леруа.

– Рене. Рене Легран.

– Я знаю. И давно хотел познакомиться с вами, Рене.

– А я – с вами!

С этого дня началась их дружба.

Хотя Рене был на два года моложе Филиппа, общий язык они нашли очень быстро. Занятия проводились в первой половине дня, и после обеда школяров обычно отпускали. Свободное время каждый проводил как душе угодно: кто-то оставался в казарме, кто-то тренировался на военной площадке, а Рене с Филиппом предпочитали носиться по городу в поисках приключений. И еще они любили просто поболтать. Филипп рассказывал о своем доме в нескольких лье от Ангулема, о родителях и обожаемых им братьях, об истории своего рода.

– Наша семья живет в тех землях очень давно, больше ста лет. Еще мой прадед вручил перчатку Карлу Валуа, тогдашнему графу Ангулемскому.

– Ничего не понял, – признался Рене. – Зачем он отдал свою перчатку?

Филипп рассмеялся.

– Вручить перчатку – означает признать вассальную власть сеньора.

Не меньше, чем о своей семье, Филипп любил рассказывать о сюзерене своего отца, юном графе Франциске Ангулемском. О нем он мог говорить бесконечно.

– Представляешь, его отец был кузеном нашего короля, а сам он помолвлен с его дочерью.

– Отец послал моих братьев к графу, они станут рыцарями, а пока они его оруженосцы. Я видел его однажды, когда ездил в Ангулем.

– Возможно, когда-нибудь Франциск станет королем.

Рене слушал и завистливо вздыхал:

– Здорово. Я бы тоже хотел быть дворянином, у вас такая интересная жизнь.

– Тогда тебе нужно жениться на знатной даме, – смеялся Филипп.

– Ну уж нет! Я женюсь на Женевьеве.

Но и Рене не оставался в долгу, он рассказывал Филиппу о своем отце, о друзьях, о доме. Но чаще всего – о Женевьеве.

– Я очень хочу с ней познакомиться, – сказал как-то Филипп. – Должно быть, она необыкновенная.

– Что ж, давай выберем время и пойдем домой вместе, – обрадовался Рене.

Филипп с готовностью кивнул.

Дружба Рене и Филиппа крепла день ото дня. На занятиях они садились на одной лавке, на учениях всегда становились в пару, и даже свои кровати в казарме сдвинули, чтоб было удобнее ночью шептаться, что порождало сальные усмешки Жака Тильона. Изящный Филипп вызывал в нем презрение, но высказать это вслух он не решался: будучи дворянином, Леруа прекрасно фехтовал.

В воскресенье после мессы Рене повел Филиппа в гости к отцу. Клод радостно приветствовал нового друга своего сына, было заметно, что Филипп пришелся ему по душе. «Не зря я мечтал отдать Рене в военную школу, – думал довольный отец, – там учатся такие видные господа».

Рене показывал Филиппу разложенные на столе перчатки, когда, увидев мальчишек в окно, в дом вошла Женевьева.

Она подросла и выглядела уже почти взрослой девушкой. Ее нельзя было назвать красивой, но чувственный рот и свет серых глаз притягивали к ней взгляды многих юношей. Некоторая полнота ничуть не портила ее. В полотняном платье цвета слоновой кости Женевьева выглядела просто очаровательно. Она была без чепца, темные кудри свободно падали на плечи. Взглянув на нее, Филипп замер в восхищении.

Рене радостно кинулся к ней:

– Женевьева!

– Рене! Ты приехал!

– Я так соскучился! – Он обнял девочку и повернулся к другу: – Филипп, вот моя Женевьева.

В его голосе звучала неподдельная гордость.

Филипп церемонно поклонился. Девочка наклонила голову, приветствуя его, и тут же обернулась к Рене. Она так сильно скучала без него, что не могла обращать внимание ни на кого другого.

День прошел незаметно. Втроем они гуляли по городу, любовались замком Консьержери и собором Парижской Богоматери на острове Сите, церквями Сен-Мерри и Сен-Жак на улице Арсис, купили по большому сладкому кренделю у бакалейщика на рю Сен-Бон, пакет пирожков с мясом у смешливой пирожницы и огромные плюшки у булочника на Гревской площади. Разговорам, шуткам и смеху не было конца. У церкви Святой Троицы им повстречались два закадычных друга Рене – долговязый Пьер Готье и толстяк Жак Робишон, и началось настоящее веселье. Друзья устроились на пустыре за церковью и там играли в камбок, в охотников и зайцев, в салки, жмурки. Женевьева бегала наравне со всеми, казалось, и она, и мальчишки снова вернулись в раннее детство. К вечеру уставшие, но очень довольные они

вернулись на улицу Сен-Дени и поужинали в доме Клода. Женевьева со слезами на глазах проводила друзей, и они отправились в казармы.

Ночью, лежа без сна, Филипп понял, что влюбился в невесту лучшего друга.

* * *

Осенним днем друзья шли по улице, оживленно болтая. Прошел дождь, булыжная мостовая была влажной и скользкой. Ковылявшая впереди грузная старушка-простолюдинка поскользнулась на мокрых булыжниках и упала. Друзья кинулись к ней на помощь и осторожно помогли женщине встать. Серое платье ее промокло, полотняный чепец сполз на лицо. Филипп подобрал упавшую клюку и протянул ее старухе:

– Вот ваша палка, мадам.

– Спасибо, юные господа, – мягким голосом ответила старушка, поправляя чепец.

– Вы, наверное, ушиблись? Позвольте, мы проводим вас до дома.

Женщина внимательно посмотрела на них и кивнула. Друзья осторожно взяли ее под руки и повели по улице.

Старушка жила в небольшом доме на рю Пьер Сарразен, возле дороги, ведущей к предместью Сен-Жермен. Подойдя к двери, она обернулась к мальчишкам:

– Не зайдете ли, юные господа? Угощу вас жареными каштанами.

Друзьям не хотелось терять время на разговоры со старой женщиной, но отказаться было неловко. Они переглянулись, и Филипп вежливо поклонился в знак согласия.

Еще на улице Рене заметил, что над дверью нет вывески. Странно, в этом районе жили ремесленники, и на каждом доме красовалась табличка, сообщающая о занятии владельца. «Кто же эта старуха?» – с удивлением подумал он.

Сразу за дверью оказалась комната, длинная и узкая. Здесь царил полумрак, тусклый осенний свет с трудом проникал сквозь маленькие бежевые стеклышки, вставленные в оконную раму.

– Посидите здесь, юные господа, а я сейчас каштаны принесу.

Друзья удивленно оглядывались. Посередине комнаты стоял огромный дубовый стол, заваленный всякой всячиной. Чего тут только не было – связанные в веники пучки сушеных трав, конические свечи на деревянных подставках, зерна, бобы и отруби в плошках. Вдоль стен на полках и в маленьких шкафчиках стояли чаши и склянки, наполненные разноцветными жидкостями, жиром, смолой, солью, и что самое удивительное – там же лежали два толстых фолианта. Книги были редкостью, и друзья изумленно переглянулись – неужели старушка умеет читать?

Рене вдруг стало неуютно, его словно кольнуло какое-то недоброе предчувствие.

– Она ведьма, – прошептал он.

Открылась дверь в глубине комнаты, появилась старушка с железным противнем в руках. На нем дымились жареные каштаны, распространяя по комнате резкий сладковатый запах.

– Вот и угощение, юные господа, – пропела старушка. – Как вас зовут, дорогие мои?

– Филипп де Леруа, мадам.

– Рене Легран.

– Вот и хорошо, вот и замечательно. А я Мари Дюшон.

Женщина достала с полки две пустые плошки и, освободив часть стола, поставила их перед мальчишками. Насыпав каждому каштаны длинной деревянной ложкой, она села напротив них.

– Кушайте, кушайте, милые господа. Ах, какие же вы красивые и молодые!

Рене дал волю своему любопытству. С набитым ртом он спросил:

– Госпожа Дюшон, а что это у вас за травы и зерна? Зачем они вам?

– Ах, это... Я знахарка, милые мои, лечу людей.

Она помолчала и осторожно добавила:

– И еще немного ведунья. Хотите, погадаю вам?

Друзья испуганно переглянулись. Они твердо знали, что колдунов и ведьм жгут по воскресным дням на Гревской площади.

– Пожалуй, не надо, – промямлил Филипп.

– Да мы уж никому не скажем, не бойтесь. Я просто одним глазком посмотрю и расскажу, что вас ждет.

«Интересно, женюсь ли я на Женевьеве?» – подумал Рене. Он уже не мог противиться искушению.

– Давай ты первый, – толкнул он друга локтем.

Филиппу тоже очень хотелось узнать будущее. Станет ли он рыцарем? Будет ли служить королю?

– Хорошо, – кивнул он. – Что надо делать?

– А ничего. Есть у вас носовые платочки? Но предупреждаю, они пострадают.

Друзья рассмеялись. Ну и пусть, платка на такое интересное дело не жалко. Филипп достал из-за пояса батистовый треугольник и протянул женщине.

Мадам Дюшон зажгла свечи, одну поставила перед собой и осторожно поднесла платок Филиппа к огню. Ткань задымилась. Старушка посыпала платок каким-то белым порошком, пламя затрещало.

– Вас ждет предательство, молодой человек, – произнесла она и придвинула платок к огню. Батист загорелся. – И любовь, до-олгая, одна на всю жизнь. Поначалу она доставит вам много страданий, но потом принесет счастье.

Филипп покраснел, сладко и тревожно ему было слышать эти слова.

– Теперь вы, юный господин, – женщина повернулась к Рене. Тот протянул ей прямоугольный полотняный платок.

И снова мадам Дюшон поднесла его к горящей свечке. Пламя задрожало и сделалось красным, но ткань осталась невредимой. Старушка нахмурилась и насыпала на платок немного порошка, но ничего не произошло, красное пламя по-прежнему дергалось в разные стороны. Женщина вскочила, схватила с полки пузырек с черной жидкостью, капнула на платок и снова поднесла его к огню. Посыпались искры. Ее глаза испуганно расширились, она схватила руку Рене и, что-то бормоча, принялась пристально разглядывать его ладонь. Лицо ее делалось все более тревожным. Рене с недоумением следил за ее действиями.

Наконец она подняла полные ужаса глаза и прошептала:

– Демон! Бессмертный черный демон! Господи, помоги нам!

Рене захлопал глазами и попытался улыбнуться:

– Что вы... о чем вы?

Старуха вскочила и пронзительно закричала:

– Вон! Убирайся из моего дома! Демон! Демон!

Она стояла с перекошенным от ужаса лицом, истоиво крестясь, и непрерывно кричала. Перепуганные мальчишки опростелью кинулись к двери. Выскочив из дома, они пробежали пару улиц и только на берегу Сены остановились, чтобы перевести дух.

– Господи Боже, что это было? – прошептал Рене.

– По-моему, она сумасшедшая, – тяжело дыша, ответил Филипп.

Подавленные этим происшествием, они побрели к казарме. Словно по молчаливому уговору, ни один из них больше о нем не упоминал.

Этот случай произвел тяжелое впечатление на Рене. Хотя всякого рода гадания и были запрещены церковью, люди в них верили, и мальчик не являлся исключением. Он мучительно искал ответ – что имела в виду старуха, назвав его бессмертным черным демоном? Уж, конечно, не какие-то его отрицательные качества. Судя по ее испугу, она явно говорила не в переносном смысле. Выходит, он и правда демон, но об этом не знает? Может ли такое быть?

Но сколько Рене ни раздумывал, ему и в голову не могло прийти то, что произошло на самом деле.

* * *

Как-то вечером, вернувшись после прогулки по Парижу, ребята застали позади казармы ужасное зрелище: Жак и трое других мальчишек привязали к столбу собаку и кидали в нее камнями, соревнуясь в меткости. Беззащитный пес визжал и скулил, пытаясь увернуться от летящих в него камней. Не задумываясь, друзья кинулись спасать несчастное животное. Ближе всех к ним стоял Анри Кретъен, приятель Жака. Подбежав к Анри, Рене бросился на него с кулаками. Когда-то он не смог спасти Марселя, но уж этой собаке он не даст погибнуть! Рене и Филипп дрались так отчаянно, что вскоре их противники бежали, несмотря на численное превосходство.

Мальчишки отвязали избитую собаку, и она тут же, прихрамывая, заковыляла прочь.

Тильон, которого Филипп сильно ударил в ухо, в ярости думал, как усмирить ненавистного выскочку. «Они всегда вдвоем, потому и храбрые, – презрительно думал он. – Ничего, настанет день, когда я поймаю его. Посмотрим, будет ли он так же смел в одиночку».

Филипп был неистощим на выдумки.

– Рене, ты слыхал о Мрачном доме? – спросил он как-то.

– Нет, расскажи.

– За городом, недалеко от аббатства Сен-Дени, есть старый полуразрушенный дом. Он вроде бы сгорел, а может, просто от времени обветшал. Там когда-то жил настоящий рыцарь, представляешь? Вот бы нам на этот дом посмотреть!

– Здорово, давай! – с восторгом воскликнул Рене. – А почему он Мрачный?

– Он построен так, что туда никогда не проникает солнце.

В выходной день, прихватив с собой свечи, веревки и кое-какие мелочи, друзья отправились к аббатству. Дорога начиналась от ворот Сен-Дени, находящихся недалеко от дома Рене.

Аббатство оказалось довольно далеко, и по проселочной дороге им пришлось шагать несколько часов. Стоял погожий сентябрьский денек, идти было легко и приятно. Поля и сады кончились, с обеих сторон дороги теперь стоял лес. Париж остался далеко позади, а ребята все шли и шли, камзолы их покрылись дорожной пылью.

По пути Филипп рассказывал об аббатстве:

– Знаешь, Святой Дионисий был первым парижским епископом. Его казнили на холме Монмартр. Он пришел сюда, неся свою отрубленную голову в руке. А Святая Женевьева заложила здесь аббатство в его честь.

– Много веков назад жил здесь простой человек, Сугерий. Он был сиротой и воспитывался в аббатстве. И тут подружился с будущим королем Людовиком Толстым, который тоже воспитывался в Сен-Дени. А когда король ушел в Крестовый поход, он стал регентом, хотя по происхождению был простолюдином.

– Сугерий сам перестраивал центральную базилику и придумал для нее новый архитектурный стиль. Сейчас почти все соборы такие, а базилика Сен-Дени была первой, построенной в этом стиле. Сугерий назвал его «архитектурой света».

– Местным монахам поручено писать летопись Франции. А в крипте хоронят королей.

Солнце уже клонилось к закату, когда вдаль показались мощные стены аббатства и башни базилики. Сердца их затрепетали в предвкушении необыкновенного приключения.

– Ты знаешь, где стоит Мрачный дом? – спросил Рене.

– Нет. Обойдем аббатство, он должен быть где-то рядом, – ответил Филипп. Он непроизвольно перешел на шепот.

Величественное аббатство было все ближе и ближе. Над мощными стенами из темно-серого камня тут и там возвышались башни и шпили. Лучи заходящего солнца блестели на разноцветных витражах центральной базилики. У друзей перехватило дыхание от этой строгой красоты.

Дойдя до ворот, они повернули направо, обходя стену по кругу. Перед входом в аббатство простирались обработанные поля и луга, однако позади него лес подступал вплотную к стене. Вдоль стены, в нескольких шагах от нее, вилась узкая тропка.

Обойти стену оказалось делом нелегким. Аббатство было огромным и скорее походило на маленький город.

Они обогнули уже полкруга, но ничего похожего на дом им пока не встретилось. Вокруг был только лес, сквозь который слева виднелась мрачная стена аббатства.

– Ты уверен, что это не просто легенда? – засомневался Рене.

– Уже и не знаю, – уныло ответил Филипп, – мы прошли почти всю стену по кругу, и ничего нет.

Обойдя все аббатство, они вернулись к воротам.

– Что делать будем? – приуныл Филипп. – Смотри, солнце уже садится.

Друзья присели у дороги.

– Давай думать, – проговорил Рене. – Ведь дом не повозка, он должен занимать много места, так?

– Так, – кивнул Филипп.

– Значит, между тропой и стеной его быть не может: он там просто не поместится. Получается, дом может быть только в лесу. Вряд ли деревья подходят к дому вплотную, вокруг него должно быть какое-то пространство. Значит, нужно искать что-то типа поляны.

Филипп нетерпеливо вскочил:

– Точно, Рене, молодец! Пошли скорее, пока не стемнело.

– Подожди, есть другая мысль. Вряд ли тут рядом есть еще одна тропа, кроме той, по которой мы шли. Значит, к дому подходили с нее, так что нам нужно искать какое-то старое, заброшенное ответвление от основной тропки.

И они снова двинулись вдоль стены, шли медленно, один пристально вглядывался в чащу леса, другой внимательно смотрел под ноги, стараясь отыскать тропинку к дому.

Они закричали одновременно:

– Смотри, поляна!

– А вот и старая тропка!

Друзья счастливо переглянулись. Рене был горд тем, что его рассуждения оказались верными. Они осторожно двинулись к поляне по почти незаметной, затерявшейся от времени тропинке.

Когда деревья стали реже, они увидели чернеющий на поляне двухэтажный деревянный дом. В лучах заходящего солнца, проникающих сквозь листву, он выглядел огромным и страшным.

– Вот уж действительно Мрачный дом, – прошептал Филипп.

Здание было наполовину разрушено, часть стены обвалилась, черные глазницы пустых окон смотрели на них жутким взглядом. Рене зачарованно смотрел на дом, чувствуя, как взволнованно бьется сердце.

Немного придя в себя, они попробовали войти через дверь. Не получилось: она перекосилась так, что открыть ее было невозможно. Мальчишки полезли в окно.

Оказавшись внутри, они с интересом огляделись. Одна стена почти отсутствовала, и в помещении было довольно светло. Комната, в которую они попали, использовалась, по-видимому, в качестве сеней. Каменный пол, вдоль стен расставлены деревянные скамьи с резными спинками и кованые сундуки. На всем лежал толстый слой пыли. У дальней стены виднелась ветхая лестница на второй этаж.

Друзья непроизвольно перешли на шепот:

– Вот это да, смотри, какое все старое.

– Интересно, а что в сундуках?

– Слушай, – предложил Рене, – давай поднимемся наверх и оттуда начнем все осматривать. Вот только скоро стемнеет, и могут появиться призраки.

Филипп поежился:

– Тогда пошли быстрее.

Они поднялись на второй этаж. В просторной комнате, куда привела их скрипучая лестница, стоял полумрак. Друзья нетерпеливо оглядывались, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте. Постепенно стали видны очертания большого конторского стола и стула за ним. В углу комнаты стояла печка, вдоль стены – резные деревянные кресла, рядом скамья и на ней кувшин. На полу лежал старый, в дырах, ковер. И, как и внизу, все было покрыто пылью.

Мальчишки с опаской сделали несколько шагов. Прогнившие доски скрипели и прогибались под их весом.

– Как тут жутко, – прошептал Рене.

– Да уж, и впрямь чудесное место для призраков.

Вдруг Филипп присел и показал на дырку в ковре:

– Посмотри!

Рене подбежал к нему и сквозь слой пыли увидел на полу едва различимый рисунок, нанесенный белой краской, – две встречные стрелки, соприкасающиеся острием.

– Что это? Какой-то тайный знак?

– Точно! Интересно, что он обозначает?

– Может, какую-то встречу?

Они возбужденно топтались возле рисунка и перешептывались. Вдруг снаружи раздался резкий крик совы. Друзья вздрогнули от неожиданности, Рене оступился, и нога его попала на знак. В ту же секунду гнилые доски с жутким треском проломались, и он полетел вниз, истошно крича.

Рене показалось, что он на минуту потерял сознание. А когда очнулся, вокруг него было абсолютно темно, лишь из дыры над его головой шел слабый свет. Воздух отчетливо пах сыростью.

– Рене! Ты жив? Скажи что-нибудь! – в панике кричал Филипп, его голова смутно была видна в дыре далеко вверху.

Рене перевел дыхание.

– Вроде да, – неуверенно ответил он, потирая ушибленный бок.

– Держись, приятель, я сейчас спущусь к тебе, – с облегчением воскликнул Филипп, и через секунду послышался скрип лестницы.

Рене вертел головой, надеясь что-нибудь разглядеть вокруг себя. Странно, он должен был свалиться в комнату, через которую они забрались в дом, но в ней было гораздо светлее.

Над головой послышались шаги Филиппа и его растерянный голос:

– Где же ты?

– Да тут я.

В дыре появилась голова Филиппа, он возбужденно зашептал:

– Слушай, ты пробил пол первого этажа! Похоже, ты свалился в подвал.

– Пробил каменный пол? – недоверчиво переспросил Рене.

– Да нет же, тут что-то типа деревянного люка, закрывающего лаз, вот ты его и пробил своим весом. Больно ударился?

– Да вроде не очень. – Рене вдруг запаниковал. – Посмотри, там лестница есть? Как мне отсюда выбраться?

Нырнув в дыру по пояс, Филипп попытался нащупать лестницу.

– Похоже, ничего нету. Подожди, сейчас я тебе веревку скину. Но сначала посмотри, что там есть, ужас как любопытно.

– Да не видно ничего, тут темно! – Рене помолчал и виновато добавил: – Я по веревке залезть не сумею.

– Тогда я сейчас к тебе спущусь.

Филипп деятельно топал наверху, ища, куда можно привязать веревку. Он отодвинул задвижку и поднял люк. В подвале стало немного светлее.

– Свечу прихвати, – крикнул Рене.

– Угу.

Наконец приготовления были закончены, ухватившись за веревку, Филипп протиснулся в люк и стал медленно спускаться. Через несколько мгновений ноги его коснулись твердого пола. Вытащив из сумки две свечи, он зажег их и протянул одну Рене.

– Осторожно, смотри под ноги.

Мерцающее пламя свеч осветило огромный, явно больше самого дома, подвал. В сыром, спертом воздухе было трудно дышать.

– Ничего себе, смотри, тут, похоже, тренировались рыцари.

И в самом деле, пол был усеян обломками мечей и алебард, в углу стояло прогнившее соломенное чучело для тренировок, рядом с ним – стойка для оружия. Осторожно ступая, друзья двинулись в разные стороны. Рене шел вдоль стены, с любопытством разглядывая все, что попадалось на глаза, боясь пропустить любую мелочь. Вдруг раздался приглушенный возглас Филиппа. Легран метнулся к нему, и через несколько секунд оба стояли перед прямоугольным каменным сооружением, накрытым плитой. Плита была сдвинута в сторону.

– Что это, Господи Боже? – изумленно прошептал Рене и перекрестился.

– Гробница...

– Чья?

– Не знаю, давай посмотрим, – предложил Филипп.

Рене не поверил своим ушам.

– Ты хочешь заглянуть внутрь?? А вдруг там... кто-то лежит?

Он с изумлением смотрел на друга, поражаясь его храбрости. А тот, подойдя к саркофагу, вздохнул, словно набираясь мужества, и с решимостью отчаяния опустил руку со свечой внутрь гробницы. Пересохшими губами Рене прошептал:

– Ну что там?

– Пусто, – облегченно выдохнул Филипп.

Осмелев, они внимательно осмотрели гробницу. Это было прямоугольное сооружение из шлифованного камня с полтоза³ глубиной, абсолютно пустое.

– Зачем она здесь, как думаешь?

– Возможно, хозяин приготовил ее для себя?

– А почему не использовал? Слушай, – заволновался Рене, – а вдруг он все еще жив и сейчас где-то здесь, в доме?

Филипп испуганно отпрянул, но тут же расслабился.

– Да ну, перестань, ты дом видел? Он же совсем развалился. Тут давно никто не живет. А почему гробница пустая... ну мало ли, как бывает.

Потоптавшись, они продолжили осмотр подвала. Рене шагал осторожно, опасаясь еще какого-нибудь сюрприза. Он дошел до угла, поднял глаза... и во весь дух помчался назад. Подбежав к другу, он посмотрел на него выпученными от ужаса глазами и с трудом прошептал, тыкая пальцем за угол:

– Там... там... человек... хозяин!

Тот недоуменно хлопнул глазами:

– Не понял.

– Тише ты! Говорю, там господин какой-то сидит... в кольчуге и шлеме... наверняка хозяин дома... и гробницы.

Филипп побледнел, но тут же взял себя в руки:

– Если в доспехах, значит, рыцарь, благородный человек, и нам его бояться нечего.

– А вдруг это призрак? Сторожит сокровища дома...

Решительно тряхнув головой, Филипп потянул друга за рукав:

– Пошли.

Рене глубоко вздохнул и отправился за ним. Они осторожно выглянули из-за угла, попытавшись что-нибудь разглядеть в глубине подвала. Из темноты не доносилось ни звука. Потоптавшись немного, друзья медленно двинулись дальше.

В дальнем углу подвала стояла низенькая деревянная лавочка. За несколько шагов до нее колеблющийся свет свечи выхватил из темноты фигуру человека, который полулежал, привалившись к стене. Ребята замерли, потом Филипп сделал шаг вперед и с поклоном сказал:

– Здравствуйте, сударь.

Никакого ответа. Они недоуменно переглянулись, и Рене, у которого сердце бешено колотилось в груди, хрипло прошептал:

– Он спит, что ли?

Оба растерянно уставились на незнакомца. Рене приблизился, чтобы получше рассмотреть его... и волосы у него встали дыбом.

– Господь милосердный! – воскликнул он, выронив из рук свечу.

Рыцарь был одет в полный доспех, включая шлем с закрытым забралом, не хватало лишь перчаток. А из рукавов кольчуги торчали длинные тонкие кости пальцев.

Им хотелось бежать, но ноги стали ватными и не желали слушаться. Прошла минута, другая – ничего не происходило. Мало-помалу они немного успокоились и стали внимательно разглядывать страшную находку.

Накинутый поверх проржавевшей кольчуги полуистлевший плащ когда-то, очевидно, был белым, на груди отчетливо выделялся красный крест. На полу, у ног скелета, лежал меч.

– Тамплиер! – восхищенно прошептал Филипп. – Понимаешь? Это самый настоящий тамплиер!

– Точно! Слушай, а давай поднимем забрало?

³ Старинная французская мера длины, равная 1,949 метра.

Филипп кивнул. Собравшись с духом, он шагнул к рыцарю и медленно-медленно приподнял ту часть шлема, которая закрывала лицо. Раздался скрип, оба вздрогнули, нервы были натянуты до предела. Дрожащей рукой Рене поднес свечу поближе.

Жутким черным взглядом на них смотрели пустые глазницы черепа, опущенная нижняя челюсть открывала два ряда полусгнивших зубов. Филипп испуганно отдернул руку, забрало скользнуло вниз и с лязгом стукнулось о шлем. Мальчишки заорали и кинулись наутек. Добежав до гробницы, они повалились на крышку, пытаясь унять дрожь и отдышаться. Им понадобилось не меньше пяти минут, чтобы немножко прийти в себя.

– Ну что? – все еще тяжело дыша, спросил Рене. – Пойдем снова? Интересно же.

– Ага.

Крадущимися шагами они снова направились в дальний конец подвала. И в этот раз увидели то, чего не заметили раньше: фалангами пальцев скелет держал длинную узкую шкатулку с резной крышкой.

– Неужто он умер, охраняя эту коробку? – уважительно прошептал Рене.

– Наверное, – кивнул Филипп. – Это сколько ж он здесь сидит?

Недавний испуг поутих, и теперь они с благоговейным почтением разглядывали останки тамплиера. Особенно заинтересовала их амуниция рыцаря.

– Смотри, какая кольчуга, сейчас таких уже не делают.

– Да уж, нынешний латный доспех куда надежнее. А шлем какой!

Рене подошел к мечу и осторожно взял его в руки.

– Тяжеленный...

– Дай подержать.

Вдоволь насмотревшись на свою страшную находку, они снова уставились на шкатулку. Филипп шепотом пояснил:

– В таких ларчиках в Ангулем привозят указы короля и папские буллы.

Он помолчал, а потом еле слышно добавил:

– Рене, давай ее заберем.

– Давай, – выдохнул тот.

Он протянул руку к шкатулке и тут же ее отдернул: страшновато было брать что-то из рук скелета. Дыхание его участилось, в горле пересохло.

– Может, лучше ты?

– Бери, не трусь, – настаивал Филипп.

Рене глубоко вздохнул, протянул руку к шкатулке и осторожно взялся за край. Холодея от ужаса, он помедлил немного и резко выдернул коробочку. Гулко стукнули костяшки пальцев скелета, звук эхом прокатился по подвалу. Не сговариваясь, друзья кинулись бежать.

Рене маялся рядом с дырой, пока Филипп взбирался по веревке вверх. Оказавшись на первом этаже, он кинул веревку другу:

– Обвяжись, и я тебя вытяну.

Нервно оглядываясь, Рене крепко обмотался веревкой и крикнул полусшепотом:

– Тяни!

Через пару минут он уже стоял рядом с Филиппом.

– Бежим?

– Бежим!

И друзья кинулись вон из Мрачного дома.

На улице было уже темно, и они с трудом нашли заросшую тропку, ведущую на дорогу к аббатству. Добравшись до ворот, они сели на землю и, отдышавшись, устроили совещание.

– Что будем делать?

– Не знаю. Смысла идти в город уже нет. Ночью ходить опасно, да и городские ворота до рассвета закрыты.

Оглядев свой пыльный камзол, Филипп предложил:

– Давай попросимся на ночлег здесь. Монахи люди добрые, не откажут. Скажем, что заблудились в лесу.

– А шкатулка? Давай сначала ее откроем?

– Темно.

Рене кивнул на сумку:

– Свечи.

Они снова зашли в лес, Филипп сел на пенек и попробовал открыть шкатулку. Она была заперта. Испорченный от времени и подвальной сырости механизм не работал. Им потребовалось довольно много времени, чтобы сломать замок. Наконец что-то щелкнуло, мальчишки замерли в предвкушении.

Филипп нервно сглотнул и дрожащей рукой приоткрыл крышку. Мерцающее пламя свечи осветило старый свиток, лежащий внутри. Чуть дыша, Рене осторожно взял его и развернул. Это был манускрипт, содержащий всего пару фраз. Сверху крупными красными буквами было написано несколько слов.

– Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini Tuo da gloriam, – прочитал Филипп и тут же пояснил: – Это латынь. Не нам, Господь, не нам, но имени Твоему во славу.

– Здорово! А дальше? Тут вроде по-французски, – неуверенно сказал Рене. Он начал учиться читать только в военной школе и пока не очень хорошо мог это делать.

Филипп старательно разглядывал черные буквы на манускрипте.

– Мечтающим – зарождение истины, алчущим – ее кончина; исток как рука, исход как взгляд, – прочитал он шепотом. – Что бы это могло означать?

– Не знаю, шифр какой-то.

Друзья заглянули в шкатулку. На дне лежала небольшая серебряная монетка. Они внимательно, насколько позволял свет свечи, разглядели ее: на ней был отчеканен профиль носа того господина в странном, словно сделанном из перьев головном уборе.

Они растерянно переглянулись.

– В шкатулке больше ничего нет. Значит, ценность ее – именно в этих двух фразах, – попробовал рассуждать Рене. – Хотя, возможно, и монета что-то означает.

– В одной фразе, – поправил его Филипп. – Вот это, написанное на латыни, – девиз тамплиеров, он на всех бумагах писался.

– Мечтающим зарождение истины... Возможно, это означает, что все мечты сбудутся в момент зарождения истины? А когда она рождается? В день пришествия Господа?

– Нет, что-то не то. Этот рыцарь не зря умер с манускриптом в руках. Здесь написано что-то очень важное. Ты слышал о сокровенных знаниях тамплиеров?

Рене задумался.

– Они вроде постигли тайну философского камня...

Друзья прикидывали и так, и эдак, но ничего толкового придумать не смогли.

– Ладно, пошли проситься на постой к монахам. Авось не прогонят, – промолвил Филипп. – Глаза слипаются, продолжим гадать завтра.

Рене очень хотелось еще поговорить о смысле таинственных слов, но он понимал, что друг прав.

– Ладно, – вздохнул он. – Завтра так завтра. Спрячь шкатулку в свой кошель.

Они встали и направились к аббатству.

Филипп оказался прав: бенедиктинцы не отказали мальчишкам в приюте, накормили их в трапезной, а после этого служка повел их по коридору аббатства к кельям.

Рене шел, с интересом разглядывая старинные стены и на ходу фантазируя.

Вдруг Филипп резко ткнул его в бок локтем и взглядом показал на фреску, нарисованную на стене. Рене присмотрелся внимательнее. Ничего необычного, на фреске был изображен монах на коленях, к нему с небес спускался луч света. Вдоль луча шли буквы. Рене пожал плечами.

Служка развел мальчиков по кельям. Рене вошел в свою и подивился скромности обстановки: кроме кровати, в крошечной комнатке ничего не было. Под потолком виднелось маленькое кривое оконце. В углу стояли таз и кувшин с водой.

Не прошло и минуты, как появился Филипп. Глаза его возбужденно горели.

– Ты видел?

– Что, фреску? Видел, но ничего не понял.

– На луче было написано *veritas*! Понимаешь? *Veritas* по-латински – истина!

– И что с того?

– Ну как ты не понимаешь? – нетерпеливо воскликнул Филипп. – Мечтающим – зарождение истины, алчущим – ее кончина. Истина – это солнечный свет!

Рене начал понимать, о чем говорит его друг.

– Подожди, получается, что мечтающим – зарождение света, а алчущим – его кончина?

– Вот именно! А когда зарождается свет? На восходе!

– То есть на восходе должны сбываться мечты? И что для этого надо сделать?

– Ну откуда же я знаю.

Проснулся Рене внезапно и тут же вскочил. Утренний свет осторожно пробивался через крохотное окошко. Он понял! Выскользнув в коридор, он постучал в дверь соседней кельи.

– Фи-и-ипп! – протяжно позвал он.

Дверь открылась, показалось заспанное лицо юноши.

– Ты чего? – сонно спросил он.

Рене протиснулся в дверь.

– По-моему, я догадался! Свет рождается на восходе, да, но где?

– Где? – тупо повторил Филипп.

– Балда! На востоке, понимаешь? На востоке! Это означает, что мечту надо искать восточнее дома, а клад – западнее!

Филипп моментально проснулся:

– Точно! А ты считаешь, что второе – это сокровища?

– Конечно, чего ж еще могут искать алчущие?

– Верно, – Филипп помолчал. – Знаешь, когда мы заходили в дом, солнце как раз садилось, и деревья отбрасывали тени в сторону аббатства.

– Значит, оно стоит на восток от дома.

– Ага, только где именно искать?

– Подожди, Филипп, там же что-то дальше было, в манускрипте?

– Исток как рука, исход как взгляд, – процитировал тот.

Рене лихорадочно соображал:

– Исток, исток... исток реки – это там, где она начинается, зарождается. Точно, имеется в виду начало! Но чего?

– Ведь вторая фраза должна быть связана с первой, верно? Получается «начало света».

– То есть восход? А исход тогда – это закат? Если так, то выходит «восход как рука, закат как взгляд». И что?

– Знаешь, весь этот текст – явное указание на какое-то место, вернее, на два. А как можно описать расположение? Задать направление и дистанцию, верно? – рассуждал Филипп.

– Ты хочешь сказать, что рука и взгляд – это расстояние от Мрачного дома?

– Похоже на то.

Они снова задумались.

– Ну если так, – задумчиво проговорил Рене, – то можно предположить, что нечто расположено так близко, что можно достать рукой. Но что тогда означает взгляд?

– Возможно, наоборот, очень далеко? Так, что это можно только увидеть?

– Слушай, а ведь и правда, похоже. Получается, что мечту надо искать очень близко от Мрачного дома, на востоке, а богатство – далеко от него, на западе.

Филипп подумал и подвел итог:

– В общем, надо вернуться к Мрачному дому, пройти на восток до стены аббатства и все по дороге внимательно разглядеть. А потом от дома идти на запад, выйти из леса и посмотреть, насколько далеко там видно. Возможно, мы увидим что-нибудь на горизонте.

Ветки хлестали по щекам, штаны цеплялись за колючки, но друзья упорно обследовали пространство между домом и аббатством. Время от времени они с опаской оглядывались на Мрачный дом, словно ожидая, что мертвый рыцарь придет, чтобы им помешать.

Оба давно должны были быть в школе, но они не могли ни о чем думать, кроме поиска сокровищ тамплиеров.

Было уже около полудня, когда Филипп закричал:

– Рене! Сюда!

Он показывал на дерево, на стволе которого был вырезан знак из двух встречных стрелок с соприкасающимися наконечниками.

– Такой же, как в доме! – выдохнул подбежавший Рене.

– Точно. И что это нам дает?

– В доме под этим знаком был люк в подвал.

Не сговариваясь, они наклонились и принялись разгребать листья и траву под деревом.

– На земле ничего нет, – вздохнул Рене. – Надо копать.

– Нечем, – грустно ответил Филипп.

Они попробовали разгребать землю руками, но толку от этого было мало. Посоветовавшись, мальчишки решили идти в город, а в следующий выходной вернуться с лопатой и продолжить поиски.

К вечеру они вернулись в казармы, уставшие, грязные, одежда и волосы их были покрыты пылью. Сержант Дюпе пришел в ярость.

– Вы обязаны ночевать в казарме, господа! – бушевал он. – У меня нет других дел, кроме как искать своих школяров? Ни шагу больше из гарнизона! Для исправления вам обоим – десять дней дополнительных парных тренировок на алебардах и мечах.

Друзья покаянно молчали.

* * *

Теперь и вечера их были заняты. Но больше всего их огорчало, что они не смогут в следующий выходной отправиться в Сен-Дени. Жак Тильон удовлетворенно потирал руки: не зря он обратил внимание сержанта на отсутствие этих выскочек. Теперь им будет не так весело!

Однако вечерние занятия не мешали друзьям фантазировать и обсуждать дальнейший план действий. Они вернутся туда с лопатой и раскопают все вокруг дерева, на котором были начертаны стрелки. Эх, знать бы, что они означают.

Время тянулось бесконечно долго, но вот штрафные занятия наконец кончились, и друзья, как и все остальные, получили выходной. Купив в лавке лопаты, они направились в Сен-Дени.

Достигнув стен аббатства, Рене и Филипп повернули на тропу к Мрачному дому. Найдя нужное дерево, они скинули камзолы и принялись копать.

Через час под деревом зияла огромная яма в полтузаза глубиной. Друзья разочарованно переглянулись.

– Ничего нет.

– Возможно, копать надо не точно под знаком, а с другой стороны дерева?

Они снова взялись за работу. Рене уже отчаялся, когда его лопата со звоном наткнулась на что-то твердое. Сердце забилося так, что ему стало трудно дышать. Филипп, услышавший звук, тут же оказался рядом. Не сговариваясь, они упали на колени и стали руками разгребать землю под деревом.

Вскоре они поняли: выше корней вокруг ствола была обвита цепь. Немного подкопав по кругу, они смогли увидеть ее целиком.

– Вот это да! – выдохнули они разом.

Мальчишки с восторгом смотрели на цепь: это было первое реальное доказательство того, что они правильно расшифровали таинственные слова из манускрипта. Гордость переполняла их.

Друзья принялись поспешно осматривать цепь и обнаружили, что на одном из звеньев висел металлический предмет в форме ладони, у которой вместо мизинца был второй большой палец, что делало ее симметричной. На одной стороне ладони была выгравирована шестиконечная звезда, на другой виднелась полустертая надпись.

Филипп принялся листьями очищать ладонь от земли, пытаясь прочесть буквы. Наконец он медленно произнес:

– Сила убийцы смешается с силой Востока.

Они помолчали, пытаясь понять смысл этой фразы.

– Н-да-а, с каждым шагом все сложнее, – протянул Рене.

Внимательно обследовав цепь, они пришли к выводу, что снять ее с дерева будет им не под силу.

– Знаешь, Рене, по-моему, она серебряная. Может, это и есть то, что мы ищем? Такого количества серебра хватит на полжизни.

– Вряд ли. Во-первых, в этой стороне от дома должны быть не сокровища, а что-то, исполняющее желания. Во-вторых, для клада одной цепи все-таки маловато.

– Да, ты прав. Что будем делать? – спросил Филипп.

– Эта ладонь – явно символ или талисман. Кто-то должен ее узнать. Нам нужно забрать ее с собой и показать кому-нибудь. Давай попробуем лопатой сломать перемычку, соединяющую ее с цепью.

Они порядком намучились, прежде чем им удалось это сделать. Ладонь была небольшая, с полпальца, а кольцо, на котором она крепилась к цепи, и вовсе маленьким. Попасть по нему лопатой было нелегко. Но все же час спустя заветный талисман удалось отколоть, и Рене бережно положил его в мешочек-кошель, который всегда носил у пояса.

Они зарыли яму вокруг дерева и накидали сверху листьев, чтоб никто случайно не наткнулся на их сокровище.

По дороге домой они обсуждали, что делать дальше. Поиски зашли в тупик, и они ломали голову, что бы предпринять. Им нужен был совет, но они понятия не имели, к кому обратиться.

– Идея! – закричал Рене. – Помнишь ту старуху, мадам Дюшон? Она ведьма и наверняка знает все о тайных знаках. Она нам расскажет и про стрелки, и про ладонь.

– Но она же нас прогнала.

– Не нас, а меня. А против тебя она ничего не имела. Сходи к ней и спроси. Бьюсь об заклад, она тебя помнит и не откажется помочь.

– Ну ладно, давай попробуем, – с сомнением протянул Филипп. – Завтра же после занятий и схожу.

– Ну? – спросил Рене. Он ждал друга неподалеку от дома старухи Дюшон, приплясывая от нетерпения.

– Узнал, – выдохнул Филипп. – Все узнал!

Он помолчал для важности и продолжил:

– Старушка нашла этот знак в своем фолианте. Он означает, что нечто важное находится на уровне земли или немного ниже.

– Как раз как цепь! – радостно вскричал Рене.

– Да, и подвал, – кивнул Филипп. – Над ним ведь тоже были нарисованы встречающиеся стрелы.

– А ладонь?

– Она называется хамса, а еще – Рука Фатимы. Это восточный талисман, оберегающий владельца и помогающий исполнять желания.

– Здорово, – воскликнул Рене. – Мы все правильно расшифровали!

– Похоже на то, – кивнул Филипп и продолжил рассказ: – Шестиконечная звезда на ладони – это Маген Давид, Щит Давида. Ее еще называют звездой спасения.

Он закрыл глаза, собираясь с мыслями, и произнес, явно цитируя выученные по фолианту слова:

– Она обозначает отношения между Богом, человеком и мирозданием.

Рене обалдело захлопал глазами.

– И зачем он на ладони, этот Щит Давида?

Филипп пожал плечами:

– Не знаю, может, это означает, что Рука Фатимы исполняет только добрые желания?

– Значит, сила Востока из надписи – это Рука Фатимы? – попытался Рене.

– Пожалуй.

– А что тогда сила убийцы?

– Надо подумать. И еще...

– Что? – заинтересовался Рене.

Филипп замялся. Разве мог он рассказать, что ему напороочила старуха? «Твой друг – демон, беги от него, как от чумы! Он предаст тебя, и это дорого тебе обойдется». Нет, он не может этого сказать. «Пророчества могут ошибаться», – убеждал себя Филипп. Он покачал головой:

– Нет, ничего.

* * *

Рене спал в казарме, когда его разбудил толчок. Кто-то теребил его за руку. Он вскочил и увидел рядом горящие глаза Филиппа.

– Я понял, понял! – с жаром зашептал тот. – Убийца – это король!

Рене потряс головой, силясь проснуться.

– Какой убийца? Какой король?

– Ну как ты не понимаешь? «Сила убийцы смешается с силой Востока». Тамплиеров уничтожил Филипп Красивый! Он объявил их богоотступниками, пытал, а потом сжег на костре Великого Магистра! Разве ты ничего об этом не слышал?

– Не помню, – пробормотал Рене. – Нам-то что за дело?

– Как что? Нужно найти короля Филиппа! Ведь он и есть убийца тамплиеров!

– Ты о чем говоришь-то? Он уже давно умер и похоронен, одни кости остались.

– Это точно, но все равно...

Глаза Филиппа стали круглыми от возбуждения.

– Сен-Дени! – воскликнул он. – Рене, ты просто молодец!

– Тихо, всех перебудешь. Что – Сен-Дени?

– В базилике хоронят королей, вот что! Кости Филиппа Красивого там! Вот почему манускрипт хранился в Мрачном доме, а не в каком-нибудь замке тамплиеров, – от него рукой подать до аббатства! Помнишь – «исток как рука»?

Теперь уже возбуждение Филиппа передалось и Рене:

– Точно! Наконец-то все сошлось! Нам надо попасть в усыпальницу этого короля.

Остаток ночи друзья оживленно обсуждали планы на будущее.

Лежа на своей кровати, Жак Тильон внимательно слушал, о чем они говорили.

Решено было проникнуть в усыпальницу ночью, тайно. Но как покинуть школу, если они обязаны ночевать в казарме?

– Если мы снова сбежим, нас просто выгонят отсюда. Отец меня убьет, – жаловался Рене.

– Да и мой будет не в восторге, – кивнул Филипп. – Надо придумать что-то другое.

– Идея! Скоро День святого Мартина Турского, нас обязательно отпустят, ведь он покровитель солдат. Надо сказать, что мы переночуем у нас дома.

– Верно, Рене, ты молодец!

Они лежали тихо, каждый делал вид, что спит. На самом деле оба обдумывали, какое желание загадать в аббатстве.

«Как бы хотелось стать дворянином, знатным человеком, – думал Рене. – Я загадаю, чтобы встретиться с королем, совершить какой-нибудь подвиг, и тогда он пожалует мне дворянство. Хотя нет. Смерть – вот что самое ужасное! Я боюсь ее, безумно, до дрожи боюсь! Летом и зимой мертвецы лежат в земле, черви глодают их тела. Брр... Нет, не хочу, не хочу умирать. Неважно, стану я знатным человеком или нет, но пусть смерть будет мне послушна и не придет за мной, пока я сам ее не позову».

Филипп лежал на соседней кровати и тоже размышлял: «Чего мне хочется? Стать храбрым и благородным рыцарем. А еще – жениться на прекрасной Женевиэве. Но она невеста Рене, и не в правилах дворянина так поступать. Хотя, конечно, все может случиться: она ему не обещана, они могут передумать, разлюбить друг друга».

Полночи Филипп ворочался с боку на бок, пытаясь найти решение. Наконец он сделал свой выбор: «Смелым и благородным рыцарем я смогу стать сам, без всяких чудес. Выберу Женевиэву, но только с условием, что на нее не будет претендовать Рене».

Обдумав свои желания, оба умиротворенно заснули.

Жак Тильон, слышавший их разговор до последнего слова, был очень возбужден. Он решил не рассказывать своим приятелям о подслушанной беседе. «Я прослежу за этими

выскачками и, когда они уйдут, тоже загадаю желание, – думал он. – И я уже знаю, какое. Я загадаю быть самым сильным, чтобы из любого боя и драки всегда выходить победителем, чтобы никто и никогда не смог меня одолеть».

* * *

Они не предполагали, как жутко им будет в темном ночном лесу. Мысль о том, что рядом находится Мрачный дом со скелетом в подвале, вызывала дрожь. Но жажда приключений, вечная спутница мальчишек во все времена, упрямо гнала их вперед.

Решено было обойти аббатство сзади. Шли медленно, постоянно спотыкаясь и цепляясь плащами за колючки. Было тихо, крик ночной птицы или треск упавшей ветки заставляли их вздрагивать. Филипп непроизвольно перешел на шепот:

– Усыпальница находится в базилике, мы ее видели в прошлый раз. Нужно перелезть через стену и доползти до нее.

– Хорошо.

Продравшись сквозь заросли, они подошли к стене. Накинуть веревочную лестницу на стену не удалось – она была ровная и практически не имела выступов. Тогда Рене залез на дерево и с него по толстой ветке перелез на стену. Отдышавшись, он кинул конец лестницы Филиппу. Через минуту оба спрыгнули со стены на территорию аббатства.

Вокруг высились многочисленные каменные здания. Чего тут только не было – часовня, трапезная, приют, библиотека и даже винодельня. Однако найти среди них базилику было несложно – она возвышалась над всеми остальными сооружениями, лунный свет играл на ее стеклянных витражах.

Согнувшись, мальчишки перебежали от здания к зданию, вокруг было тихо. «Конечно, ведь монахи ложатся рано», – подумал Рене и в этот момент услышал отдаленное пение.

– Как же мы не сообразили? – зашептал Филипп. – Ведь завтра День святого Мартина, значит, сегодня должна быть ночная месса. И она наверняка проходит в базилике.

Но им повезло: молебен проходил в небольшой часовне, стоящей у самых ворот аббатства. Они добрались до базилики, никем не замеченные, и принялись искать, как в нее проникнуть. Очень скоро друзья нашли незакрытое окно и легко в него протиснулись. Спрыгнув внутрь, они огляделись и замерли в восхищении. Впереди, у алтаря, горели свечи, подчеркивая красоту и торжественность окружающего убранства. Недаром это аббатство многие века было духовной опорой Франции – каждый камень тут дышал могуществом и силой. Огромные резные колонны поддерживали теряющийся в темноте купол, на витражах высотой с десяток туазов играл лунный свет, добавляя изображенным на них библейским сюжетам что-то мистическое.

– Гробницы должны быть внизу, в крипте, – прошептал Филипп.

Рене согласно кивнул.

Подождав, когда глаза привыкнут к темноте, они двинулись искать лестницу. Она оказалась в левом нефе.

Спустившись, друзья очутились в подземелье базилики. Здесь можно было без опаски зажечь свечи.

Усыпальницу королей они увидели сразу. В глубине крипты сгрудились надгробные памятники и плиты. Пространство было занято огромными гробницами, на которых стояли, сидели, лежали мраморные короли и королевы. Величественные памятники вздымались к сводчатому потолку. Друзьям стало жутковато, захотелось оставить свою затею и поскорее убраться отсюда. Будь каждый из них здесь в одиночестве – тотчас бы сбежал без оглядки, но ни одному из них не хотелось проявить слабость перед другом. Помывшись, они направились к усыпальнице.

– Смотри, сколько их здесь, – прошептал Филипп. – Тут сбоку на плитах написаны имена, ищи Филиппа Красивого.

Держась рядом, они пошли вдоль надгробий, освещая пламенем свечи надписи на них. История Франции предстала перед ними в лицах.

– Смотри, Рене, Хлодвиг!

– А вот сам Гуго Капет!

– Филипп Август, который стену вокруг Парижа возвел!

– Карл Победитель! Он боялся, что его отравят, отказывался есть и в результате умер от голода.

– Пепин Короткий!

Постепенно страх уступил место благоговению и осознанию величия этого места. Невозможно было поверить, что рядом находится прах стольких великих людей. Они так увлеклись, что почти забыли о цели своего прихода.

– Людовик Святой!

– Дагобер!

– Филипп Красивый!

– Жанна Наваррская!

Борясь с волнением, Филипп уставился на друга:

– Что ты сказал?

Тут уже и Рене осознал, что нашел нужную гробницу. Сердце забилось так сильно, словно хотело вырваться из груди.

Надгробие Филиппа Красивого было выполнено в виде купола над постаментом, укрепленного на четырех витых столбах. На постаменте лежала мраморная статуя короля. Одна рука была прижата к груди, другая сжимала скипетр; в ногах расположился лев. Друзья с замиранием сердца вглядывались в каменное лицо почившего монарха.

– И что теперь? – спросил Рене еле слышно.

– Давай внимательно все осмотрим.

При свете свечи они принялись изучать каждый дюйм надгробия. Осмотр постаamenta и столбов ничего не дал, ребята переключили внимание на статую. Осматривая каменную мантию, Рене заметил в лапе льва, лежавшего в ногах короля, небольшой скол. Мальчик пригляделся внимательнее.

– Нашел!

Филипп кинулся к нему.

Это был не скол, а небольшая выемка в форме симметричной ладони с двумя большими пальцами. Дрожа от волнения, Рене вынул из мешочка на поясе Руку Фатимы и вложил ее в выемку. Она поместилась идеально, послышался тихий щелчок. Друзья в изумлении смотрели, как одна из складок мантии легко отошла в сторону, открыв небольшую прямоугольную нишу в статуе. Они затаили дыхание и заглянули внутрь. Тайник был пуст. Горькое разочарование отразилось на их лицах. Расстроенные, они опустили на пол.

– Кто-то побывал тут до нас, – растерянно произнес Рене.

Филипп долго молчал, потом проговорил с сомнением:

– Не могу понять, как это произошло. Ведь Рука Фатимы у нас. Мы четко шли по цепочке знаков. Неужели могло быть несколько указаний на одно и то же место?

Он встал и принялся снова разглядывать нишу. И вдруг замер.

– Дай-ка свечку.

Рене недоуменно протянул ему свечу.

– О господи! – прошептал Филипп.

– Что?!

– Взгляни.

В колеблющемся свете Рене увидел, что на торце ниши выгравирована надпись:

«Не хамсу, но руку свою сюда положи,
И, когда предначертано, Он пожеланье исполнит».

Ошарашенные мальчишки молча смотрели то друг на друга, то на надпись. Через минуту их охватила безудержная радость.

– Нашли, мы нашли! – прерывающимся голосом воскликнул Рене.

– У нас получилось! – вторил ему Филипп.

Отдышавшись и немного успокоившись, они встали напротив статуи.

– Давай, – кивнул Филипп.

Рене положил руку на дно тайника и замер. Его желание было обдуманно заранее, но он все еще колебался. «Возможно, это самый главный шанс в моей жизни. Я могу загадать что угодно, даже стать королем. Но и короли смертны, вот они, лежат тут, словно никогда и не жили». Наконец Рене решился. «Хочу, чтобы смерть обходила меня стороной, пока я сам не позову ее», – мысленно проговорил он и отдернул руку. И тут же отошел в сторону, уступая место другу.

Филипп положил ладонь в нишу и быстро произнес про себя заготовленные слова: «Хочу жениться на Женеьеве Буше, если Рене почему-либо не сможет быть ее мужем».

Он отступил на два шага, и тут же дверца ниши бесшумно закрылась. Складки мраморной мантии сомкнулись, и ребята не смогли увидеть ни малейшей трещинки там, где была исчезнувшая ниша. Мальчишки кинулись к ногам статуи: в лапе льва была видна Рука Фатимы, но выглядела она скорее как рисунок – вытащить талисман из выемки в лапе было невозможно. Они не могли прийти в себя от изумления.

– Ниша исчезла!

– Невероятно!

Коротко посоветовавшись и решив, что здесь им больше делать нечего, они отправились в обратный путь.

Жак Тильон потерял мальчишек у аббатства. Прошло довольно много времени, прежде чем он отыскал базилику и спустился в крипту. Спрятавшись за колонной, он наблюдал, как Рене и Филипп топтались у ниши. С трудом дождавшись, пока мальчишки уйдут, он бросился к гробнице Филиппа Красивого и тщательным образом обследовал ее. Жак был неглуп и догадался, что произошло: тайник закрылся и теперь до него не добраться. Эти выскочки загадали заветные желания, а он не смог. Его ярости не было предела.

Час спустя друзья выбрались из аббатства и зашагали в сторону города. Их переполняло ликование. Рене казалось, что у него выросли крылья. Подумать только – он бессмертен! Он, простой мальчишка, смог обмануть смерть и никогда не умрет! Таким сокровищем не мог похвастаться ни один король! Самые богатые и могущественные люди на Земле отдали бы все свои драгоценности и земли, всю свою власть ради дара, которым теперь обладал сын парижского перчаточника.

Ему вдруг вспомнилась Мари Дюшон. «Как там она меня назвала, бессмертный черный демон? Видать, старуха и вправду ведьма, раз уже тогда знала, что я получу такой дар... Но почему демон?»

Внезапно Филипп остановился.

– Рене, мы должны еще раз вернуться в Мрачный дом, – решительно сказал он.

– Зачем? – испугался Рене.

– Этот благородный рыцарь... Мы обязаны похоронить его.

– С ума сошел? Тащить скелет в гробницу... Да мы умрем от ужаса, едва притронемся к нему.

– Это не важно. Он приготовил для себя место упокоения, и мы должны его туда положить.

– Да почему именно мы? – завопил Рене.

– Мы забрали шкатулку, – ответил Филипп, делая упор на слово «мы». – Мы узнали его тайну. Мы загадали заветные желания. Так что, сам видишь...

– Ладно, – неохотно проворчал Легран, – сходим когда-нибудь.

Филипп, помолчав, задумчиво спросил:

– Как думаешь, то, что мы загадали, действительно исполнится?

Рене посмотрел на него с удивлением:

– Конечно.

Рано утром они уже входили в город, взволнованные и радостные. Чудес этой ночи им хватило на всю оставшуюся жизнь. Много лет спустя, вспоминая этот день, Рене не мог понять, как им удалось так легко проникнуть в аббатство и найти тайник. Но в эту ночь ему казалось абсолютно естественным, что их безрассудная затея удалась.

Жак Тильон вернулся в Париж злой и разочарованный. В кои-то веки ему удалось узнать что-то стоящее, и вот – сорвалось. Ярость и обида клокотали в его груди, застилая разум. Хорошо еще, что он никому из парней не рассказал о своих планах – вот бы они над ним теперь посмеялись. Возвращаться в казарму не хотелось.

Проходя мимо собора Святой Троицы, Жак остановился – он помнил эту церковь с детства, мать часто водила его туда по воскресеньям. Значит, рядом, за углом, находится улица Пейви, где когда-то был их дом. Вероятно, ненавистный отец до сих пор живет там. «Я потерплю, сыночек, только расти быстрее». Сердце его сжалось: «Я вырос, мама». Глаза Жака загорелись, теперь он знал, куда приложить свою ярость. Почти бегом он направился к улице Пейви.

* * *

Последнее время Патрик Тильон все чаще задумывался о своей жизни. Что же за ничемное он существо? Жена умерла по его милости, сын сбежал... Господь никогда не простит его. А все проклятый трактир! Ах, если бы он мог пройти мимо него. Он бы бросил пить, нашел бы своего маленького Жака... Нужно попробовать, он обязательно попробует пройти мимо трактира!

Как ни странно, это ему удалось довольно легко. Первые дни он мучился от желания пропустить кружечку-другую, но мысль о сыне удерживала его. Когда же владелец доков, господин Вердье, похвалил его, у Патрика словно выросли крылья. Он смог! Теперь ничто не помешает ему начать новую, благочестивую жизнь.

Бросив пить, Патрик с удивлением обнаружил, что денег, которых раньше вечно не хватало, теперь вполне достаточно. Безусловно, его заработка хватит и на двоих, лишь бы найти Жака.

В тот вечер, подходя к своему дому, Тильон увидел на улице грязного черноволосого мальчугана лет девяти. Патрик кинул ему монетку. Что-то в этом пареньке напомнило ему сына. Впрочем, тогда он так много пил, что смутно помнил, как выглядел его Жак. Вот бы знать, где он сейчас, что делает.

Патрик быстро поужинал и лег спать. Завтра День святого Мартина Турского, нужно встать пораньше, чтобы не опоздать на утреннюю мессу.

Тильон проснулся с ощущением, что на него кто-то смотрит. Он открыл глаза и в тусклом утреннем свете увидел юношу, стоявшего рядом с кроватью. Патрик был удивлен, но не испугался. Он приподнялся на кровати и спросил:

– Кто вы, господин? Что вам угодно?

Юноша мрачно усмехнулся:

– Я пришел, чтобы вернуть тебе долг.

Жак пристально смотрел на отца, пытаясь разглядеть страх на его лице. Но видел лишь недоумение. Не оно было нужно Жаку: он хотел, чтобы тот боялся, до судорог, до паники, как когда-то он сам и его несчастная мать боялись этого вечно пьяного изверга. Юноша вытащил из-за спины толстую деревянную палку и легонько стукнул отца по руке.

– Да что такое?! – возмутился тот, потирая ушибленное место. Теперь в его глазах было негодование.

Опять не то. «Ну погоди же!» Жак с силой ударил дубинкой по плечу Патрика и на этот раз добился своего. Что-то хрустнуло, отец издал громкий вопль, лицо его перекошилось от боли, он с ужасом уставился на непрошеного гостя. Наконец-то! Сын с мрачной радостью смотрел, как в глазах отца разгораются страх и ненависть. Вот они, те самые чувства, с которыми он сам так часто смотрел на Тильона-старшего! Вид скривившегося от боли отца, который пытался закрыться от ударов руками, еще больше разжег ярость юноши. «Ненавижу! Ненавижу!» Он размахнулся и снова опустил палку на раздробленное плечо. Патрик взвыл, а Жак вновь поднял дубинку, он бил и бил по лежащему телу, совершенно перестав себя контролировать и словно пытаясь болью отца. А тот уже не кричал, лишь хрипел, изо рта его хлестала кровь, кости превратились в сплошное месиво.

В последние секунды своей жизни Патрик Тильон понял, кто стоит перед ним. Уже теряя сознание, он успел прошептать «Жак!», прежде чем удар тяжелой дубинки обрушился прямо на его голову.

* * *

Рене надеялся, что друг забудет о безрассудной идее захоронить рыцаря, но вскоре Филипп заговорил об этом вновь. Рене в ответ тяжело вздохнул и покачал головой:

– Я не пойду.

– Почему? – удивился Филипп.

– Господи, ну как ты не понимаешь? – Он еще раз вздохнул и прошептал еле слышно: – Я боюсь.

Но Филипп лишь рассмеялся:

– Это ничего, Рене. Мой отец всегда говорил, что у страха есть предел.

– Как это?

– Если сильно-сильно себя напугать, то потом бояться перестаешь.

– Хм... и ты в это веришь?

– Как я могу не верить собственному отцу? – с достоинством спросил Филипп.

– И что ты предлагаешь?

– Мы сядем в подвале и будем друг другу рассказывать страшные легенды, пока не перепугаемся до предела. Тогда страх уйдет, и мы сможем похоронить рыцаря.

Рене недоверчиво пожал плечами:

– Ну хорошо, давай попробуем.

Жак Тильон, услышав их шепот, замер и обратился в слух.

Друзья запаслись новой веревочной лестницей, прямоугольным отрезом полотна величиной с человеческий рост, свечами и отправились в путь. Найдя в лесу две длинные ветки, они обстругали их и прихватили получившиеся жерди с собой.

Они вышли на поляну и снова почувствовали смятение в душе.

Решено было, как и в первый раз, залезть через окно. В доме было довольно светло. К ножкам тяжелой скамьи, стоящей возле входа в подвал, Филипп привязал веревочную лестницу, а другой ее конец опустил в люк. Рене в это время укрепил углы купленного полотна на жердях. Получилось нечто вроде носилок. Друзья зажгли свечи и, перекрестившись, начали спускаться.

Дышать было легче, чем в прошлый раз: свежий воздух из открытого люка развеял вековую затхлость подвала.

Поначалу было совсем не страшно. Света двух свечей вполне хватало, чтобы видеть все на несколько шагов вокруг. Но лишь только они подошли к гробнице, Рене почувствовал неприятный холодок внутри.

– Может, сначала принесем тамплиера?

– Тогда нам придется класть его на пол, пока мы открываем саркофаг, а это не соответствует его статусу. Помоги сдвинуть крышку.

Мальчишки, укрепив свечи на полу, налегли на плиту всем телом, и она со скрежетом поползла в сторону.

– Стой! – воскликнул Рене. – Если мы еще немножко ее подвинем, она упадет на пол. У нас не хватит сил поднять эту тяжеленную плиту обратно.

– Но мы не сможем положить рыцаря через такую узкую щель, – возразил Филипп.

– Давай ее обратно поставим, а потом поднимем с одного конца и подопрем чем-нибудь.

Обойдя плиту с другой стороны, они навалились на нее, напрягая все силы, и вскоре саркофаг был закрыт. Обессилив, они привалились к стене, тяжело дыша. Вдруг Филипп затаил дыхание и прислушался.

– Тебе не кажется, что наверху кто-то ходит? – прошептал он.

На мгновение Рене почудилось, что у него остановилось сердце. Неужели призрак?! Но, сколько он ни вслушивался, не мог разобрать ни звука, кроме своего тяжелого дыхания. Он тихонько засмеялся:

– Ты б хоть предупредил, что свои страшные легенды рассказывать уже начал.

– Да нет же, действительно был какой-то звук, клянусь. Но сейчас я уже ничего не слышу.

Они замолчали, пытаясь справиться с накотившим страхом. Когда тревога несколько улеглась, Филипп сказал:

– Нужно чем-то подпереть крышку.

Рене, все еще прислушиваясь, сходил к стойке с оружием и принес длинный деревянный обломок.

– Древко копья подойдет?

– Угу.

Друзья снова схватились за плиту, напрягая все силы и натужно пыхтя.

– Берись вон за тот угол...

– Какая тяжеленная!

– Осторожно!

– Ой, сейчас уроню...

– Засовывай древко скорее!

Наконец дело было сделано, мальчишки сумели поднять и подпереть плиту и теперь сидели у стены, пытаясь отдышаться.

– Не понимаю... как мы с этим... справились, – с трудом пробормотал Рене.

– Ничего... самое трудное позади...

Рене невесело усмехнулся:

– Ты думаешь?

– Конечно. Ну что, пойдём?

Легран неохотно поднялся и кивнул на дорожную сумку:

– Зажги другие свечи, а эти оставим здесь, иначе не увидим в темноте гробницу.

Друзья с опаской приблизились. Пока Рене глазел на скелет, Филипп разложил импровизированные носилки на полу и обернулся:

– Ну что, готов? Может, обойдемся без легенд?

Рене отчаянно замотал головой:

– Нет уж, давай подождём... опробуем способ твоего отца.

Отойдя в уголок, они уселись прямо на пол и укрепили перед собой свечу. Боязливо поглядывая на скелет, Рене приготовился слушать.

– Давным-давно, – нараспев начал Филипп, – жил-был один рыцарь, и звали его Верберо, а прозвище ему люди дали Черное Сердце. Был он храбр до безрассудства и настолько силен, что никто не мог сравниться с ним в бою. Но в то же время – жесток и безжалостен, и говорили, что дьявол управляет им. Бесчинствовал Верберо и на войне, и на собственных землях. Часто случалось, что избивал и убивал он своих слуг, а равных себе оскорблял и обманывал. А когда полюбил он дочь вассала своего, то отнял ее у отца силой и женился на ней. Многие рыцари сражались с ним, но из любого поединка он выходил победителем.

И поднялся ропот великий на его земле, и пошли люди к его сеньору, герцогу, чтоб тот совершил справедливый суд над Верберо. Призвал герцог вассала к себе в замок и в присутствии баронов и рыцарей спросил его:

– Правда ли, о благородный Верберо, что о тебе говорят? Верно ли, что ты силой забрал дочь у вассала и сделал ее своею женой?

– Правда, – ответил рыцарь. – И это мое право, ибо я полюбил ее.

– Правда ли, о Верберо, что доверенных тебе людей убиваешь ты безжалостно?

– Правда, – ответил тот. – И я имею на это право, ибо то мои слуги.

– Правда ли, – в третий раз спросил герцог, – что ты оскорблял своих братьев-рыцарей?

– Правда, – подтвердил вассал. – И я в своем праве, ибо это право сильного.

Возмутился герцог столь дерзкими ответами и приказал казнить рыцаря. Услышав это, Верберо пришел в ярость и закричал:

– Я правдиво отвечал на все твои вопросы, герцог, и за это ты хочешь убить меня? Ты заплатишься за свое вероломство!

Тут же, во дворе замка, построили эшафот, и рыцарь при всем народе был раздет и разжалован. Потом проткнули его семь раз мечом, а тело выбросили в лес. Но был Верберо настолько силен здоровьем, что даже семь ран не убили его, и лежал он на лесной поляне еще живой. Спустились к нему с неба вороны и начали клевать его грудь, а он так ослабел, что не мог их отогнать. И когда пробили птицы грудь, то обнажилось сердце его, и сердце это было черного цвета. Выклевали вороны его черное сердце, и Верберо испустил дух.

В ту же ночь, ровно в полночь, налетел на замок ветер, завыл, загудел в дымоходах, и слышался людям в этом гуле голос: «Я идууууу». А в лесу встал призрак рыцаря на ноги и пошел искать герцога. Пришел он в замок, глянул на своего бывшего сеньора горящими глазами, и тот не мог уже сопротивляться, лишь смотрел беспомощно, как Верберо раздирает

руками его грудь. Вырвал призраком сердце герцога, и упал тот замертво. Но сердце благородного сеньора было светлым и чистым, как вода в роднике, не такое было нужно Верберо, и бросил он его на изуродованное тело.

И с тех пор каждую ночь, когда налетает ветер, бродит призрак и ищет свое черное сердце. И ежели встречает человека злого и жестокого, разрывает ему грудь и смотрит – не оно ли бьется в этой груди? И каждому, кто слышал эту жуткую историю, в вое ветра чудится протяжное «Я идуууууу».

Рене сидел ни жив ни мертв. В груди словно поселился ледяной ком, ноги окоченели. Обхватив себя руками за плечи, он дрожал то ли от холода, то ли от страха. О господи, зачем он услышал эту историю? Теперь и ему в вое ветра будет слышаться вопль рыцаря Черное Сердце!

Филипп, нагнавший страха и на себя, и на друга, тихо спросил:

– Ну как?

– Ж-ж-жуть.

– А представляешь, если...

Он не успел договорить, раздался грохот, мальчишки ахнули и замерли. На мгновение воцарилась жуткая тишина, потом они разом завопили и кинулись к люку.

Рене мчался, не чуя под собой ног, каждую секунду ожидая, что колени подогнутся. Он уже схватился за веревочную лестницу, когда Филипп крикнул:

– Стой!

Рене, не слушая, полез наверх, но Филипп схватил его за камзол:

– Да стой же! Это крышка гробницы упала. Древко подломилось, вот и всё.

С трудом осознав, что говорит Филипп, Рене завис, крепко держась за лестницу, и недоверчиво посмотрел вниз:

– Правда? Уверен?

– Ну конечно!

Он облегченно вздохнул и спустился. Ноги его не держали, и он без сил опустился на пол.

– Тьфу ты, пропасть! Всего лишь крышка... А напугала-то как!

Вытерев рукавом белое как снег лицо, Филипп кивнул в сторону тамплиера:

– Пошли обратно.

Через минуту они вновь сидели в дальнем конце подвала, боязливо косясь на скелет. Филипп откашлялся и начал:

– Пожалуй, расскажу тебе про Белую Даму. Жил как-то в одной деревне воин, и была у него жена по имени Розалинда. Она понесла, и они радовались, но пришла воину пора в поход отправляться, и осталась Розалинда одна. В положенное время родила она дочь, и все бы хорошо, но вот беда: верхняя губа у малышки рассечена была и поднималась до самого носа. Издавна такое в народе называлось волчьей пастью и считалось, что это признак оборотней и ведьм. А тут еще, как назло, в то лето, когда она родилась, засуха случилась, и остался тот край без урожая. И поняли люди – в самом деле малышка родилась ведьмой. Собрались тогда жители деревни, пришли к Розалинде, отняли у нее дочку и убили ее. Горько плакала несчастная мать и на похороны надела белое траурное платье. Но оказалось, что селяне девочку уже похоронили – как водится, лицом вниз, подальше от кладбища, в лесу. И никто из них не соглашался сказать матери, где могила...

– Слышишь? – вдруг перебил Легран.

– Что? Тихо всё, – ответил Филипп, прислушиваясь.

– Как будто кто-то скребется, – холодея от ужаса, прошептал Рене.

Они замолчали и некоторое время сидели в тишине.

– Ничего не слышно, – пытаюсь справиться с дыханием, пробормотал Филипп, – похоже, тебе показалось. Продолжаю?

Рене, сложив пальцы на обеих руках крестом, неуверенно кивнул, и снова полился неспешный рассказ:

– Не смогла пережить горя несчастная Розалинда, пошла к реке и утопилась. А спустя какое-то время стали жители видеть по ночам в деревне женщину, бледную как смерть, с длинными светлыми волосами и в белых одеждах. И всякий раз, когда ее замечали, в деревне пропадал чей-нибудь ребенок. И стали люди говорить, мол, ходит Белая Дама и всё ищет свое несчастное дитя, и...

– И-и-и-у-у-у-у, – глухо пронеслось над подвалом.

Помертвев и вжавшись в стену, мальчишки слушали этот жуткий вой. На мгновение он смолк, и снова:

– И-и-э-э-э-э...

Рене хотел вскочить и бежать, но не мог шевельнуться от ужаса. Он закрыл глаза и приготовился умереть. Побелевший Филипп повернулся к нему с дикими глазами и силился что-то сказать.

– Боже всемогущий, – наконец выговорил он, – Черное Сердце!

Стараясь не дышать, мальчишки отползли в угол и, вцепившись друг в друга, прижались к стене. Но Филипп тут же с криком вскочил.

– Что? – одними губами спросил Рене.

– Там... там... – тыча пальцем в угол, заикался Филипп, – там что-то двигалось...

Рене отпрянул, оба завопили и бросились бежать.

– И-и-э-э-э-э...

Они встали как вкопанные. Вой как будто стал громче, теперь к нему примешивался странный звук, словно кто-то скребется. Казалось, этому кошмару не будет конца. Но сил бояться больше не было. На Рене вдруг напала злость. В конце концов, он теперь бессмертный! «Еще посмотрим, кому будет страшнее!»

– Да сколько можно?! – прошипел он и отчаянно шагнул за угол.

– И-и-э-э-э-э...

Филипп с ужасом воззрился на него. Через мгновение Рене растерянно произнес:

– Это гробница...

– Что? – не понял Филипп, подходя к другу.

– Вой идет из нее.

– Но как же... Там ведь никого не было...

Рене решительно сжал зубы:

– Значит, мы пойдем и посмотрим.

– Да вдруг там призрак! – с отчаянием увещевал друга Филипп. Тот побледнел, но упрямо зашагал к саркофагу.

Теперь уже было очевидно, что вой и стуки действительно доносятся из гробницы. Друзья приблизились почти вплотную и явственно услышали:

– А-а-о-о-и-те-е-е-е...

– Оно сказала «помогите»? – растерянно прошептал Филипп.

Рене кивнул на гробницу и скомандовал:

– Сдвигаем крышку.

Откуда только силы взялись? Трясущимися руками они уперлись в плиту, закрывающую гробницу, и сдвинули ее на пару дюймов. Из гробницы раздался тяжелый вздох, и голос Жака Тильона нервно произнес:

– Открывайте быстрее!

Друзья изумленно переглянулись и приналегли на крышку. Она со скрежетом отошла в сторону, и из гробницы показалась голова Тильона. Безумными глазами посмотрев сначала на одного, потом на другого, он метнулся к люку и мигом взобрался по лесенке. Секундная заминка... и веревочная лестница поползла вверх.

Конечно, Жак Тильон не случайно оказался в Мрачном доме: двумя днями ранее он снова услышал обрывки разговора Рене и Филиппа. Жак радостно потирал руки: эти проходимцы опять что-то задумали. Он не сумел расслышать, что именно они собирались делать, но понял, что предстоит нечто интересное. Он опять решил проследить за выскочками. Уж в этот-то раз он своего не упустит!

Скрываясь в тени деревьев, он дошел за ними до Мрачного дома и видел, как они забрались внутрь. Выждав, Жак последовал за ними.

Он осторожно ходил по первому этажу, пытаясь определить, куда делись Легран и Леруа. Заслышав голоса внизу, он встал на четвереньки, тихонько подполз к открытому люку и замер. Ему было слышно, как ребята разговаривают, но слов разобрать он не мог. Жаку очень хотелось спуститься по веревочной лестнице, но он, опасаясь быть замеченным, решил подождать.

Вскоре внизу раздалась какая-то возня, затем Филипп отчетливо произнес:

– Нужно чем-то подпереть крышку.

Снова возня, потом шаги, лязг металла, затем голос Леграна, еле слышно:

– Древко копья подойдет?

Леруа что-то ответил, и шаги стали приближаться. Жак слышал натужное пыхтение, стоны и обрывки фраз.

«Поднимают какую-то крышку, – понял Жак. – Видать, там клад». Глаза его загорелись алчным блеском.

Услышав удаляющиеся голоса, Жак осторожно спустился вниз и огляделся. Шагах в десяти от него прямо на полу стояли свечи, освещающая каменную гробницу у стены. Крышка саркофага была приоткрыта и опиралась на крепкую с виду деревяшку. В глубине подвала маячили силуэты школяров, в руках у Леруа Жак заметил какие-то длинные жерди. Он увидел, как оба свернули за угол, затем послышался голос Филиппа:

– Ну что, готов?

Тильон осторожно направился к саркофагу, стараясь не наступать на разбросанные повсюду обломки оружия. Приблизившись, он боязливо заглянул внутрь и убедился, что гробница пуста. «Неужто уже всё забрали?» Странно, ведь он, сидя у люка, не слышал никаких подозрительных звуков. Не похоже, чтоб здесь что-то было. Зачем же они сюда залезли?

Между тем за углом послышался оживленный разговор. Надо бы послушать. Но они в любой момент могут появиться и тотчас его увидят. Понимая, что спрятаться больше негде, Тильон перекрестился и полез в саркофаг. Разве мог Жак предположить, что древко не выдержит тяжелой плиты и он окажется в каменном плену? И когда это случилось, он, изо всех сил стараясь не паниковать, сначала пробовал тихонько скрестись, чтобы привлечь внимание выскочек, а потом, когда не перестало хватать воздуха, в ужасе принялся звать на помощь.

Друзья в растерянности смотрели, как веревочная лестница исчезла в дыре над их головой. Филипп опомнился первым.

– Эй, ты чего? – возмущенно крикнул он.

Над люком показалась взлохмаченная голова Жака. Несколько придя в себя от пережитого страха и почувствовав себя в безопасности, он мигом обрел былое самодовольство.

– Додумались, чем плиту подпереть, – произнес он и выразительно постучал по лбу. Он явно считал их виноватыми в том, что ему пришлось лежать в захлопнувшейся гробнице. – Вот посидите теперь взаперти, как я по вашей милости.

Через мгновение над их головой раздались удаляющиеся шаги.

– Ничего себе, – покачал головой Филипп, – мы еще и виноваты.

– Неужто он вот так уйдет? И бросит нас? – недоверчиво спросил Рене.

– Конечно. От такого, как он, можно чего угодно ожидать.

– И что теперь делать?

– Попробуем выбраться.

Но все их попытки дотянуться до люка оказались тщетными. Друзья пытались подсаживать друг друга, использовали жерди от носилок, но выбраться из подвала не могли. Обессилев, они присели на пол.

– Слушай, раз уж мы все равно в ловушке, давай его захороним, – предложил Филипп. Рене обреченно махнул рукой, и они, прихватив носилки, направились к рыцарю.

Они стояли перед тамплиером, готовясь выполнить задуманное. Рене, борясь с подступающей тошнотой, взялся за кольчужные шоссы⁴ рыцаря. Металл звякнул о кость голени, и Рене поежился. Филипп обхватил рыцаря за грудь.

– Крепко держишь? Давай, на раз-два поднимаем. Раааз-два!

Они попробовали приподнять тамплиера, и тут случилось то, чего ни один из них не ожидал: скелет рассыпался. В панике перевалили они доспех и части, оставшиеся в нем, на носилки, и с ужасом смотрели на разбросанные кости. Но растерянность Филиппа длилась недолго. Он тяжело вздохнул и сказал:

– Надо собрать.

Однако Рене решительно отказался помогать другу. Он сел на лавку и обхватил голову руками.

– Понесли, – позвал Филипп, закончив свою скорбную работу.

Они взялись за жерди и легко подняли носилки. Дотащив их до гробницы, ребята кое-как пристроили тамплиера вместе с носилками внутрь саркофага. Последнее усилие – и плита скрыла рыцаря от их глаз. Друзья перекрестились, недружно произнесли «Requiescat in pace»⁵, потоптались рядом с гробницей и отошли.

Помолчав, Филипп предложил:

– Пошли туда, где рыцарь сидел? Там хоть лавка есть.

– Не пойду, – набычился Рене. – Ты ж сам говорил, что там что-то шевелится.

Глаза Филиппа загорелись.

– Скорее, – бросил он и почти бегом направился за угол.

Схватив свечу и подойдя к месту, где они не так давно сидели, Филипп принялся осматривать гладкие камни. И почти сразу наткнулся на металлический штырь, под углом торчащий из стены. Внешне он походил на рожок, в который вставлялся факел, но не был полым внутри и располагался гораздо ниже. В торце этого странного предмета виднелась узкая ромбовидная прорезь. При нажатии штырь чуть двигался.

– Это рычаг! – догадался Филипп. – Я видел такие в одном старинном замке. Вот в это отверстие надо поместить ключ, и тогда он заработает.

У Рене загорелись глаза:

– Вдруг там потайная комната?! Давай искать ключ.

Но Филипп не двигался, задумчиво глядя на рычаг.

⁴ Часть гардероба в Средние века, мужские колготки с гульфиком.

⁵ Requiescat in pace (лат.) – Да упокоится с миром.

– Какая странная форма для ключа – длинный и очень узкий ромб. Что бы это могло быть?

Они замолчали, уставившись на прорезь. Их осенило одновременно.

– Меч!

– Ну конечно!

– Где он?

– Господи, мы ж забыли его положить в гробницу!

Они заметались в поисках меча.

– Вот он!

– Вставляй скорее, – пританцовывая от нетерпения, торопил Рене.

– Он совсем ржавый...

Поначалу казалось, что прорезь слишком мала для такого оружия. Но Филипп поднажал, и меч со скрежетом вошел в рычаг.

– Только бы не сломался! – Юноша перекрестился и потянул рычаг на себя.

Раздался громкий лязг, и часть стены со скрипом отворилась, словно дверь, подняв столб пыли и открыв узкий проход. Рене подскочил со свечой и засунул в него руку. Колеблющийся огонек осветил уходящий вдаль коридор с низким потолком.

Друзья напряженно уставились друг на друга.

– Ну что, пойдём?

– А что нам еще делать? До люка-то не добраться. А этот ход куда-то нас должен вывести.

Они подхватили суму, собрали остатки свечей и двинулись в темную неизвестность коридора.

Идти пришлось согнувшись: потайной ход был очень низким. Кое-где на стенах, обложенных камнем, были укреплены старые, прогоревшие факелы. На одном из них Рене заметил крестик, висевший на тонком шнурке. Он осторожно снял его. Крест был простой, выкованный из обыкновенного железа, но очень искусно. Рене, с молчаливого одобрения Филиппа, бережно положил крест в свой кошелек, и они двинулись дальше.

Они прошли не меньше четверти лье, прежде чем уперлись в торец коридора. К стене крепилась железная лестница, а в потолке, который здесь был гораздо выше, находился небольшой люк. Замка нигде не было видно.

Поднявшись на несколько ступеней, Филипп достиг люка и уперся спиной в крышку. Мгновение – и она поддалась, осыпав друзей землей. В коридор проник слабый свет.

Через минуту оба уже стояли на небольшой лесной поляне. Вернув крышку люка на место и замаскировав ее травой, они тревожно огляделись. В лесу было тихо и сумрачно.

– Рене, я не понимаю, это закат или рассвет?

Тот пожал плечами:

– Давай подождем немного. Скоро будет видно.

И действительно, вскоре стало гораздо светлее. Друзья, опасавшиеся, что им придется ночевать в лесу, с облегчением вздохнули.

– А ты сумеешь найти дорогу? – с беспокойством спросил Рене.

– Дай подумать.

Филипп принялся ходить по поляне, что-то показывая руками и бормоча себе под нос. Минут через пять он ткнул пальцем в лес и уверенно заявил:

– Туда.

Вернувшись в казарму, Рене набросился на Тильона с кулаками. Филипп оттащил друга и, обернувшись к Жаку, холодно произнес:

– Угодно вам драться со мной на шпагах?

Тильон с ненавистью посмотрел на него, сплюнул под ноги и побрел прочь, процедив сквозь зубы:

– Да пошел ты!

Рене, с трудом отдышавшись, погрозил ему вслед кулаком:

– Попадись мне еще...

* * *

По весне Рене и Филипп сделали несколько вылазок к Мрачному дому, пытаясь обойти лес с запада и найти какое-либо указание на расположение клада. Но у них ничего не вышло, лес вокруг аббатства был огромен, и, сколько ни пытались мальчишки его обойти, им это не удавалось. Повздыхав, друзья решили отложить поиски до лучших времен.

В начале лета Филипп получил записку и, прочитав ее, куда-то умчался, никому ничего не сказав. К вечеру он влетел в комнату, где сидел Рене, глаза его были круглыми от возбуждения.

– Мишель и Робер приехали! – восторженно завопил Филипп.

Рене непонимающе заморгал:

– Мишель и Робер?

– Братья! Понимаешь? Наш сюзерен, Франциск Валуа, граф Ангулемский, переехал в Париж, и мои братья вместе с ним. Они теперь будут жить здесь!

Новость не обрадовала Рене. Неужели ему предстоит потерять единственного друга?

– Здорово, поздравляю, – осторожно проговорил он. – И что теперь? Ты уйдешь из школы?

Теперь уже Филипп недоуменно уставился на друга:

– Почему? Все останется по-прежнему, но теперь мы сможем навещать Мишеля и Робера. Они остановились вместе с графом, в Отеле Валуа. Не поверишь: они его вассалы, оруженосцы, а теперь еще стали его друзьями.

У Рене вдруг сильно забило сердце. Он мечтал стать знатным человеком, общаться с сильными мира сего... Вот он, его шанс!

– А ты... ты будешь брать меня с собой? – запинаясь, спросил он. – Я бы очень хотел увидеть твоих братьев.

Конечно, Рене немного лукавил: его гораздо больше прельщала перспектива встречи с графом Ангулемским, будущим зятем короля, но Филипп этого не понял.

– Конечно, конечно! Мы будем всегда ходить к ним вместе!

«Мой бедный Рене, он ревнует меня к братьям, – подумал Филипп. – Не волнуйся, мы всегда будем друзьями и никогда друг друга не предадим!»

Он и представить себе не мог, насколько сильно ошибался.

* * *

Несколькими днями позже Париж праздновал именины короля Людовика. В полдень королевское шествие двинулось от собора Парижской Богородицы к Лувру. Рене и Филипп, празднично одетые, стояли в толпе горожан, с благоговением и восторгом наблюдая за разряженной кавалькадой.

Впереди парами гарцевали восемь всадников в полном рыцарском облачении, с плюмажами на шлемах; под лоснящейся кожей их коней перекачивались упругие мышцы. Следом на покрытом золоченой попоной скакуне ехал полный достоинства господин лет пяти-

десяти в красных одеждах, в плаще, расшитом лилиями. Четыре юноши ехали вокруг него, держа над ним парчовый паланкин, закрывавший всадника от яркого солнца.

По толпе пронесся восторженный шепот:

– Король... Это король... Людовик...

Народ восторженно приветствовал монарха, а тот время от времени важно склонял голову, благодаря своих подданных.

Позади короля ехали десятки рыцарей на вороных конях и дам в открытых повозках. Все были одеты в роскошные наряды, расшитые золотом и драгоценностями. Плащи некоторых всадников, украшенные звеневшими на ходу золотыми монетами, спускались до самой земли. На дамах были шелковые платья с длинными шлейфами и высокие шляпы в виде конуса, с вершины которого ниспадала легкая газовая вуаль.

Вот Людовик обернулся и сделал едва уловимый знак рукой, к нему тотчас подъехал всадник и вручил увесистый мешок из синего бархата. Король дернул за золотистый шнурок, достал из мешка пригоршню монет и кинул в толпу. Люди, взревев от восторга, принялись ловить металлические кружочки, яростно пихая друг друга локтями.

Филипп указал на двух конных юношей, ехавших среди придворных позади короля.

– Вон там, Рене, смотри, это Мишель и Робер, – гордо сказал он.

Перед братьями на белом коне ехал юноша лет четырнадцати, в зеленом бархатном плаще и элегантной шляпе с пером. Он сопровождал открытую повозку, в которой сидели две дамы, одна постарше, другая совсем молодая.

– Это наш сюзерен, Франциск Ангулемский, – прошептал Филипп. – А с ним его матушка и старшая сестра, Маргарита.

Рене смотрел на блестящую кавалькаду, и ему безумно хотелось оказаться среди этих людей. «Как они прекрасны и величественны, – с восторгом думал он. – Зря я загадал быть бессмертным, лучше прожить жизнь короткую, но яркую, быть знатным и богатым». Он отчаянно завидовал этим нарядным, гордым господам.

Мальчишки проводили процессию до Лувра. Но вот ворота закрылись за последним всадником, и толпа начала расходиться. Рене выжидающе посмотрел на Филиппа:

– Пойдем?

Тот загадочно улыбнулся:

– Подожди.

В этот момент ворота приоткрылись, из них вышел высокий темноволосый юноша и сказал что-то стражнику, указав ему на ребят. Тот подошел к мальчишкам и учтиво сказал:

– Пройдите, господа, вас изволят звать.

Рене узнал в юноше одного из братьев Филиппа. Он обомлел: неужели им позволено будет войти в замок короля? Все это было похоже на сказку. Он неуверенно тронулся к воротам вслед за другом.

Как только они вошли во двор замка, Филипп кинулся в объятия брата, затем, отстранившись, изящным жестом указал на Рене:

– Мишель, позволь тебе представить господина Рене Леграна, моего замечательного друга.

Когда приветствия были закончены, Мишель пригласил их пройти в замок, где уже начинался пир в честь именин короля.

– Чести быть представленными государю вы пока не получите, но увидеть его вблизи и посидеть за его столом вполне сможете, – весело сказал Мишель.

Мальчишки радостно закивали: этого им было более чем достаточно.

Пир проходил в парадной зале недавно перестроенного замка. Зала оказалась огромной, и было сложно разглядеть, что происходит на ее противоположной стороне. Гобелены со сценами королевской охоты украшали стены от потолка до пола. Среди них встречались и старинные, и современные, выполненные в популярном стиле «Mille fleurs»⁶. Вдоль стен были укреплены факелы. Разноцветные витражи в окнах пропускали солнечный свет, преломляя его и окрашивая в теплые тона. Во всю длину залы растянулся невероятных размеров стол, покрытый красным бархатом. Он был заставлен таким количеством невиданных блюд в золотой и серебряной посуде, что у Рене глаза полезли на лоб. Гости в роскошных одеяниях сидели, стояли, ходили, постоянно кланяясь друг другу и обмениваясь пышными фразами. Между ними носились слуги с огромными подносами в руках, на которых покоились запеченные поросята, перепела и рыба, горы овощей и фруктов. В зале стоял непрекращающийся гомон, перекрываемый музыкой и звоном посуды.

Мальчишкам достались места в дальнем конце праздничного стола. Рене сидел молча, не в силах есть от волнения. Невозможно поверить, что он находится на пиру у самого короля! Он отчаянно вытягивал шею, пытаясь разглядеть сидевшего во главе стола монарха, но многочисленные блюда и огромное количество сосудов с винами заслоняли от взора Рене более половины присутствующих.

Он с восторгом думал, как расскажет друзьям и Женевьеве об этом событии, то-то будут они удивлены! Да что там удивлены, наверное, вообще не поверят! Рене с удовольствием представил, как призовет в свидетели Филиппа, и тут за его спиной раздался уверенный звонкий голос:

– Так вот он, юный господин де Леруа!

Рене быстро повернулся – рядом с ними стоял юноша примерно их возраста, черно-волосый и кудрявый, и с интересом смотрел на Филиппа. Это был Франциск Валуа, граф Ангулемский. За его спиной возвышался Мишель.

Филипп встал и с достоинством опустил на одно колено перед сюзереном. Но юный граф рассмеялся и поднял его:

– Полно, сударь, полно, мы с вашими братьями отлично подружились, надеюсь, и с вами мы станем добрыми друзьями.

– Почту за величайшее счастье, мой господин, – поклонился Филипп.

Граф обернулся к Рене, его темные глаза смотрели доброжелательно и весело:

– А вы, сударь, как я слышал, большой друг господина де Леруа?

Рене вконец растерялся, он ни разу в жизни не общался со столь значительной персонай. Покраснев, он промямлил:

– Д-да...

– Что ж, я надеюсь, и вашу дружбу мне удастся завоевать.

– Д-да...

Граф рассмеялся, ему нередко приходилось сталкиваться с растерянностью простых людей. В это время к нему подошел высокий пожилой господин:

– Франциск, король зовет вас.

Тот весело подмигнул Рене и Филиппу и, бросив напоследок: «Надеюсь, мы будем часто видеться», поспешно зашагал в другой конец залы.

Филипп ткнул друга локтем и восхищенно прошептал:

– Замечательный, правда?

Рене перевел дух и, все еще красный от волнения, кивнул.

⁶ Mille fleurs (фр.) – тысяча цветов. Популярный в XVI веке стиль гобеленов.

В течение вечера Рене познакомился с Робером де Леруа, таким же высоким и статным, как старший брат, и с несколькими гостями, ни одного из которых он не запомнил. Мысли его занимал Франциск Ангулемский, Рене был поражен, что граф оказался таким юным. «Он всего лишь мальчишка, как и я, а уже помолвлен с дочерью короля, и чувствует себя здесь как дома. Почему же он родился графом, а я ремесленником?» Никогда еще ему так сильно не хотелось стать богатым и знатным.

Все лето Франциск Ангулемский провел в Париже, а с ним и старшие братья де Леруа. Встречаясь с ними, Филипп всегда приглашал Рене с собой. Однако встречи их были нечасты и коротки: ребята были заняты в школе, а в обязанности Мишеля и Робера входило везде сопровождать графа. Тот, несмотря на юный возраст, слыл настоящим рыцарем и большую часть времени проводил в традиционных для своего круга занятиях – охоте, турнирах и балах. Рене и Филиппа туда не допускали, к большому для них огорчению. Однако они не унывали, в выходные дни навещали Женевьеву и в целом вели весьма приятный образ жизни.

По ночам, лежа в казарме, Рене мечтал о будущем: он понимал, что через год-другой Филипп сможет ездить на охоту и пиры с братьями, а значит, и ему, Рене, вход туда будет открыт. Он представлял, как они подружатся с Франциском, как станут неразлучны, и возможный будущий король шагу не сможет ступить без него, обычного парня с улицы Сен-Дени. А почему нет? Ведь стал же когда-то простолюдин Сугерий правой рукой Людовика Толстого. А потом Рене женится на Женевьеве, и Франциск в знак дружбы даст им феодал и дворянское звание, их дети станут потомственными виконтами, графами или даже герцогами...

Будущее рисовалось Рене в самых радужных красках. Он и представить себе не мог, что все его планы нарушит человек, которого он считал мелким и ничтожным.

* * *

Прошел почти год с тех пор, как Жак Тильон забил насмерть своего отца. Он надеялся, что клокотавшая в нем злоба уляжется, когда он отомстит за мать, но этого не произошло. Жак по-прежнему ненавидел весь мир, и больше других – этого выскочку де Леруа. Утонченный, изящный Филипп вызывал в нем какую-то звериную злобу, и то, что, по слухам, он был знаком с королем, нисколько не уменьшало ненависти Жака, скорее наоборот. Он совершенно не понимал, что король мог найти в этом заморыше, и сходил с ума от зависти. Тильон не раз пытался подстеречь Филиппа, но тот всюду ходил вместе с Рене, а связываться с ними обоими Жаку не хотелось. Он терпеливо ждал удачного случая.

Как-то сентябрьским днем сержант Дюпе послал Рене с поручением к начальнику стражи парижского прево. Того не оказалось на месте, и Рене пришлось изрядно побегать, прежде чем он сумел выполнить поручение. В школу он вернулся только к закату, когда занятия давно кончились, и с грустью думал, что смог бы провести этот вечер как-нибудь получше.

Он уже собирался войти в казарму, когда услышал где-то неподалеку возбужденные голоса. Рене повертел головой, пытаясь определить, откуда они доносятся, затем тихо пошел вдоль стены. Что-то в этих звуках встревожило его, он обошел казарму и осторожно заглянул за угол.

На пустыре лицом к лицу стояли Филипп и Жак Тильон, их окружало еще четверо парней из шайки Жака. В руках у них были сучковатые палки, похожие на дубины. По всему было видно, что назревает драка.

Рене отчетливо понимал, что должен вмешаться. Он уже рванулся было на помощь Филиппу, но противный, липкий страх словно парализовал его. Их с Филиппом будет только двое, а врагов пятеро. И у них в руках палки... Сердце сильно забилось, внутри все похолодело. «Ты обязан помочь тому, кто в этом нуждается... Спасти друга – твоя святая обязанность», – вспомнил он слова отца. Конечно, он поможет, иначе просто не может быть... Рене развернулся и побежал прочь как раз в ту секунду, когда один из приятелей Тильона, стоявший за спиной Филиппа, опустил ему на голову свою дубинку.

В ужасе от своего предательства, Рене весь вечер бродил по улицам, не в силах заставить себя вернуться в казарму. Что они сделали с Филиппом? Жив ли он теперь? Конечно нет. А все было бы иначе, если бы он, Рене, вмешался и защитил друга. Он, человек, которому обещано бессмертие, побоялся влезть в драку! Почему он испугался, как он мог бросить Филиппа в беде? Ведь они вместе дрались с шайкой Тильона и побеждали. Они так много пережили вместе, Филипп столько раз приходил ему на помощь – вызволял из подвала в Мрачном доме, ходил к старухе-ведьме. Рене хмурился, губы его кривились от отвращения к себе. «Я трус, – в отчаянии думал он, – мерзкий, жалкий трус. Я убегаю всякий раз, когда моей жизни грозит опасность, я не могу принять ее лицом к лицу, как мужчина. Ничего не изменится, так будет всегда». Ненавидя и презирая себя, Рене мотался по улицам до позднего вечера. Совершенно обессиленный, он присел у какого-то забора и заплакал горько и жалобно, словно маленький ребенок. Но слезы не принесли ему облегчения, на душе было все так же тяжело и гадко.

Наконец он решился вернуться в казарму. Все уже спали, кровать Филиппа была пуста. Рене повалился на нее и до самого утра пролежал, глядя в потолок. Слез больше не было, остались лишь горечь и бесконечное презрение к себе.

Последний год учебы стал для Рене настоящим адом. Угрызения совести смешались с полнейшим одиночеством, сделав его пребывание в школе почти невыносимым. «Филипп умер по моей вине» – мысль эта отравила его жизнь на много лет вперед. Не помогла даже исповедь, на которую он, набравшись мужества, отправился через несколько дней после случившегося. Священник, как водится, наложил на него епитимью, юноша исполнил все, что было велено, но легче ему не стало.

По школе ходили туманные слухи, что к случившемуся с господином Леруа несчастьем может быть причастен Жак Тильон. Сержант Дюпе провел дознание, вызывая по очереди всех школяров, в том числе и Рене. Но тот решительно отрицал, что знает что-либо о происшествии: ведь тогда бы пришлось рассказать и о проявленном им малодушии. Тильон и его дружки также ни в чем не признались, доказательств их вины не нашлось, и в конце концов сержанту пришлось смириться с тем, что виновник останется безнаказанным.

В пятнадцать лет Рене закончил обучение, имея наилучшие отзывы от учителей. К большому разочарованию сержанта Дюпе, он отказался поступать в ордонансную роту и вернулся домой.

– Помните, господин Легран, – сказал ему на прощание сержант, – для вас всегда найдется место в роте. Если вы передумаете, я буду рад.

Англия, Сомерсет, 6 июня 1932 года

Доктор Голд пошевелился и открыл глаза:

– Я заснул?

– Да, Майкл, – кивнул викарий. – Вы говорили слишком долго и переутомились. Поспите еще.

Но Голд отрицательно покачал головой:

– Я не рассказал вам и десятой доли того, что должен. А времени у меня мало.

Священник, по опыту зная, что спорить с другом бесполезно, поудобнее устроился в кресле и приготовился слушать.

– В детстве я был трусливым и слабым, – минуту передохнув, продолжал Голд, – и за то время, о котором я вам рассказал, и позже – вскоре вы в этом убедитесь – я совершил немало подлостей благодаря своим страхам. Из-за них же я бредил мыслью стать бессмертным. И хотя я нимало не сомневался, что загаданное желание сбудется, это не прибавляло мне смелости.

– Вы слишком строги к себе, дорогой друг, – перебил викарий.

– Увы, нет. Уж чему-чему, а трезво оценивать свои качества и поступки я за четыреста лет научился.

– Выходит, знахарка-ведунья была в чем-то права?

– Увы, – вздохнул Голд, – она была права во всем. Но, чтобы понять это, мне потребовались столетия. А пока я лишь верил, что бессмертен, а вот слова про черного демона считал ошибкой. Честно говоря, я полагал, что Мари Дюшон – сумасшедшая старуха, и то, что ей привиделось, всерьез не принимал.

– Как же все-таки... эм-м... работало ваше бессмертие? – осторожно спросил священник, опустив голову, чтобы Голд не увидел его недоверчивой улыбки.

– Потерпите, Джон, я обо всем расскажу и, клянусь, ничего не утаю. Я лишь хочу, чтобы вы знали: я прекрасно понимаю, что рожден был человеком слабым и робким. И если мне удалось хоть в чем-то изменить себя, то в том заслуга не столько моя, сколько тех незаурядных личностей, с которыми сталкивала меня судьба, и, конечно, той силы, которая вошла в мою жизнь летом 1524 года. Но – обо всем по порядку.

Франция, XVI век

Покинув школу, Рене занялся перчаточным делом. Пока он учился, Клод продал старый дом на Сен-Дени и взамен купил просторный на улице Сен-Поль. На трех этажах легко разместились мастерская, лавка и несколько жилых комнат. Отец с сыном целыми днями шили перчатки, а вечером Рене уходил гулять с Женевьевой.

Украдкой наблюдая за сыном, Клод с удивлением видел, как сильно он изменился и повзрослел. Из веселого, заводного мальчишки Рене за короткое время превратился в серьезного юношу с умными, грустными глазами. Он вытянулся, раздался в плечах, черные шелковистые кудри отросли. Иногда в минуты задумчивости лицо его вдруг искажала странная кривая усмешка, словно он с иронией и болью думал о чем-то безвозвратно утерянном.

Женевьева тоже заметила изменения, произошедшие с Рене. Но это не уменьшило ее чувств к юноше. Он был для нее всем – возлюбленным, другом, старшим братом, она буквально боготворила его и с нетерпением ждала, когда они вырастут, поженятся и заживут своим домом.

Пока же общий дом Рене делил с отцом, и обоим им вскоре стало ясно, что вдвоем они с большим трехэтажным домом не справляются. Решено было нанять горничную, которая бы следила за порядком. Так в их доме появилась румяная, золотоволосая Жанна Амьян. Высокая, пышнотелая, веселая, она была на восемь лет старше Рене и необыкновенно ему нравилась. Она называла его «милый господин» и хохотала в ответ на его смущение. Рене не мог не заметить страстных взглядов, которые Жанна порой на него бросала. Он их не пони-

мал, но чувствовал какое-то смутное томление, глядя на ямочки на ее щеках, на пышную грудь и бедра. Порой, убираясь в комнатах, она проходила совсем близко от Рене, задевала его плечом или бедром, и каждый раз ему становилось жарко от ее прикосновений. Он чувствовал, что с ним происходит что-то новое, незнакомое и немного пугающее.

* * *

Жанна Амьян родилась в крошечной деревушке на востоке Шампани. Все здесь дышало воспоминаниями о Жанне-Девственнице, спасшей Францию полвека назад. Под влиянием легенд об Орлеанской Деве мать девочки, Лорен Амьян, назвала малышку в честь юной героини. Лорен надеялась, что когда-нибудь ее дочурка тоже совершит нечто великое и станет известной на все королевство. Но мечтам матери не суждено было осуществиться. Единственное, что интересовало подростковую Жанну, – это кавалеры. Она постоянно была в кого-нибудь влюблена, меняла кавалеров каждые несколько месяцев, и для многих из них ее прелести не остались тайной. По округе о ней пошла дурная слава, к двадцати годам никто из ее многочисленных ухажеров так и не рискнул к ней посвататься. Но хохотушка Жанна не унывала и вскоре уже ехала в Париж вместе с очередным любовником. Они сняли крохотную квартирку на Рю де Пти Шамс, и девушка надеялась, что уж в этот-то раз дело непременно дойдет до свадьбы. Однако у ее возлюбленного были совершенно иные планы. Присмотрев по соседству дочку уважаемого торговца сукном, он вскоре посватался к ней, и Жанна очутилась на улице с парой су в кармане. Оказавшись в таком бедственном положении, она была вынуждена зарабатывать на жизнь древним ремеслом любви, пока один из сердобольных клиентов не пристроил ее к Клоду Леграну. Тот был вдовцом, жил вдвоем с сыном, и Жанна тут же решила, что юный хозяин вполне годится ей в мужья.

Однажды, отправившись по какому-то делу к острову Сите, Рене набрел на красочное шествие, проходившее по набережной. Это была буффонада, изображающая древнегреческих богов. На повозках, украшенных цветами, ехали полуобнаженные юноши и девушки с необыкновенными прическами. Головы их венчали корзинки с цветами, виноградом, фруктами. Некоторые «богини» были одеты в тунику, но большинство имели только плащи, накинутые на одно плечо. Позади повозок с «богами» ехала группа музыкантов, игравших на различных инструментах и производивших страшный шум. Толпа вокруг кричала и улюлюкала.

Рене растерянно смотрел на полуобнаженных девушек. Он видел подобное и раньше, будучи ребенком, но тогда это зрелище его ничуть не взволновало. Сейчас же он ощутил внезапную слабость, сердце сильно забилося, внизу живота стало горячо, и он почувствовал, что гульфик стал неожиданно тесен. Юноша с вожделением смотрел на «богинь». Вон та, с волосами пшеничного цвета – как она похожа на Жанну! Ему захотелось дотронуться до ее обнаженной груди, погладить щеки, губы. Как в тумане пошел он домой, пытаясь справиться с дыханием.

Отец отправился на собрание цеха, дома была только Жанна. Она, напевая, мыла блестящие стеклышки окна и, услышав шаги, обернулась. Рене увидел ее смеющиеся глаза, вздымающуюся грудь, и в голове у него помутилось. Он шагнул к ней, а девушка, интуитивно поняв, что с ним происходит, призывно улыбнулась и прошептала нетерпеливо:

– Ну же?

Последняя преграда рухнула, и Рене как безумный накинудся на нее, повалив на пол. Он чувствовал, как волны бурной реки захлестывают его все сильнее, и не видел ничего, кроме этих смеющихся глаз, которые он целовал нетерпеливо и испуганно. Жанна искусно направляла его действия. Возбуждение все нарастало, и вот в голове Рене вспыхнул яркий

свет, захлестнувшие его волны достигли максимума и вдруг осторожно отступили, оставив его на берегу, обессиленного и счастливого. Он лежал, чувствуя, как теплое блаженство растекается по его телу, даря успокоение и умиротворенность.

Отдышавшись, он повернул голову и посмотрел на Жанну. Ее глаза по-прежнему смеялись, но теперь в них появилось что-то еще. Рене прижал ее к себе, чувствуя, что ни к кому доселе не испытывал подобной нежности и благодарности. Он был горд собой и совершенно счастлив.

С этого дня Жанна стала приходить в комнату Рене каждую ночь. Она не только сама была умела в делах любви, но и тактично учила его искусству доставлять удовольствие даме.

Рене понимал, что, увлекшись Жанной, он обманывает Женевьеву, но не мог отказаться от этой первой в своей жизни чувственной любви. Он сам удивлялся, почему Женевьева не вызывает у него плотского желания. Вероятно, зная ее с детства, он привык видеть в ней скорее сестру, чем женщину. Он оправдывал себя тем, что позже непременно женится на ней и оставит Жанну, а пока... пока он забыл обо всем, наслаждаясь постепенно открывавшимися ему тайнами тела. Не удовлетворяясь ночными визитами Жанны, он подкарауливал ее каждую минуту, когда отец не мог их видеть. И та, подбадривая его разными заводными словечками, покорно отдавалась ему на верстаке, на полу и даже в постели его отца.

Клод догадывался об их отношениях, но возражать не решался: он никогда не видел сына таким довольным и счастливым. «Будь что будет, – решил он. – Со временем восторги улягутся, и все встанет на свои места».

Клод не ошибся: этот роман длился недолго. Через пару месяцев он стал замечать, что восторг в глазах сына поутих.

И в самом деле, все реже искал Рене уединения с Жанной, все чаще его раздражало ее бесстыдное кокетство. Она видела эти ненавидные признаки увядающей любви и из кожи вон лезла, чтобы сохранить отношения.

* * *

Как-то во время воскресной мессы Рене услышал с улицы знакомый звук трещотки. Так предупреждали о своем появлении те редкие прокаженные, которых еще не успели забрать в лепрозорий. Рене передернуло. По окончании мессы Клод, который тоже слышал трещотку, придержал сына за локоть:

– Подожди, сынок, пойдем попозже. Пусть он уйдет.

Выждав некоторое время, они вышли на улицу. Нищие, ежедневно просящие на паперти милостыню, уже разошлись. Отец и сын спокойно направились к калитке, и тут из кустов выскочил какой-то калека и, схватив Рене за руку, загнусавил:

– Подайте, добрый господин, Христа ради...

Рене взглянул на жуткие бугры и язвы на его лице и похолодел от ужаса. Проказа!

– Отец!

В панике он выдернул руку и побежал куда глаза глядят. Клод припустился за ним.

Он нашел сына дома, тот, стоя над тазом для умывания, яростно натирал руку вымоченным в масле песком.

– Успокойся, прошу тебя, – Клод похлопал его по плечу, – ничего страшного не произошло. Мне в жизни не раз приходилось касаться прокаженных, и, как видишь, я здоров. Так что бояться нечего.

Услышав это, Рене и в самом деле несколько успокоился, но продолжал натирать задеющую нищим руку, пока не начала сочиться кровь.

Ночью Рене пришла в голову неожиданная мысль. Проказа – болезнь смертельная, и если он все-таки заразился, что будет с его бессмертием? А в то, что желание, загаданное в аббатстве Сен-Дени, исполнится и он не умрет, пока сам не захочет, Рене верил свято. Ему вдруг стало очень неуютно – ведь бессмертие совсем не означает полноценную жизнь. Господи! Неужели тогда ему на долгие века оставаться прокаженным? И его, по существующей традиции, отпоют в церкви, положат в гроб, предадут символическим похоронам, а потом на веки вечные запрут в лепрозории?! И для всех своих близких он будет словно бы мертв?! И это то, о чем он мечтал? Зачем нужна ему *такая* бесконечная жизнь?

Рене поймал себя на мысли, что никогда не задумывался, в какой именно форме он получит бессмертие. Будет ли к нему приходиться какой-нибудь волшебник и воскрешать его хладное тело? Или он просто будет жить и стареть столетьями? Ему случалось видеть стариков лет семидесяти, а то и больше, и все они были совсем дряхлыми. Что ж тогда будет с ним лет через двести? А если он потеряет руку или ногу? А если и то и другое? Так и будет жить вечно калекой? Рене в панике заметался в кровати. Боже великий, ну почему он не загадал быть здоровым, молодым и бессмертным?!

* * *

Через год Клод почувствовал, что их с Рене усилиями уже нельзя удовлетворить постоянно возрастающий спрос на перчатки. Он нанял двоих подмастерьев, уже имевших навыки в этом деле. Они приходили рано утром и уходили под вечер, успевая за день сделать немало работы. У Рене появилось больше свободного времени.

История с Филиппом де Леруа уже не причиняла ему такой боли и потихоньку начала забываться, роман с Жанной больше не вызывал былых восторгов, и Рене стал подумывать о возвращении в ордонансную роту. Не быть же ему, в самом деле, всю жизнь перчаточником! Он поделился своими планами с отцом, и тот выразил полное одобрение.

Рене отправился к Дюпе, ставшему к тому времени капитаном. Тот помнил юношу и принял его с распростертыми объятиями. Они договорились, что по окончании лета Рене вступит в регулярную роту. Начиналась новая страница в его жизни.

В начале июля 1511 года Клод вернулся домой с цехового собрания крайне возбужденный и с порога огорошил Рене:

– Меня избрали в Городской совет от нашего цеха, представляешь?! В будущий понедельник уже пойду на собрание!

Несколько мгновений тот смотрел на отца круглыми от удивления глазами, а потом завопил:

– Как здорово, папа! Ты будешь заседать в Доме на сваях! Это великолепно! Мы выбились в люди!

– Да уж, сынок, – согласился счастливый Клод. – Городской совет – это не шутка. Теперь мы будем видными и уважаемыми людьми.

Всю ночь они провели, строя планы на будущее. Городской совет состоял из богатых горожан и управлял жизнью Парижа, согласуя свои решения с королем. Члены совета могли покупать должности, предназначенные для дворян, а вместе с ними – и право на получение дворянского звания.

– На воскресенье назначена казнь, – сообщил Клод. – Как член Городского совета, я обязан присутствовать.

Рене выразил желание пойти с отцом.

* * *

В Париже существовали строгие правила относительно того, какой должна быть казнь в зависимости от вида преступления и социального статуса преступника. Аристократа нельзя было казнить иначе, кроме как отрубить ему голову. Подозреваемым в ереси и колдовстве был уготован очистительный костер. Промышляющих грабежом колесовали, а всех остальных преступников ждала виселица.

В этот раз посредине Гревской площади стоял столб, вокруг которого был навален хворост. К столбу крепились веревки, чтобы привязывать осужденного. Все эти приготовления указывали на то, что должны сжечь еретика или колдуна.

Анна Кордые верила в силу слова. Она была потомственной знахаркой и пыталась убедить в своей невиновности сначала стражников и дознавателей, потом судей. Ей не поверили, пытали и приговорили к сожжению. Конечно, она не выдержала пыток – а кто бы на ее месте выдержал? Ей пришлось сознаться в том, что она ведьма. Теперь у нее осталась одна надежда – попытаться убедить в своей невиновности собравшихся на площади людей. Ведь она лечила их детишек, варила снадобья от различных болезней – они должны, обязаны ей поверить! Если ей удастся их убедить, возможно, толпа отобьет ее у стражников...

Анна сознавала, что шанс невелик. Люди... Да как можно на них надеяться? Когда заболела юная дочь башмачника, уж кого только ее отец ни просил о помощи – аптекарей, священников, лекарей. Но все они разводили руками: болезнь неизлечима, пациент в руках Божьих. А потом пришла она, Анна, и своими знаниями, терпением и упорством все-таки смогла поставить девочку на ноги. Башмачник чуть с ума не сошел от счастья, долго говорил, как он ей благодарен... и донес на нее инквизиции. И после этого она все еще рассчитывает на помощь? Впрочем, что ей еще остается? Надеяться больше не на что.

Она оделась в простую рубаху и юбку, сверху накинула плащ. Повязать волосы ей не позволили, и темные, с проседью, локоны свободно падали на плечи. Тяжелая дверь камеры открылась, и появился стражник – пора.

С раннего утра к площади стекался народ. Горожане и крестьяне из окрестных деревень приходили поодиночке и семьями. До казни планировалась ярмарка, после нее представление балагана, – в общем, день обещал быть интересным. Разношерстная толпа все утро двигалась вдоль тележек с товарами, расставленных по периметру площади. Ремесленники в просторных рубахах, хозяйки в широких платьях и чепцах, студенты из Латинского квартала в длинных черных одеждах, оборванцы в лохмотьях – кого тут только не было. Разговоры, торговля, крики, песни – все смешивалось в непрерывный, оглушительный шум.

К середине дня люди стали подтягиваться к центру площади. Толпа на небольшом расстоянии окружила столб, мальчишки старались усесться поближе к будущему костру. Люди нетерпеливо переговаривались: всем хотелось посмотреть на ведьму. Мужчины заключали пари: какая она, молодая или старая, красивая или невзрачная?

Клод и Рене пришли в полдень и не стали пробираться к месту казни, предпочтя остаться в дальних рядах. Вообще-то членам Городского совета полагалось сидеть на специальном высоком помосте, но Клод посчитал неудобным находиться там, раз он еще не был ни на одном собрании совета и никого не знал. Впервые пойти на заседание ему предстояло завтра рано утром, поэтому они с Рене не планировали долго задерживаться на площади.

Вскоре толпа зашевелилась – подъехала повозка с осужденной. Стражники вывели Анну Кордые и потащили к месту казни. По толпе пронесся вздох разочарования – ведьма была немолода и некрасива. На ходу Анна вглядывалась в лица, пытаясь уловить на них

сострадание, сочувствие, но читала в глазах лишь холодное любопытство. Нет, эти люди ей не помогут! Ей стало безумно, до обморока страшно, ноги ее подкосились, и последние несколько шагов стражники буквально несли ее на руках. Они подтащили ее к столбу и заставили подняться по лесенке на небольшую площадку. Немного отдышавшись, она решила использовать свой последний шанс. Пока ее привязывали к столбу, она набрала в грудь побольше воздуха и прерывающимся от ужаса голосом закричала:

– Люди! Многие из вас знают меня! вспомните, я лечила вас и ваших детей, я помогала вам, я спасала вас! Пожалейте меня! Я не ведьма!

Из толпы на нее смотрели сотни враждебных и равнодушных глаз. Из последних сил она запричитала:

– Я невинна! Пощадите!

Ноги ее уже не держали, она повисла на веревках. Парализующий страх овладел ею, и она затихла.

Рене с ужасом слушал эти крики: он ненавидел казни, ненавидел смерть. Хотя, конечно, за колдовство надо наказывать. И все же в его душе шевельнулась жалость к несчастной, напуганной женщине.

Толпа все прибывала, стоящие сзади немилосердно давили в спину. Рене повертел головой, ища отца – тот был в нескольких туазах от него, их разделяло полтора десятка человек.

Стражники взяли за руки, отесняя толпу на безопасное расстояние. Затем трое из них, взяв приготовленные заранее факелы, подошли к столбу и подожгли окружающий его хворост.

– Люди! – завопила несчастная в последний раз.

Она в ужасе взглянула вниз – пламя медленно разгоралось. Анна с отвращением почувствовала, как струйка мочи стекает по ее ноге. Ее вдруг охватила злость: мерзавцы, негодяи, до чего они ее довели! Повалил дым, нестерпимый жар лизал ей ноги. Она выпрямилась и, преодолевая боль, закричала:

– Будьте вы все прокляты! Всем, кто сейчас стоит и смотрит, как я умираю, – всем вам гореть в аду, как я горю сейчас на этом костре!

Толпа в ужасе ахнула и отшатнулась. Проклятие умирающей ведьмы – что может быть страшнее? За что она их так?!

– Все... до единого... прокляты... – из последних сил хрипела Анна, извиваясь от боли. Пламя охватило ее волосы, и она испустила страшный, звериный вопль. Усилившийся ветер понес над площадью запах горящей плоти.

– Она прокляла нас! – в отчаянии крикнул кто-то, толпа, словно по сигналу, дрогнула, и все бросились врассыпную. Началась паника, люди кричали, метались, падали, давя друг на друга. Рене, оказавшись в центре неразберихи, пытался бежать, но вдруг увидел, как, теснимый другими, Клод упал. Рене рванулся к нему, наклонился, пытаясь поднять, но толпа буквально унесла его прочь. Юноша, барахтаясь в море обезумевших от страха людей, сквозь невообразимый шум услышал крик отца, крик отчаяния и боли. В ужасе пытался он протиснуться обратно, но в такой давке не было никакой надежды вернуться. Десятки раздавленных и покалеченных людей остались под ногами обезумевшей толпы.

Похоронив отца, Рене с тяжелым сердцем стал разбираться с делами. Он оформил в канцелярии прево наследство, в которое входил новый дом на улице Сен-Поль и перчаточное дело отца. Рене решил отдать изготовление перчаток в ведение подмастерьев, а сам с нетерпением ждал сентября, срока, когда капитан Дюпе примет его в ордонансную роту. После гибели отца Рене чувствовал себя страшно одиноким. Пытаясь забыться, он целыми днями расшивал изготовленные подмастерьями перчатки, но и работа не приносила ему успоко-

ения. Рене угнетало, что он не смог спасти отца, он чувствовал свою ответственность за гибель Клода. Единственное, что немного утешало, – в давке и ужасе, охватившем толпу, он не испугался, не поддался панике и не бежал, когда отцу нужна была помощь, напротив, пытался прорваться к нему и спасти. Вспоминая опасные ситуации, возникавшие в его жизни, Рене удивлялся, ему казалось, что при испуге им поочередно руководят два разных человека – то смелый и бесстрашный, то подлый и трусливый. Почему он так по-разному поступает в случае опасности? – спрашивал себя Рене и не находил ответа.

* * *

– Милый мой, пожалуйста, не убивайся так! Ты сделал все, что мог!

– Со мной все в порядке.

Женевьева с сочувствием наблюдала, как тяжело переживает Рене смерть отца. Никакие слова не могли его утешить. Он снова, как после возвращения из школы, замкнулся в себе, и ничто его не радовало. Горько было видеть, как на его лице появляется невеселая кривая усмешка, словно отражение тоски по безвозвратно потерянному.

Девушку тревожило и то, что Рене записался в ордонансную роту. Что же это за семейная жизнь, если он будет ночевать в казарме? Она с горечью думала, что, возможно, Рене вообще не хочет на ней жениться. Во всяком случае, никаких шагов он не предпринимал. Женевьеву терзала неизвестность. Всей душой она тянулась к любимому, замирая от одного его взгляда, и жестоко страдала оттого, что не могла понять его намерений. Конечно, не может быть и речи о свадьбе, пока не закончится траур, она подождет, ей бы только знать, что Рене не передумал.

– Знаешь, ко мне посватался Пьер, сын суконщика с улицы Териви, – осторожно сказала Женевьева. Ей так хотелось, чтобы Рене возмутился, но тот лишь пожал плечами:

– Надеюсь, папаша Буше послал его подальше.

Дни проходили за днями, а Рене по-прежнему не заговаривал о женитьбе. А между тем лето кончалось, приближалось время его переезда в казарму, и измученная ожиданием и неизвестностью Женевьева решилась на отчаянный шаг. Выбрав вечер, когда Рене был дома один, девушка направилась на улицу Сен-Поль.

Жанна, получившая известие о болезни матери, уехала в родную деревню. Рене пришлось самому разбирать на ночь постель. На комодe горела одинокая свеча; глядя на огонь, он сел на кровать и задумался.

Дверь тихо скрипнула. Рене поднял глаза и с удивлением увидел вошедшую Женевьеву. С минуту она стояла в дверях, спокойно глядя на него, потом подняла руки и принялась медленно развязывать тесьму на рубашке. С изумлением и все возрастающим желанием Рене молча наблюдал, как юбка, рубашка, панталоны по очереди падают на пол. Движения Женевьевы были медленными, словно во сне. И вот наконец последняя деталь одежды упала к ее ногам, и девушка предстала перед Рене совершенно обнаженной. В сгущающихся сумерках кожа ее казалась смуглее, чем обычно, отсветы пламени плясали на упругой груди и порозовевшем от смущения лице. Жар моментально разлился по телу Рене, ему стало трудно дышать. Он упал перед Женевьевой на колени и принялся осторожно целовать ее живот и бедра.

Всю ночь сгорали они в пламени любовного пожара, а наутро было решено сыграть свадьбу сразу после окончания траура. Рене, словно очнувшийся от долгого сна и взглянувший на невесту совершенно иными глазами, сам себе удивлялся – почему он так долго мед-

лил? А Женестьева с обожанием смотрела на него и от души надеялась, что ей не придется гореть в аду за свой отчаянный поступок.

Тем же утром Рене отправился к отцу Женестьевы за разрешением на помолвку. Они с Жаком оговорили условия, подарок жениха невесте, приданое и ударили по рукам ко всеобщему удовольствию. Из-за траура по Клоду Леграну решено было не устраивать праздника. Рене, Женестьева и ее родители пригласили лишь пару друзей, в присутствии которых и подписали необходимые бумаги.

Через несколько недель пришло время влюбленным расстаться: Рене был зачислен в ордонансную роту и теперь жил в казарме. Здесь он снова встретился с Жаком Тильоном и другими бывшими школярами. Поначалу юноша старался держаться подальше от Жака и его друзей. Но зачастую им приходилось вместе тренироваться, кроме того, теперь все они были взрослыми, поэтому затаенная вражда ни разу не переросла в открытое противостояние, наоборот – понемногу начала остывать.

Постоянное пребывание в казарме не мешало Рене думать о Женестьеве, уходить домой на выходные и проводить с нею бессонные ночи. Любовь захватила его целиком, без остатка, и ему с трудом давалась каждая минута, когда рядом не было возлюбленной. Теперь он уже не сомневался в своем желании жениться на ней, завести детишек и провести вместе всю жизнь. Женестьева оказалась скромной и страстной одновременно, и это противоречие распалило Рене, сводя его с ума. Он с трудом дождался окончания траура и уже в феврале послал к супругам Буше закадычных друзей, Поля Готье и Мишеля Жаро, чтобы оговорить дату свадьбы.

Вернувшись в Париж, Жанна обнаружила, что сердце возлюбленного занято другой женщиной. Коварная девица Буше отняла у нее Рене! Мало того, что она, Жанна, осталась без жениха, так еще ненавистная дочь мясника станет теперь ее хозяйкой! Конечно, можно немедленно уйти, но куда? Выплакавшись, Жанна решила: раз уж идти ей некуда, она останется и будет работать, как раньше, а там... время покажет.

* * *

И вот наконец долгожданный день настал. На венчание, кроме родных и друзей, пришли все соседи с улицы Сен-Дени и члены цеха перчаточников. Многие из них знали жениха и невесту с детства и не сомневались, что рано или поздно будут гулять на их свадьбе.

Для венчания по предложению Катрин Буше была выбрана маленькая, но очень уютная церковь Сен-Катрин на углу улицы ля Буфетри. С утра Рене с приятелями отправился туда из своего дома, а Женестьева с родителями, подругами и соседями – из дома супругов Буше на Сен-Дени. Гости были одеты в самые лучшие одежды, весело играли нанятые музыканты, ярко светило солнце, все вокруг было наполнено радостью и ожиданием грядущего праздника.

Шаферы точно рассчитали время, и процессия Женестьевы, как и следовало, прибыла к церкви немного раньше. Гости остались у входа встречать Рене, а невеста с родителями уединилась в специально отведенной комнатке в боковом приделе. Чуть позже прибыл жених с друзьями, церковная колокольня приветствовала их радостным звоном. Гости веселой гурьбой зашли в распахнутые церковные двери, но под сводами собора все притихли, оглушенные торжественностью момента.

Когда все заняли места на скамьях, в церковь вошел Рене под руку с госпожой Буше. Под звуки органа они двинулись вдоль высокой колоннады к алтарю, где их уже ждал пожилой священник. Катрин отошла в сторону, и юноша остался один. Орган грянул с новой

силой, и в церковь вошла Женевьева под руку с отцом. При виде нее сердце Рене восторженно забилося: в платье из красного шелка, перетянута на талии поясом с жемчужными узорами, и с серебряным венцом на голове Женевьева выглядела настоящей красавицей. Ее волосы покрывала полупрозрачная газовая вуаль, закрепленная на венце, а глаза сияли счастьем, освещая личико и делая его по-настоящему прекрасным. Юноша с замиранием сердца наблюдал, как невеста приближается к нему. Жак довел дочь до алтаря и отступил в сторону. Музыка смолкла.

Рене стоял рядом с невестой, голова у него слегка кружилась. Теперь эта девушка, такая знакомая и в то же время далекая, – его жена перед Богом и людьми. Они связаны на всю жизнь, и другой у него уже не будет.

– *Ego conjungo vos in matrimonium in nomine Patris, et Filii, et Spiriti Sancti*⁷, – услышал Рене слова пастора. Всё! Теперь он женатый человек. Он больше не одинок. Снова зазвучал орган.

После венчания молодожены и гости веселой толпой высыпали на улицу. Рене подал руку Женевьеве, и свадебная процессия направилась к дому супругов Буше.

Они уже сворачивали на Сен-Дени, когда Рене почувствовал чей-то пристальный взгляд. Он обернулся и сквозь толпу гостей разглядел стоящую в стороне старуху в темно-коричневом платье. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы узнать ее – Мари Дюшон. Встретившись с ним взглядом, женщина перекрестилась и громко произнесла:

– Демон! Демон бессмертия!

Гости удивленно оглядывались, а старуха вдруг закричала, обращаясь к Женевьеве:

– Беги от него, девочка, беги! Он демон! Он лишит тебя самого дорогого!

Несколько человек подошли к мадам Дюшон, пытаясь ее успокоить, но она вырывалась и все кричала:

– Беги! Беги!

Испуганно оглянувшись, Женевьева прижалась к мужу:

– Что это значит?

– Не обращай внимания, старуха одержима бесами.

– Нехорошо это, – она сокрушенно покачала головой. – Дурной знак.

«Я отниму у Женевьевы самое дорогое? Чушь какая... Но ведь с бессмертием старуха не ошиблась! И опять демон... Господь милосердный, что же с нами будет?!»

Рене выхлопотал в роте двухнедельный свадебный отпуск, на протяжении которого не расставался с Женевьевой ни на минуту. Та сразу же разделила с Жанной обязанности, указав, что она будет делать в доме сама. Помимо этого, Женевьева выразила желание изучать перчаточное дело, чтобы в случае необходимости иметь возможность помогать мужу. Рене с радостью принялся обучать ее премудростям ремесла.

Жанна, казалось, никакой обиды на них не держала, переключив свое внимание на одного из подмастерьев. Она вела себя скромно, как подобает хорошей служанке, и Рене был ей благодарен за то, что она ни словом, ни взглядом не намекала на их былую связь.

Отпуск подошел к концу, и Рене был вынужден вернуться в казарму. Каждую субботу он приходил домой и проводил с Женевьевой восхитительные часы до вечера воскресенья. Время текло приятно и размеренно, Рене забыл о былых горестях, ему казалось, что счастливее человека и быть не может. Однако он ошибся: когда Женевьева сообщила, что ожидает ребенка, его восторгам не было предела. Рене чувствовал сладкую эйфорию, ему хотелось

⁷ *Ego conjungo vos in matrimonium in nomine Patris, et Filii, et Spiriti Sancti* (лат.). – Я соединяю вас в браке во имя Отца, и Сына, и Святого Духа – фраза из католической брачной церемонии.

раскинуть руки и полететь. Казалось, ему все под силу, ничто не может быть для него невозможным.

* * *

Как-то раз Женевьева занемогла и пожелала на весь день остаться в постели. Жанна ликовала: теперь соперница в ее власти. Хозяин, как обычно, в казармах, и ничто не сможет ей помешать. Схватив корзинку, девушка побежала на рыночную площадь.

Прожив много лет в деревне, Жанна прекрасно разбиралась в травах и точно знала, какая из них может помочь, а какая – погубить. Поэтому, придя на рынок, она тут же направилась к лотку травницы и купила сушеную ромашку и семена белены.

Вечером, заварив травы, она отнесла чашу Женевьеве.

– Выпейте, госпожа, это настой из лекарственных трав, он вам поможет.

Вернувшись из казармы в субботу, Рене обнаружил пугающую картину – дом был заполнен лекарями и алхимиками, которые толпились вокруг кровати Женевьевы. Она лежала осунувшаяся, бледная, с разметавшимися волосами, у него сжалось сердце от одного взгляда на нее.

Увидев Рене у двери, Жанна схватила его за руку и оттащила в угол комнаты.

– Что случилось? Она умерла? – прохрипел он испуганно.

– Нет, нет, Господь с вами, сударь, что вы такое говорите, – ответила Жанна шепотом. – Госпожа заболела... но она поправится. Вот только ребеночек... не смогли спасти... – Она помолчала и печально добавила: – Такое часто случается.

Рене почувствовал, как на мгновение остановилось сердце. Малыш, его малыш! Известие оглушило его, он словно воочию видел своего маленького отпрыска, которому так и не суждено было родиться. Прислонившись к стене, Рене отдышался и потряс головой. Ничего, лишь бы с Женевьевой все было хорошо, а с остальным они как-нибудь вместе справятся.

Осторожно ступая, он подошел к кровати.

– Я не смогла сохранить для тебя нашего первенца, – печально проговорила Женевьева, положив голову ему на плечо.

Она поправлялась на удивление быстро – молодой, сильный организм брал свое – и уже могла сидеть в постели. Рене, заранее отправивший посыльного с известием к капитану Дюпе, целые дни проводил рядом с ней.

– Ничего, родная, лишь бы с тобой все было в порядке.

Она оторвалась от Рене и посмотрела ему в глаза долгим, изучающим взглядом. Казалось, она сомневалась, стоит ли говорить о том, что ее мучило. Наконец она решилась и тихо прошептала:

– Это Жанна.

– Что? – не понял Рене.

– Это Жанна меня отравила.

Муж прижал ее к себе, пытаясь успокоить:

– Ну что ты, девочка моя. Какие глупости.

Но она вырвалась и яростно зашептала:

– Я знаю, о чем говорю! У меня была всего лишь легкая простуда. Она приготовила мне лечебный отвар, а ночью все началось. Ты знаешь, что у нее бабка колдунья? Мне Клотильда говорила.

– Ох уж эти твои подружки-сплетницы!

Женевьева умоляюще прижала руки к груди:

– О, Рене, не спорь со мной, пожалуйста! Я чувствую, это она. Я знаю, она с первого дня меня ненавидит, с самой свадьбы!

Рене задумчиво смотрел на жену. Возможно, она и в самом деле права? Он никогда не замечал ничего подобного за Жанной, но как знать? Вдруг она затаила в душе злобу и ревность? Нет, это совершенно невозможно.

Женевьева продолжала горячо его убеждать:

– Тебя целыми днями нет, а я тут с ней одна. Я боюсь ее! Представь, что может случиться с нашим следующим ребенком? Вдруг она убьет и его тоже?

Рене кивнул:

– Хорошо, милая.

На следующий день Рене отправился в канцелярию прево и написал жалобу. Городские власти начали дознание, но Жанны уже и след простыл.

Вместо красавицы Жанны Женевьева наняла пожилую Моник Бернар, и жизнь потихоньку вернулась в прежнюю колею.

* * *

События в жизни Франции следовали одно за другим. В январе 1514 года умерла Анна Бретонская, «королева при двух королях»⁸. Это дало возможность Франциску, графу Ангулемскому, жениться на ее дочери Клод, с которой он был помолвлен уже восемь лет. При жизни королева, вопреки желанию Людовика, не давала согласия на этот брак, и он стал возможен только после ее смерти. Овдовевший король, все еще надеявшийся обзавестись наследником, тоже не стал долго мешкать, и уже летом во Францию прибыла английская принцесса Мария Тюдор, ставшая его новой супругой.

Ходили слухи, что Франциск, встречавший невесту короля в Кале, сразу же влюбился в нее, и юная принцесса ответила красавцу графу взаимностью. Но мать Франциска, Луиза Савойская, надеявшаяся, что сын станет следующим королем, решительно воспротивилась этой связи.

– С ума вы сошли, сударь? – пеняла она сыну. – Людовик стар и едва ли сможет стать отцом, но если Мария понесет от вас, то ваш сын станет королем, а вы так и останетесь навсегда графом Ангулемским.

Молодой граф здраво рассудил, что никакая интрижка не стоит короны, и не прогадал. К зиме Людовик заболел и 1 января 1515 года скончался. В этот же день королем был провозглашен Франциск, граф Ангулемский.

Первые несколько месяцев, пока существовала вероятность беременности королевы Марии, его положение было довольно шатким, но уже весной стало ясно, что Франциску суждено оставаться королем. Луиза Савойская, с рождения сына борющаяся за корону для него, торжествовала.

Рене невероятно гордился тем, что когда-то был знаком с новым королем. Однако на празднования, проходившие по всему Парижу, не пошел: он опасался столкнуться с Мише-лем и Робером де Леруа.

* * *

Франциск начал свое правление с того, что решил отвоевать герцогство Миланское, потерянное Людовиком. Он во всеуслышание объявил, что лично возглавит войско. Нача-

⁸ Анна Бретонская была поочередно женой Карла VIII и Людовика XII.

лись поспешные приготовления к походу. Ордонансная рота капитана Дюпе выступила одной из первых, в начале августа.

В одном отряде с Рене оказались Жак Тильон и его лучший друг Анри Кретьен. Как ни странно, у Рене с Анри быстро сложились хорошие отношения. В долгом походе до Альп они поддерживали друг друга, Тильон же держался в стороне, угрюмо косясь на Рене.

Почти месяц добиралось войско до северных предгорий Альп. Разведчики, посланные Франциском, вернулись с печальными вестями: все удобные переходы через горы заняты швейцарцами, нанятыми для защиты Милана герцогом Массимильяно Сфорца. Франциск разработал невероятный по дерзости план, и наутро его войска начали переход через Альпы по Аргентьерскому перевалу, совершенно для этого не приспособленному. Дорогу прокладывали среди пропастей и утесов, скалы, мешавшие переходу, взрывали, а пушки несли на руках. Это был неслыханный и очень утомительный переход, тем не менее через пять дней армия Франциска оказалась на южной стороне гор, в районе Пьемонта, и в считанные дни подчинила себе герцогство Савойское. Перейдя реку По, Франциск повел свою армию дальше, на Милан. У маленького городка Мариньяно французам преградили дорогу швейцарские наемники герцога Сфорца.

Эту битву Рене запомнил на всю жизнь. Ночь накануне боя он не спал, убеждая самого себя быть храбрым. Он бессмертен, убить его не могут – так чего ж ему бояться? Что бы ни случилось – он останется жив. А если ему удастся отличиться в этой битве, возможно, капитан Дюпе доложит об этом самому королю... и как знать... «Господь великий, дай мне смелости!»

Ранним утром 13 сентября 1515 года к возвышенности, на которой расположился французский лагерь, приблизились швейцарцы. Они шли сомкнутыми колоннами в абсолютной тишине, чтобы боем барабанов и звуком рожков не предупредить противника о своем появлении. Наемники герцога Сфорца надеялись, что большинство французских солдат еще спит, и рассчитывали застать их врасплох. Но просчитались: король Франциск, уже сталкивавшийся с подобной тактикой, расставил на всех дорогах разведчиков, и, когда швейцарцы приблизились, войско короля встретило их пушечными залпами. Завязался ожесточенный бой.

Молодой король, которому лишь накануне исполнился двадцать один год, прямо на поле битвы был посвящен в рыцари знаменитым полководцем шевалье Пьером де Байярдом, и это событие немало воодушевило войска.

Рене удалось блеснуть в этой битве. Забыв о страхе, врезался он в строй швейцарцев, рубя врагов направо и налево. Вокруг стоял адский шум от свистящих ядер, лязга оружия, криков раненых. Солнце нещадно палило, пот заливал глаза, но Рене упорно махал мечом. Немного впереди маячила спина Анри Кретьена, столь же самозабвенно крушащего противников.

Швейцарцы дрались отчаянно, но к вечеру стало понятно, что перевес склоняется на сторону французов. Рене с облегчением увидел, что передние ряды вражеской пехоты пятятся. Французы остановились, ожидая команды. На мгновение наступила тишина. В этот момент раздался отвратительный свист летящего пушечного ядра. Звук нарастал, и Рене, подняв глаза, в ужасе понял, что настала его последняя минута. Ядро летело прямо на него и на стоящего впереди Анри Кретьена. Как замороженные, стояли они, ожидая своей участи, не в силах что-либо изменить.

Вдруг Рене услышал истошный вопль за спиной, тут же получил сильнейший удар в плечо и, отлетев на несколько шагов, упал в грязь. Жак Тильон, толкнувший Рене, с перекошенным лицом метнулся к Анри. Но не успел. Ядро достигло земли, разорвав Кретьена на части; окровавленный Жак упал рядом с другом.

Раздались звуки рожка, французы бросились в наступление.

Вскочив, Рене кинулся к своему спасителю. Жак был еще жив. Он упал на колени и приподнял голову Тильона:

– Жак!

– Тихо, – прохрипел тот, – слушай. Это я... напал тогда на Леруа... мы подстерегли его за казармой...

– Я знаю, – помедлив, тихо ответил Рене.

Жак поднял на него затуманенный взгляд:

– Знаешь? Как ты... можешь знать?

– Я стоял за углом и все видел, – Рене с трудом подбирая слова, – но я... я побоялся вмешаться. Вас было пятеро...

«Господи, неужели я решился это сказать?!»

В последнюю минуту жизни Жак нашел в себе силы утешить недруга:

– Ничего... это может быть... с каждым...

У Рене на глазах выступили слезы. Он никак не ожидал таких слов от Жака, чувство благодарности затопило его, и он попытался поднять раненого на руки.

– Потерпи, я вытащу тебя!

Жак застонал:

– Нет... Я рад, что ты жив... Хоть одно... доброе дело... А мне конец...

Голос его становился все слабее.

– Прощай, Легран... Помолись за мою... загубленную душу... Как жаль умирать...

Изо рта его хлынула кровь, голова безвольно откинулась. Рене в замешательстве смотрел на тело бывшего врага. Жак спас его, пожертвовав собой... Почему?

Рене осторожно опустил голову Жака на траву, сел рядом и заплакал. Это были слезы облегчения. Тяжкий груз, который он носил в душе со дня смерти Филиппа, словно стал меньше весом. Наконец-то он решился рассказать кому-то о своем предательстве! И Жак не осудил его, не назвал подлецом и трусом, наоборот, попытался утешить. Рене чувствовал невероятное облегчение.

* * *

Сражение продолжалось два дня и закончилось полной победой юного короля Франции. Три недели спустя удрученный герцог Сфорца сдал Милан без боя, и Франциск со своим войском расположился в захваченном городе.

Рене, проявивший себя в сражении настоящим героем, получил звание сержанта. Он был горд и счастлив, ему нравилось воевать: в бою куда-то исчезал извечный страх смерти. Ну и, конечно, Рене был абсолютно уверен, что никогда не умрет, и все время помнил об этом. Он чувствовал себя свободным и почти всемогущим. И даже боль от совершенного когда-то предательства почти прошла, словно Жак забрал ее с собой в небытие.

Ордонансная рота оставалась в Милане почти год, пока Франциск вел переговоры с папой и королями заинтересованных стран. Красавец-сержант имел большой успех у миланских барышень. Рене льстило их внимание, и раз или два он не устоял перед чарами юных итальянок. Но всерьез их не воспринимал, это были лишь мелкие интрижки, утехы плоти. Он по-прежнему отчаянно скучал по своей Женевьеве.

Рене с удивлением наблюдал за миланской жизнью, в корне отличающейся от того, что он привык видеть в Париже. На его родине священники проповедовали идеалы аскетизма и духовного самоуничтожения человека как жалкого, греховного создания. Итальянцам же такая мораль была совершенно чужда, у них господствовал дух внутренней свободы и отно-

шение к человеку как к разумному, талантливому, прекрасному творению Бога, венцу мироздания.

Необычайно модным было подражание античному обществу: горожане старательно воспроизводили в быту жизнь древнеримских патрициев. Каждый миланец, казалось, был нацелен на творчество – многие писали, лепили, ваяли, рисовали, те же, у кого не хватало на это времени или таланта, заказывали свои портреты, статуи, оплачивали их и всячески поддерживали людей искусства. Все состоятельные горожане увлекались коллекционированием: гобелены, картины, монеты, геммы, книги, печати, скульптуры – все это собиралось и выставлялось в богатых домах на обозрение гостей. Огромной популярностью пользовались мастера творческих профессий. Рене понимал, что в духовном плане итальянцы, безусловно, намного опережают его соотечественников.

* * *

Наконец летом следующего года победоносная армия вернулась домой. Парижане встречали воинов как героев. С трудом прорвавшись сквозь толпу восхищенных горожан, Рене поспешил на улицу Сен-Поль. Верная Женевьева, прослышав о возвращении королевского войска, ждала его у входа в дом. Она смотрела, как приближается повзрослевший, возмужавший Рене, и ей хотелось кричать от радости.

Следующие дни изголодавшиеся друг по другу супруги не расставались ни на минуту. Почти все время они проводили в спальне, словно стараясь наверстать упущенное за год разлуки. Их занятия не остались безрезультатны: спустя несколько недель Женевьева вновь сообщила мужу, что беременна.

В этот раз окрыленный Рене решил подстраховаться. В госпитале Сен-Мишель он нанял акушерку, которая раз в неделю приходила к Женевьеве и проверяла ее состояние. Хотя сам он вынужден был вернуться в казармы, служанке Моник было строго-настрого наказано внимательно присматривать за хозяйкой и в случае малейшей опасности немедленно посылать за ним. Обе, и акушерка, и Моник, дивились этим предосторожностям – беременность ведь дело обычное, – но неукоснительно выполняли приказание. Между собой они, бывало, посмеивались, мол, непонятно, кто должен родиться – ребенок перчаточника или наследник королевского престола.

Однако предосторожности оказались излишними: Женевьева прекрасно перенесла беременность и весной 1517 года родила очаровательного малыша, которого супруги Легран окрестили Франсуа-Клодом-Жаком. В помощь Женевьеве взяли няньку, Полину Тома: Рене не желал, чтобы его обожаемая женушка переутомлялась.

* * *

Через год после возвращения из Миланского похода Рене получил под свое командование один из отрядов ордонансной роты и право обучать новобранцев в военной школе. Новая должность не сильно улучшила его материальное положение, и без того неплохое благодаря процветающему ремеслу, зато добавила Рене уверенности в себе. Он командовал отрядом с большим удовольствием, придумывая все новые виды тренировок и бесконечно улучшая технику владения копьем.

Что же до перчаточного дела, то им по-прежнему занималась Женевьева. Правда, с рождением Франсуа времени на это у нее было маловато, поэтому всю неделю в мастерской и в лавке ей помогали подмастерья, а с Франсуа – Полина. На выходные же, когда из казармы приходил Рене, она полностью уступала заботу о сыне няньке. Каждую субботу Женевьева с нетерпением ждала мужа, уже с полудня поглядывая в окно. Так проходили неделя за неде-

лей, месяц за месяцем. Малышу исполнился год, он уже сам вставал на ножки и потихоньку пробовал ходить.

– Похоже, милый, Господь дарует нам еще одного ребеночка.

– Женестьева!

– Знаешь, я бы хотела, чтоб это была девочка.

– Что ж, я не против. Назовем ее...

– Да, – улыбнулась Женестьева. – Ты помнишь?

– Конечно, милая. Франсуа, Катрин и Клотильда. Я верю, так и будет.

Снова, как и два года назад, потянулись месяцы радостного, нетерпеливого ожидания. Снова раз в неделю приходила акушерка из госпиталя Сен-Мишель и снова после каждого осмотра с поклоном сообщала, что все идет хорошо.

В положенное время Женестьева родила здоровую, крепенькую девочку. Малышка Катрин была тихой, много спала, хорошо кушала и радостно улыбалась при виде родителей и няньки. В пять месяцев она уже умела крепко хвататься ручонкой за протянутый ей палец и так потешно морщила личико, что Рене и Женестьева покатывались со смеху.

Франсуа тоже полюбил сестренку. Он подолгу топтался возле ее люльки, ожидая, когда сестра проснется и начнет при виде него радостно агукать.

* * *

В одну из суббот Рене шел привычным маршрутом домой, радостно улыбаясь в предвкушении встречи с Женестьевой и детьми. Он думал о будущем сына и дочери, прикидывая, как бы получить для них дворянское звание. Из задумчивости Рене вывел громкий цокот копыт и встревоженные крики прохожих. Он обернулся и увидел, что прямо на него, трясясь и грохоча, на огромной скорости летит карета. Лошадь понесла, кучер тщетно натягивал поводья, пытаясь ее обуздать. Испуганные прохожие жались по сторонам улицы. Было понятно, что карета вот-вот разобьется, и это грозит ее пассажирам неминуемой гибелью. В голове Рене снова зазвучали слова отца: «Сынок, ты обязан помочь тому, кто в этом нуждается». Не раздумывая, он бросился к лошади и ухватился за вожжи. Обезумевшее животное рванулось дальше, Рене, двигаясь вместе с ним, перехватил лошадь под уздцы и, напрягая все силы, повернул ее голову в сторону. Та сбилась с курса, захрипела и остановилась.

Рене перевел дух, его трясло как в лихорадке. Он смотрел на лошадь, карету и не мог понять, как он решился на такое. Кучер сидел на козлах, истово крестясь.

Немного отдышавшись, Рене приоткрыл дверцу кареты, на которой красовался яркий герб. В полутьме он увидел молодую даму, сидящую в дальнем уголке. Видимо, она лишилась чувств от испуга, голова ее склонилась на грудь, глаза были закрыты. Рене шагнул внутрь, пытаясь получше ее разглядеть. Это явно была знатная дама, к тому же настоящая красавица. Тонкая и стройная, личико точеное, на щеках легкий румянец, губы приоткрыты. Золотистые кудряшки мягким облаком обрамляли ее лицо. Растерявшись, Рене склонился над ней. Уж не умерла ли она?

В этот момент юная красавица открыла глаза и, легким движением прижавшись к нему, прикоснулась губами к его губам. Последовал долгий, волнующий поцелуй. Рене не мог прийти в себя от изумления, а дама, отстранившись, прошептала:

– Такой храбрец заслуживает щедрой награды!

Она высунулась из окна и крикнула кучеру:

– В «Белый петух»!

Рене не успел опомниться, как они уже ехали по улице, сидя напротив друг друга. Незнакомка внимательно оглядела его и, судя по всему, осталась довольна увиденным. Сам

же он не мог отвести глаз от прелестных губок, только что подаривших ему столь неожиданный поцелуй. Она засмеялась и спросила нежным голоском:

– Как зовут вас, мой прекрасный спаситель?

– Рене Легран, сударыня.

– А я Мадлен... Мадлен Ксавье, – улыбнулась она. – Ну же, не молчите, расскажите что-нибудь.

Юноша замешкался. Красавица снова рассмеялась и прошептала:

– Что ж, прекрасный мой господин Легран, если вы предпочитаете молчать – будь по-вашему. Но помните, вы мой пленник, не вздумайте сопротивляться.

Бедный Рене вконец растерялся. Карета между тем остановилась, Мадлен снова высунулась в окно и что-то тихо сказала кучеру. Несколько минут они сидели молча, глядя друг на друга. Затем послышался деликатный стук, дверца кареты открылась, и кучер протянул Мадлен руку. Она накинула темный плащ с капюшоном, который полностью скрывал ее лицо, и вышла из кареты, увлекая за собой Рене. Уже смеркалось, никем не замеченные, они прошли через двор трактира и поднялись по задней лестнице на второй этаж. Мадлен толкнула одну из дверей.

Рене с недоумением оглядывал комнату, в которой они очутились. Огромная кровать, жестяной умывальник, в углу крохотный стол и табуретка. Снизу, из общего зала, слышался шум и хохот. Да что же такое происходит?!

Мадлен, видя его растерянность, тихо засмеялась. Она приблизилась к нему, заглянула в глаза. У Рене закружилась голова – неужели эта дама желает принадлежать ему?! Она обняла его за шею, прижалась губами и увлекла на кровать.

К полуночи Рене наконец добрался домой. Он шел по знакомой улице, пытаясь осмыслить пережитое приключение. Неужели это и в самом деле было? Он вспомнил ее жаркое тело, упругие груди, сладостные стоны... Она исчезла внезапно, словно сон. Просто прошептала: «Мне пора бежать», накинула плащ и выскользнула за дверь. Полно, да было ли это? Не сон ли, в самом деле?

Женевьева ласково попеняла любимому – нельзя так долго работать. Она с нежностью смотрела, как он поцеловал спящих детей и отправился наверх, в спальню. Увы, в этот раз он не ответил на ее ласки и, отвернувшись к стене, затих. Женевьева погасила свечу и, стараясь не потревожить уснувшего мужа, тихонько легла. Но Рене не спал – он лежал с открытыми глазами, вспоминая загадочную Мадлен.

Двумя неделями позже, когда Рене выходил из казармы, к нему подбежал оборванный мальчишка и протянул записку. Развернув ее, Рене с удивлением прочитал: «Не угодно ли будет прекрасному господину Леграну посетить «Белый петух» сегодня вечером?» Сердце его радостно забилось, он посмотрел на мальчика и кивнул. Паренек тотчас убежал. Рене же отправился на рю Сен-Николя, где находился трактир.

Подойдя к «Белому петуху», он увидел карету и все того же кучера, сидевшего на козлах. Заметив Рене, он спустился на землю, низко поклонился и сказал:

– Госпожа ожидает вас, сударь.

– Как звать тебя? – поинтересовался Рене.

Кучер снова поклонился:

– Ксавье, сударь.

Рене кивнул и по уже знакомой задней лестнице поднялся на второй этаж. Оказавшись в узком коридоре, он увидел несколько дверей, одна из них была приоткрыта. Он толкнул ее и оказался в той же комнате, что и две недели назад. Мадлен лежала на постели, ее глаза загадочно поблескивали в свете свечи. Рене смотрел на нее и чувствовал, что теряет голову.

Мадлен исчезла так же внезапно, как и в первый раз. Он пытался остановить ее, спросить, но она только засмеялась, покачала головой и растворилась в темноте коридора. Рене ломал голову – кто она такая, как ему найти ее? С фамилией она его обманула, понятное дело, просто назвалась именем своего кучера. Что же ему делать?

В течение лета Мадлен еще трижды присылала Рене записки, и всякий раз он сломя голову мчался в «Белый петух». Она упорно не желала говорить о себе, и чем загадочнее она себя вела, тем больше распалялся Рене. Но он ничего не мог поделать – она встречалась с ним, дарила ему пару часов горячих ласк и затем исчезала, словно призрак. Рене сходил с ума от желания раскрыть ее тайну и умирал от страха при мысли, что больше она не появится. Его будоражило, что он ничего не знал о ней. Кто она? Замужем ли? Есть ли у нее дети? Кроме того, Рене льстило внимание, проявленное к нему знатной дамой. А в том, что Мадлен дворянка, он не сомневался, об этом свидетельствовали ее вид, манеры и даже герб на дверце ее кареты.

Рене искренне надеялся, что Женестьева ничего не подозревает. Однако в этом он ошибался – жена любящим сердцем чувствовала недоброе. Она терзалась, но не показывала вида. В среде горожан супружеские измены мужчин были делом обычным, и считалось, что женам не следует проявлять по этому поводу излишнее недовольство. Женестьева была воспитана в кротости и верила, что такого рода проблему необходимо просто перетерпеть. Тем не менее это давалось далеко не так легко, как ей хотелось бы. Мучительная ревность снедала ее, она прижимала к себе детей, а потом, когда они засыпали, давала волю слезам.

* * *

Рене приближался к своему двадцатипятилетию, возрасту, когда необходимо было решить, собирается ли он навсегда остаться военным или предпочтет иной род деятельности. До сих пор он был в роте на положении вольнонаемного рекрута, однако по закону таким можно было считаться лишь с восемнадцати до двадцати пяти лет. Далее оставаться на службе могли лишь члены личной гвардии короля. Это влекло за собой некоторые привилегии, но и немалые заботы. Поэтому Рене, подумав, решил, что в роте не останется и по достижении предельного возраста вернется домой. Пока же он искренне наслаждался последним годом службы, обучением новобранцев, командованием отрядом и душевными беседами с капитаном Дюпе.

С конца лета Мадлен больше не объявлялась, и Рене лишился покоя. Каждую субботу, выходя из казармы, он подолгу стоял, оглядываясь, в надежде увидеть мальчишку-посыльного. Но, увы, то ли Мадлен надоело с ним встречаться, то ли дела вынудили ее уехать из Парижа, – так или иначе, записок она ему больше не присылала. В отчаянии Рене однажды даже забрел в «Белый петух» и попробовал там расспросить о прекрасной незнакомке. Но трактирщик только качал головой – мало ли прелестных дам используют его постоянный двор для встреч, всех и не упомнишь. Он ни с кем из них не знаком и вообще считает, что чем меньше суешь нос в чужие дела, тем лучше. Опечаленный Рене ушел ни с чем. Всю осень он переживал и все еще ждал прекрасную Мадлен, но со временем летнее приключение стало забываться, и жизнь его вернулась в привычную колею.

По будням Рене по-прежнему находился в казарме, зато в субботу и воскресенье безраздельно принадлежал жене и детям. Женестьева, чувствуя сердцем, что увлечение мужа прошло, успокоилась и мысленно поздравила себя с тем, что сумела проявить терпение и

мудрость. Буря миновала, и муж по-прежнему с ней. Скоро он покинет службу, вернется домой, и они заживут лучше прежнего.

Франсуа подрастал, теперь уже Рене мог брать его по выходным на небольшие прогулки, у малыша хватало сил дошагать до Сены и прогуляться по набережной, держась за надежную руку отца.

* * *

Как-то в субботу, когда Рене с Женевьевой сидели в мастерской, придумывая новые рисунки для своих изделий, в дверь постучали, и вошел высокий статный господин в богатом кафтане из зеленого бархата. Он был довольно красив, но что-то в нем неуловимо отталкивало. Возможно, дело было в небольшом шраме, пересекавшем бровь: из-за него глаза выглядели неодинаково.

– Я бы хотел купить для своей жены перчатки, самые лучшие, – объявил господин.

Супруги встали и с поклоном предложили покупателю осмотреть разложенный на столе товар. Тот долго рассматривал перчатки, пока не заметил светло-розовую пару, расшитую экзотическими птицами с крошечными камешками вместо глаз.

– Это рубины? – с удивлением спросил гость.

– Да, сударь, – подтвердил Рене. – Самая лучшая и дорогая пара перчаток, которая у нас есть.

– Дивная работа, – восхитился господин. – Беру.

Едва за ним закрылась дверь, как Женевьева нахмурилась.

– Что случилось? – удивился Рене.

– Не знаю. Как-то тревожно на душе.

Граф де Монтель – а именно так звали покупателя – был человеком богатым и любвеобильным. Он с неизменным успехом соблазнял светских красоток, многие из которых были замужем, и до сих пор счастливо избегал столкновений с обманутыми мужьями. Вот и сейчас его ждала прекрасная виконтесса де Клуа, супруг которой, гордый, но обедневший дворянин, ни о чем не подозревал. Граф рассмеялся – сколько их уже было, этих благородных дураков! Он подарит любовнице эти дивные перчатки, она будет с ним особенно нежна, а мужу, конечно, скажет, что купила их по случаю сама, и тот опять ничего не заподозрит.

Но граф ошибся – будучи потомственным дворянином, виконт де Клуа прекрасно разбирался в драгоценных камнях. Не менее ясно он представлял, сколько могут стоить рубины на новых перчатках супруги. Она ни при каких обстоятельствах не могла позволить себе такой траты, и значит...

Виконт не любил громких скандалов и потому решил, не обвиняя жену, все выяснить самостоятельно. Послав доверенного человека в цех перчаточников, он узнал, что такая вещица могла быть куплена только у мастера Леграна с улицы Сен-Поль. Вот почему спустя несколько дней виконт появился в доме Рене.

Женевьева, услышав стук входного молотка, спустилась вниз. В дверях стоял немолодой, но полный достоинства господин и что-то объяснял подмастерью.

– Да, сударь, это наша работа, – Паскаль явно не мог взять в толк, что от него требуется. – И что же?

– Вот я и спрашиваю, – терпеливо объяснял господин, – кто...

Он поднял глаза и, увидев подошедшую Женевьеву, слегка поклонился. Та жестом руки отпустила подмастерье и обратилась к гостю:

– Добрый день, сударь. Что вам угодно?

– Мадам, – начал виконт, – я желаю сделать подарок своей жене. Вчера она увидела вот эти прекрасные перчатки у своей близкой подруги и теперь желает получить такие же.

– Увы, сударь, прямо сейчас второй такой пары у нас нет, – развела руками Женестьева, – но мы можем ее изготовить, лишь дайте срок.

– Конечно, конечно, – улыбнулся виконт. – А не припомните ли, кто и когда у вас покупал эти перчатки?

– Статный такой господин... помнится, он говорил, что покупает подарок жене. Это было в субботу, в канун Дня святого Бертрана.

– А, так это был ее муж? Как же его имя?

– Не знаю, сударь, он не называл его.

– Но вы его видели? – продолжал допытываться виконт.

– Конечно.

– И как он выглядел? Опишите его, прошу вас.

– Довольно высокий, – простодушно сказала Женестьева, – приятной наружности, вот здесь небольшой шрам, и от этого глаз кажется словно бы сдвинутым...

– Монтель, – прошептал виконт.

– Простите, сударь?

– Нет-нет, ничего, благодарю вас. – Он поклонился и направился к выходу.

– Так вы делаете заказ? – крикнула женщина вслед.

– Непременно, непременно, – пробормотал виконт и вышел.

Женестьева с недоумением смотрела на захлопнувшуюся дверь.

Виконт отправился на улицу Гран Сент-Оноре, где жил граф де Монтель. Дворецкий проводил де Клуа в кабинет хозяина, где тот сидел за книгой. Увидев вошедшего, граф поднялся и пошел ему навстречу, раскинув руки:

– Дорогой виконт!

Не дожидаясь, пока Монтель подойдет, виконт кинул ему свою перчатку:

– Я имею честь вызвать вас, граф.

Лицо Монтеля окаменело.

– Могу я узнать... – начал он.

Гость усмехнулся:

– А вы не знаете? Что ж, прошу, – и он кинул пару женских перчаток под ноги оппоненту.

Увы, граф был трусоват. И в ситуации, требующей храбрости, начинал юлить и искать выход. Вот и сейчас он недоуменно поднял брови и пробормотал:

– Я не понимаю... Что все это значит?

– Полноте, ваше сиятельство. Ремесленники, у которых вы купили эту пару, в точности описали вас. Вот это, – виконт резко поднял руку, почти коснувшись шрама на лице Монтеля, – выдает вас с головой. Так вам угодно принять вызов?

Граф в растерянности закусил губу. Как он может отказаться? Не принять вызов значило покрыть себя позором, стать изгоем в высшем свете, парией. Ох уж этот мерзавец ремесленник! Он поклонился и сухо ответил:

– Как вам будет угодно, виконт.

Тот удовлетворенно кивнул.

– Отлично. Тогда я жду вас на пустыре у городской стены, что за церковью Святого Тома, во вторник в восемь часов утра. Извольте выбрать оружие.

– Шпага, – глухо проговорил граф.

Перед графом де Монтель стояло два вопроса: как избежать дуэли и как отомстить выдавшему его негодяю ремесленнику. И если с первым все было более или менее ясно, то со вторым ему пришлось поломать голову. Граф мерил шагами кабинет, ходя из угла в угол, и тут ему пришла в голову простая мысль: а почему бы, собственно, не решить оба дела разом?

Его сиятельство позвонил в колокольчик, дверь тут же открылась, и с поклоном появился лакей.

– Одеваться, – коротко бросил граф.

* * *

Ранним воскресным утром Рене и Женестьева собирались к мессе. Полина выглянула из детской и шепотом спросила:

– Вы возьмете с собой детей?

– А они уже встали?

– Катрин еще спит, а Франсуа давно проснулся.

– Оденьте его, а малышка пусть спит, – ответила Женестьева.

До церкви Сен-Жерве было совсем недалеко, и они шли неспешным шагом, с двух сторон держа за руки маленького сына.

Месса подходила к концу, когда Женестьева вдруг забеспокоилась.

– Что-то не так, – прошептала она на ухо мужу. – Давай вернемся.

Рене посмотрел на нее с недоумением.

– Сердце вдруг так тревожно защемило, – продолжала женщина, – умоляю, пойдем домой.

– Но как же? Не дождавшись конца мессы?

Но Женестьева, не слушая его, подхватила задремавшего Франсуа и двинулась к выходу. Рене поспешил за ней.

Всю дорогу она торопила мужа. К дому они приблизились почти бегом. Рене распахнул дверь и встал как вкопанный. В комнатах царил полный хаос, вся мебель была переломана, посуда, инструменты, перчатки вперемешку валялись на полу. Возле лестницы на второй этаж без сознания лежала Полина.

Женестьева вдруг страшно закричала и бросилась разгребать мебель. Там, под обломками стола, лежала маленькая Катрин с проломленной головой, еще теплая. Мать схватила ее на руки, трясла, звала, целовала... и наконец упала без чувств.

В тот же день рыбаки выловили в Сене тело виконта де Клау.

Черная тень легла на семью Легран. Женестьева ходила по дому бледная, растрепанная, молчаливая. Она часами сидела возле люльки Катрин, и Рене было жутко на нее смотреть. Еще страшнее становилось, когда она, сидя у люльки, начинала нежно напевать колыбельную. В такие минуты Рене хотелось схватить ее, встряхнуть за плечи и заорать: «Перестань! Перестань сейчас же!» Как-то он окликнул ее, она обернулась и посмотрела на него пустыми, мертвыми глазами. От этого взгляда у Рене волосы встали дыбом, и с тех пор он просто тихо сидел рядом, глотая слезы, с мучительной болью глядя на ту, которую так любил. Сам Рене очень тяжело переживал смерть дочери, но то, что творилось с Женестьевой, не могло присниться в самом жутком сне.

Уход за Франсуа на время взяла на себя Моник Бернар, которая в тот роковой день отсутствовала и благодаря этому осталась невредима.

Полину отправили в госпиталь при монастыре Святого Николаса, там же на кладбище похоронили Катрин. Придя в себя, нянька со слезами рассказала, что как раз спустилась по лестнице с малышкой на руках, когда в дом ворвались два дюжих разбойника с дубинами

и начали все крушить. Один из них набросился на нее и ударил дубиной. Полина потеряла сознание и больше ничего не помнит. То ли она, падая, выронила девочку, и та при падении разбила голову, то ли негодяи ее ударили... И хотя у самой Полины была повреждена рука, она горько корила себя, что не сберегла малышку.

Конечно, Рене ходил во Дворец Правосудия и подал заявку на расследование. Дважды к нему в дом приходили стражники прево, один раз его вызывали к судье, но все вертелось вокруг одного вопроса: кого он сам считает виновным? У Рене не было ни малейшей догадки на этот счет, поэтому дознание забуксовало и потихоньку заглохло.

* * *

Жизнь Женевьевы остановилась, замерев в то самое проклятое утро, когда она приняла неправильное решение. Она вновь и вновь вспоминала выглянувшую из детской Полину и прокручивала в голове тот короткий диалог. Ах, если бы только она ответила по-другому!

«– Вы возьмете с собой детей?»

– А они уже встали?

– Катрин еще спит, а Франсуа давно проснулся.

– Будите малышку, мы возьмем обоих».

Но, увы, ее ответ был иным. Одна фраза решила судьбу ее девочки.

Все потеряло смысл. Не было причины причесываться, принимать пищу, работать. Зачем? Разве это поможет вернуть ее малышку? И ради чего теперь жить?

За что? Кому помешало это крохотное существо? Почему эти люди пришли и так жестоко расправились с Катрин?

Женевьева отказывалась ходить на кладбище. Что ей там делать? Не может быть, чтобы ее дочурка, ее Катрин, лежала там, в холодной земле, без света и воздуха. Нет! Катрин здесь, в этой люльке, она протягивает к матери ручонки, она улыбается... Женевьева утыкалась лицом в крошечную подушечку, жадно вдыхая еле уловимый запах девочки. А вот теперь Катрин засыпает, причмокивая губами. Надо спеть ей колыбельную...

Женевьева медленно погружалась в пучину безумия.

Моник готовила на кухне лепешки с сыром. Франсуа слонялся рядом. Он дергал женщину за юбку и канючил:

– Подём гулять.

– Не могу, милый, ты же видишь, я занята. Попозже погуляем.

Франсуа вздохнул. Как скучно... Папы нет, Полины нет, Моник занята. Может, мама с ним поиграет? Он поднялся в детскую, осторожно открыл дверь. Женевьева тихонько напевала колыбельную, сидя у люльки дочери.

– Мамочка? – прошептал Франсуа.

Никакой реакции. Мальчик вздохнул и оглянулся – чем бы заняться? Он подошел к распахнутому окну и выглянул. Слева виднелась колокольня церкви Сен-Жерве. Ой, а кто это там у входа? Франсуа лег животом на раму окна, чтоб лучше разглядеть человека, перегнулся... Ноги его оторвались от пола, и он потерял равновесие.

– Мамааааа!

Крик этот разорвал пелену, окутывавшую мрачный мир Женевьевы. Она вскочила, оглянулась... Господь Всемогуший! Франсуа, зацепившись курточкой за гвоздь оконной рамы, болтался снаружи на высоте второго этажа. Сердце ее ушло в пятки. Мать метнулась к нему, крепко схватила трясущимися руками и осторожно затащила в комнату.

– Милый, ты жив? Ты цел? – бесконечно повторяла она, то прижимая его к себе, то отстраняясь и ошупывая малыша. Ее трясло как в лихорадке. Что же это? Франсуа чуть не погиб, вернее, это она, нерадивая мать, едва не погубила собственного сына!

С того дня Женевьева начала быстро возвращаться к жизни. Она приказала убрать люльку и все вещи Катрин в кладовку, а себе запретила думать о погибшей дочери. Она старалась убедить себя, что сейчас все так же, как раньше, когда у них был только один ребенок и они были счастливы. Пока воспоминания вызывают такую жуткую боль, она постарается не вспоминать о Катрин.

Постепенно Женевьева втянулась в повседневные хлопоты. Хозяйство, слуги, ремесло и, конечно, маленький Франсуа – все требовало присмотра и участия. Она все еще была грустна и молчалива, но уже сама ухаживала за сыном, приводила себя в порядок и потихоньку начинала интересоваться хозяйством. Однако какая-то часть ее души умерла навсегда.

* * *

С наступлением лета Рене, как и планировал, оставил службу в ордонансной роте. Он снова занялся перчаточным ремеслом, но, в отличие от отца, воспринимал его не как дело жизни, а как ступень к чему-то более важному. Он подумывал об открытии отдельной от мастерской лавки перчаток и о вступлении в гильдию купцов, имевшую большой вес в Париже.

Рене ходил по городу в поисках подходящего места для своей лавочки. Поначалу он хотел выкупить свой старый дом на улице Сен-Дени, но потом отказался от этой идеи, решив подыскать что-нибудь поближе к кварталам, где жила знать.

Однажды во время таких поисков, проходя мимо какого-то постоянного двора, Рене увидел карету Мадлен. Сердце его скакнуло и, казалось, остановилось. Он приблизился к карете – она была пуста. Рене зашел в харчевню и огляделся. Зал был уставлен грубо сколоченными деревянными столами, за ними на лавках сидели горожане, крестьяне, военные. В противоположной стене виднелась ниша, где на огне жарилось сразу несколько поросят, нанизанных на вертел. Слева за стойкой хозяин наливал гостям вино из огромной бочки.

Рене двинулся было к нему, но тут заметил сидящего в углу Ксавье, кучера Мадлен. Подойдя к его столу, Рене плюхнулся перед ним на лавку и проговорил:

– Здорово, приятель.

Ксавье поднял на него глаза – он был порядком пьян. Ухмыльнувшись, он забормотал:

– А, «прекрасный господин Легран»... Мое почтение.

Перед кучером стояла огромная кружка, уже почти пустая. Оценив ситуацию, Легран спросил:

– Выпьешь со мной? Я угощаю.

Тот осклабился и с готовностью кивнул:

– Как не выпить, коли вы приглашаете? С превеликим удовольствием.

Рене крикнул хозяину: «Бургундского!» и повернулся к Ксавье:

– Что, приятель, ждешь хозяйку?

– Нет, сударь, в этот раз я тут один. Госпожа занемогла.

– Что же с ней?

Подошел хозяин и хлопнул перед ними две глиняные кружки. Ксавье жадно схватил свою и разом отпил половину.

– Да пустяки, женщины народ некрепкий. Дунет ветер, и они уже простужены.

Он помолчал, что-то обдумывая, и вдруг наклонился к юноше:

– Пари держу, сударь, что вам до смерти хочется все о ней разузнать.

– Ну-у-у... в общем-то, не очень, – с деланным равнодушием протянул Рене. – Да и сама Мадлен о себе рассказывала. Как ее фамилия? Я запомнил.

Кучер расхохотался:

– Оно и видно, что рассказывала. Мадлен... Никакая она не Мадлен, а Анна, Анна де Ла Тур!

Рене показалось, что он ослышался. Богатейший, известный на всю Европу род королевской крови!

– Она из Ла Туров, графов Оверньских?!

– Ага.

– Полно, ты пьян, не может такого быть!

Ксавье, обиженный его недоверием, забормотал:

– Истинный крест, сударь, моя госпожа – графиня Оверни! Она старшая дочь графа Жана де Ла Тур де Овернь. А Мадлен – ее младшая сестра. Вот госпожа и развлекается, прикрываясь именем младшенькой.

Видя, как кучер распаляется, Рене продолжал делать вид, что все еще не верит ему.

– Ты сочиняешь, Ксавье, ерунда все это.

– Никакая не ерунда, – упрямо твердил тот, – истинная правда. Госпожа живет в своем замке в Монферране, а сюда приезжает по делам графства. Ее супруг сейчас в отъезде, а сестричку выдали замуж за флорентийца, некоего Лоренцо де Медичи, вот моя госпожа и скучает.

– Ага, еще и муж... Тоже небось какой-нибудь герцог или король, – рассмеялся Рене недоверчиво.

– А вот как раз почти король! Этот, как бишь его... регент.

– Брось, Ксавье, какой регент? Они при малолетних монархах бывают, а Франциску нашему уже лет тридцать!

– Да нет, сэръ Джон не тут реме... регентствует, а в Шотландии. Слыхали про такое королевство? Он тамошнему королю кузен, брат, значит, двоюродный. А тот мальчишка пока. Вот супруг госпожи и живет сейчас там, а она одна, бедняжка.

– Да как же француз оказался регентом шотландским? Что-то ты путаешь, братец.

– Господин Джон по матери француз, а отец его шотландец, Александром Стюартом его звали. Он герцог Олбани, а тамошний король Яков – брат ему двоюродный.

Рене старательно запоминал все, что говорит кучер.

– А что ж госпожа-то так одинока, неужели детей у нее нет?

– Как же нет, – пьяно захихикал Ксавье, – есть. Ох... То есть нет.

Он испуганно замолчал, словно сболтнул лишнее.

Рене нахмурился, он никак не мог взять в толк, почему из этого надо делать тайну.

– Так есть дети или нет?

Ксавье угрюмо молчал. Рене сделал вид, что сердится.

– Говори!

– Если госпожа узнает, что я проболтался, не сносить мне головы. Вы уж не выдавайте меня, сударь.

– Хорошо, хорошо, я никому не скажу.

– Весной у госпожи ребеночек родился. Ну а поскольку муж в отлучке, ясное дело, что дитя-то нагулянное. Вот она дочурку-то тайно родила и спрятала, отдала крестьянке одной, Марии Дюваль, на воспитание. Я сам малышку и отвозил.

– Весной, говоришь? Значит...

Кучер закивал:

– Ну да, ну да. Ваш ребеночек-то, иначе никак.

У Рене сильно забилося сердце... Так вот почему Мадлен... то есть Анна исчезла! Она забеременела от него! У него есть дочь!

– Как назвали девочку?

– Бланка. Сейчас она Бланка Дюваль, а могла бы быть... Бланкой Легран, например. Ух, что-то мне нехорошо...

Ксавье уронил голову на руки и захрапел. Бросив на стол пару денег, Рене тихонько встал и вышел из харчевни.

Вот как оно сложилось! Он вступил в связь с графиней, женой регента Шотландии, и у него есть дочь! Судьба отняла у него одну дочку, но взамен подарила другую! Девочка растет в неизвестной крестьянской семье и ничего не знает об отце. Видимо, и о матери тоже. Она считает своими родителями тех, кто ее кормит и поит.

Рене навел справки – все, что в рассказе кучера можно было проверить, оказалось правдой. В самом деле, Джон Стюарт, герцог Олбани, выполнял обязанности регента при малолетнем короле Шотландии, а его жена, Анна де Ла Тур, графиня де Овернь, жила в одиночестве в замке Монферран, иногда навещая супруга, но большую часть времени все же проводя без него. Действительно, в последнее время графиня часто бывала больна, и ее никто не видел, кроме доктора и камеристок. Что ж, болезнь – удобная версия для дамы, желающей скрыть «интересное положение».

Поначалу Рене всерьез подумывал о том, чтобы отправиться на поиски Анны и дочери. Но по прошествии нескольких дней понял, насколько абсурдна эта мысль. Если он сделает это, то потеряет жену и сына. Путешествие в Овернь длинно и опасно. Допустим, он благополучно доберется туда, и что дальше? Анна живет в неприступном замке за высокими стенами. Даже если он встретится с ней, что это ему даст? Она, естественно, и виду не подаст, что они знакомы. И уж, конечно, не скажет ему, где дочь. Как ее назвал кучер, Бланка? Бланка... Красивое имя. Его дочь, Бланка Легран... Нет, увы, это всего лишь его фантазии. Девочку зовут Дюваль, и он не имеет к ней никакого отношения. Не стоит изводить себя бесполезными мечтами, пользы от них никакой. У него есть Женестьева и чудесный сын, они ему нужны, дороги, и он ни на кого их не променяет.

* * *

Между тем Франсуа рос не по дням, а по часам. Он был темноволосым, подвижным, худеньким мальчиком с добрыми глазами и обаятельной улыбкой. Ему шел пятый год, и теперь уже он, как когда-то Рене, сидел и завороченно смотрел, как отец ловко шьет перчатки. Больше всего Франсуа любил наблюдать, как родители делают рисунки для украшения готовых вещей. В эти минуты они казались ему настоящими волшебниками. Малыш настолько явно проявлял свой интерес, что отец предложил ему помогать делать рисунки. Ко всеобщему удивлению, Франсуа, который еще и говорить-то складно не мог, проявил большие способности к рисованию. Рене изумленно смотрел, как мастерски сын выводит очередную птицу или цветок.

– Господь дал моему малышу настоящий талант, – гордо говорил он друзьям.

Рене не мог не заметить, что в последнее время к искусству в Париже стали относиться с большим уважением. Идеями духовной свободы и творчества король Франциск заразился в ходе итальянской войны, перенес их во Францию, и здесь они все шире распространялись. Рене также помнил, каким почетом пользовались художники в Милане. Возможно, поэтому он и не стал возражать, когда Франсуа на воскресной ярмарке попросил купить ему картон, металлический грифель и краски. Малыш, став обладателем всех этих богатств, принялся восторженно рисовать все, что попадалось ему на глаза. Отец не мог не признать, что Фран-

суа очень точно передает формы, линии и цвет. Рене сам неплохо рисовал, однако вскоре он осознал, что в этом искусстве уступает своему пятилетнему сыну.

В мастерскую супругов Легран по-прежнему каждый день заходили покупатели. Как-то весной среди них оказался высокий черноволосый мужчина лет тридцати в богато расшитом плаще, смуглая кожа выдавала в нем иностранца. Он с видимым удовольствием разглядывал перчатки, и тут взгляд его упал на рисунки Франсуа, которые лежали на углу рабочего стола. Посетитель долго смотрел на них и наконец обернулся к Рене:

– Мессир, это ваши работы?

Тот ответил с легким поклоном:

– Это рисовал мой сын, сударь.

Иностранец с удивлением посмотрел на малыша, сидящего в углу.

– *Benissimo!* Это просто прекрасно! Кто его учитель?

Рене растерялся:

– Никто, сударь...

Лицо незнакомца стало серьезным и торжественным.

– Господь дал вашему сыну несравненный талант, мессир. Верьте мне, я кое-что в этом понимаю. Мое имя – Франческо Мельци, я художник, ученик великолепного маэстро Леонардо. Ваш король, потрясенный его работами, пригласил его во Францию, и учитель взял меня с собой. Он умер три года назад, я же остаюсь пока на службе у короля Франциска. Умоляю вас, мессир, не думайте, что ваш ребенок еще мал, отдайте его учиться! Такой талант никак не должен пропасть!

Рене стоял, с недоверием глядя на итальянца. Он много слышал о замечательных работах Леонардо да Винчи, и то, что ученик знаменитого художника столь высоко оценил рисунки малыша, вызвало в нем одновременно недоумение и радость.

– Куда же, – пробормотал он, – то есть кому же его отдать?

Гость ответил, все больше распаляясь:

– Сейчас много великолепных художников работает в Париже по приглашению вашего короля, мессир. Я бы посоветовал вам пойти к маэстро Бартоломео Гетти, он прекрасный живописец и держит мастерскую на мосту Менял. Он мой друг, и я непременно ему расскажу о вашем сыне. А вы, как добрый отец, завтра же должны его отвести к маэстро. Заклинаю вас не медлить, мессир, талант вашего ребенка настолько ярок, что его надо обучать немедленно!

Под напором гостя Рене дал обещание отвести сына к сеньору Гетти. Перед уходом Франческо Мельци подошел к мальчику, сел перед ним на корточки и спросил:

– Как тебя зовут, малыш?

Тот улыбнулся и с готовностью ответил:

– Флансуа, судаль. Флансуа Леглан.

Художник взял его за руку и проникновенно пообещал:

– Ты будешь величайшим живописцем, Франсуа.

Мальчик уверенно кивнул:

– Да, судаль, я знаю.

Мельци рассмеялся и, отвесив Рене глубокий поклон, пружинящим шагом вышел на улицу. О перчатках он даже не вспомнил, его воображение было поглощено только что увиденными рисунками. «Лет через двадцать-тридцать, – думал он с восторгом, – этот мальчик станет вторым Леонардо».

На следующий день, прихватив с собой несколько рисунков, Рене и Франсуа отправились на мост Менял. Бартоломео Гетти, заранее предупрежденный другом, встретил их очень ласково и тут же принял мальчика в ученики. Так Франсуа начал учиться живописи.

Малышу доставляло огромное удовольствие слушать дядюшку Бартоломео, выполнять его задания. Он гордился, когда учитель выражал свое одобрение, хвалил его.

Маэстро Гетти, как называл художника Франческо Мельци, учил Франсуа технике нанесения линий, перспективе, пропорциям, светотени. Сначала мальчик рисовал только металлическим и свинцовым грифелем, позже мастер обучил Франсуа использовать уголь, гусиное перо и сангину. Ребенок жадно впитывал все, что давал ему учитель.

– Крайне важно уметь выделить главное и правильно расставить акценты.

– Франсуа, твои картины должны быть живыми. Надо уметь отобразить движение человека, колыхание листвы, дуновение ветра.

– Учись строить перспективу. Добейся, чтобы зритель захотел войти в написанный тобой лес.

Через год маэстро разрешил использовать краски. Он познакомил мальчика с техникой работы бистром, темперой, сепией, маслом. Франсуа делал большие успехи во всех техниках, но больше всего ему нравилось рисовать сангиной. Это был мягкий красно-коричневый карандаш, рисунок получался легкий, теплый и живописный.

Франческо Мельци частенько заглядывал в мастерскую к Бартоломео, чтобы узнать об успехах Франсуа. Он считал мальчика своим протеже и радовался каждому его удачному рисунку. Малыш был гордостью обоих итальянцев, и они с нетерпением ждали, когда он освоит все необходимые техники и сможет выработать свой стиль.

Для Франсуа настало счастливое время. Все его мысли теперь были посвящены любимому делу. По утрам он вскакивал раньше всех, торопясь скорее отправиться к дядюшке Бартоломео. В мастерской Франсуа взахлеб рассказывал маэстро Гетти об идеях, пришедших ему в голову минувшей ночью, показывал только что сделанные наброски, учитель тщательно их изучал, поправлял недочеты и высказывал свое мнение, почти всегда положительное. В мастерской Франсуа проводил весь день, и единственное, что мешало его полному счастью, была необходимость вечером возвращаться домой. Если бы ему позволили, мальчик с удовольствием и ночевал бы у учителя.

– Неужели ты совсем не скучаешь по своей мамочке? – пеняла ему Женевьева. – Даже когда ты дома, ты все равно не выпускаешь грифеля из рук.

– Чтобы хорошо рисовать, я должен заниматься этим постоянно, так говорит маэстро Гетти. Ведь это главное дело моей жизни, – серьезно отвечал шестилетний малыш.

Жизнь семьи Легран текла спокойно и размеренно. Рене и Женевьева занимались ремеслом, а Франсуа все свое время проводил в мастерской маэстро Гетти. Все были довольны, и ничто не предвещало беды.

Часть II Франсуа

Англия, Сомерсет, 6 июня 1932 года

Голд сжал губы и тяжело вздохнул. Казалось, он собирается с силами перед тем, как рассказать нечто очень для него важное.

– Это случилось, – откашлявшись, начал он, – в конце июля 1524 года. Лето стояло жаркое и засушливое, то в одном, то в другом конце города загорались деревянные дома. Помню, я шел домой после собрания цеха. Свернув на маленькую улочку, я внезапно услышал крики и почувствовал запах дыма. Я ускорил шаг и вскоре дошел до дома, объятая пламенем пожара. Вокруг метались люди с ведрами, стоял шум и суета. Но пользы от этого было мало, дом горел так сильно, что потушить его не было никакой возможности. Некоторые смельчаки бросались внутрь дома, но тут же выбегали, задыхаясь и кашляя.

Отойдя на другую сторону улицы, я поднял глаза и с ужасом увидел, что на маленьком балкончике горящего дома стоит девочка лет пяти. На лице ее застыл испуг, она не плакала, не звала на помощь, просто с мольбой смотрела вниз. Люди на улице кричали ей что-то, призывая прыгать, делали какие-то знаки, но малышка не двигалась с места. За ее спиной из открытой двери вырывались клубы черного дыма. Языки пламени лизали внешнюю стену и постепенно подбирались к балкону. Над ним нависал массивный деревянный портик, уже охваченный огнем.

Как замороженный наблюдал я за девочкой, казалось, она смотрит прямо на меня. Мне вдруг почудилось, что снова я, маленький мальчик, стою на Мельничьем мосту и смотрю в глаза маленькому тонущему щенку. И опять отец склоняется надо мной: «Запомни, сынок, ты обязан помочь тому, кто в этом нуждается. Даже если это опасно. Только так ты сможешь стать настоящим мужчиной».

Я стоял неподвижно, уже понимая, что не смогу остаться безучастным или уйти. Малышка словно притягивала меня к себе. Я чувствовал, что должен, обязан ее спасти! Почему? Я не знал. Словно какая-то неведомая сила руководила мною и действовала помимо моей воли.

Я стремглав бросился к дому, выхватил у пробегающего мимо толстяка полное ведро и, сорвав с себя рубаху, намочил ее. Подняв ведро над головой и вылив воду на себя, я кинулся к двери.

В доме я прижал мокрую рубаху к лицу, чтобы легче было дышать. Оглядываясь, я пытался найти лестницу. Вокруг бушевало и гудело пламя, густой дым разъедал глаза и горло, от моего мокрого тела сразу же пошел горячий пар. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мне удалось разглядеть перила и ступени в дальнем углу комнаты. Я двинулся туда, быстро и осторожно поднялся на второй этаж. Здесь горело меньше, но было нестерпимо жарко. Я ощутил, как закипела вода на коже, задыхаясь, рванулся было обратно, но в эту секунду лестница с грохотом обрушилась, сноп искр разлетелся в разные стороны, на мгновение осветив комнату. Мне ничего не оставалось, как пробираться в непроглядном дыму к балкону. С оглушительным звоном лопнули стеклышки окна, обдав меня колючим ливнем, и стало немного светлее. Рубашка в моей руке загорелась, пришлось ее выбросить. Почти теряя сознание, я чувствовал, как лопаются кожа на плечах. Наконец сквозь дым я разглядел белое платье девочки и из последних сил рванулся к ней.

Люди на улице дружно ахнули, когда я, задыхаясь и кашляя, вывалился на горящий балкон. Малышка оглянулась и, увидев меня, с надеждой протянула ручки. Я схватил ребенка и лихорадочно огляделся, ища выход. Не стоило и мечтать о том, чтобы пройти через дом. Вдруг снизу раздались крики, и, взглянув туда, я увидел телегу с сеном, которую приволокли прохожие. Это было спасение. Показав знаком, чтобы телегу подтащили прямо под балкон, я перенес девочку через перила и прохрипел сквозь гул пламени:

– Ничего не бойся, прыгай!

Я уже готов был разжать руки, но в это мгновение балкон со страшным грохотом рухнул вниз. Уже теряя сознание от боли и дыма, я успел увидеть, что горящий портик летит прямо на меня.

Голд в изнеможении откинулся на подушки. Лицо его покраснелось, было видно, что эти воспоминания причиняют ему боль.

Добросердечный викарий заботливо сказал:

– Отдохните, друг мой, я вижу, как тяжело вам говорить.

Доктор покачал головой:

– Нет, я продолжу. Теперь я подхожу к самому ужасному месту в моей истории.

– Разве может быть что-то страшнее того, что вы рассказали? – спросил священник, в душе не очень веря, что все это правда.

– Может, Джон, может, – горько произнес Майкл Голд. Помолчав пару минут, он снова заговорил: – Я не помню, что было после пожара, каким образом я оказался в своем доме на улице Сен-Поль. Позже я узнал, что был без сознания двое суток. Я лежал в беспомощности, а в моем воспаленном мозгу проносились жуткие картины. Мне чудился пожар, в дыму и пламени стояла маленькая девочка в белом платье, а я кричал ей: «Я не хочу умирать!»

В бреду я не понимал, ребенок это или ангел. Все мое тело болело, я чувствовал запах своей горячей кожи. И вдруг малышка протянула мне руку, как бы успокаивая, и произнесла: «Ты не умрешь. Я открою тебе секрет».

Она коснулась моего плеча, и мгновенно боль моя утихла, стало вдруг хорошо и спокойно. Девочка наклонилась ко мне и прошептала: «Когда придет твой смертный час, возьми кого-нибудь за руку и произнеси: «Твоя душа во мне, моя душа в тебе». И ты останешься жить. И даже если тебе не грозит опасность, ты можешь использовать это заклятие, когда только пожелаешь. Оно твое».

Сказав это, девочка-ангел исчезла и больше уже не появлялась. А мне все чудились разные картины из моей жизни. То видел я отца, которого топчет толпа, то Филиппа, зовущего меня в монастырь Сен-Дени, то войну, то пожар. Потом видения кончились, и я впал в беспомощность.

Очнувшись я от какого-то монотонного звука. С трудом открыв глаза, я понял, что это священник читает надо мною слова последнего причастия. Никто не сомневался, что я умираю. Да я и сам это чувствовал, жизни во мне оставалась лишь одна, последняя капля. Я мало что понимал, и все виделось мне в каком-то тумане. Священник исчез, видимо, сознание снова оставило меня. Когда я в последний раз пришел в себя, у постели моей стояла заплаканная Женевьева, к ней жался Франсуа, несчастный и испуганный. Я понял: жена привела сына, чтобы попрощаться со мной. С трудом пошевелившись (а каждое движение причиняло мне невыносимую боль), я взял его за руку.

«Не плачь, сынок», – пытался сказать я, но из груди моей вырвался лишь слабый хрип.

Не могу передать вам, Джон, как ужасно я себя чувствовал. Все мое тело горело и болело, мысли путались, глаза слезились от света. Я практически ничего не соображал, но вдруг мне пришла в голову мысль, за которую я себя проклинаю все четыреста лет моей дальнейшей жизни. Я взглянул на ручонку сына в своей руке и вдруг подумал: «Как было

бы просто, если б можно было сделать, как учила девочка-ангел, всего лишь сказать – твоя душа во мне, моя душа в тебе».

То, что произошло потом, не поддается пониманию. Перед глазами моими появилась белая пелена, боль мгновенно ушла, голова закружилась. Когда пелена спала, я увидел, что стою рядом с кроватью, на которой лежит замотанная фигура. Тогда не было бинтов, и раны перевязывали небеленым полотном, разрезанным на полосы и пропитанным маслом. Вот в такое-то полотно и был замотан лежащий на постели человек. Мне понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, что этот мужчина – я, Рене Легран. Еще не поняв, в чем дело, я опустил глаза и увидел на своих ногах маленькие башмачки Франсуа. И тут наконец я осознал, что произошло: заклинание сработало и моя душа переселилась в сына. А душа Франсуа... Она перешла в это умирающее тело, которое минуту назад было моим.

Не могу передать, что со мной сделалось, когда я ощутил весь ужас произошедшего. Из глаз моих хлынули слезы, я рванулся к кровати, чтобы повторно произнести заклинание и вернуть душу Франсуа в его тело. Но Женевьева, по-своему истолковав мои эмоции, потянула меня к выходу. Она подумала, что сын расстроился у постели умирающего отца, и решила оградить малыша от тяжелого зрелища. Я упирался, но силы были неравны, ведь я был в теле семилетнего ребенка.

– Не упрямясь, милый, пойдем, – говорила она, таща меня к двери.

Но все же мне удалось вырваться, я бросился к постели, схватил за руку лежащего человека и лихорадочно прошептал:

– Твоя душа во мне, моя душа в тебе!

Но ничего не произошло. Я по-прежнему был маленьким ребенком, а мой сын, заточенный в это обгоревшее тело, лежал неподвижно. Он умер!

Боль и тяжесть содеянного обрушились на меня с невыносимой силой. Я убил собственного сына! Я забрал себе его тело, я пожертвовал им, чтобы спастись самому! Как это могло произойти? Проклятая девчонка не предупредила, что слова заклинания можно не только произнести, но и подумать! Мой сын стал жертвой моих же мыслей!

Помню, я выбежал из дома да так и застыл в растерянности посреди улицы, не зная, что мне делать и как жить дальше. Обуревавшие меня чувства искали и не находили выхода. Клянусь вам, Джон, сам не понимаю, как я тогда не умер от ужаса и горя.

Я забился в чулан и просидел там много часов, стараясь справиться со свалившейся на меня бедой. Нет смысла рассказывать, что мне пришлось пережить. Думаю, вы и сами можете представить весь ужас моего положения, Джон. Я, взрослый мужчина, оказался в теле семилетнего ребенка, моя жена стала моей матерью, но самое главное – я был убийцей своего собственного малыша, которого безмерно любил. Я ненавидел и презирал себя, меня терзал жгучий стыд, боль потери давила тяжелым гнетом. Если бы не страх перед Господом, я немедленно бы покончил с собой. Впрочем, еще одно удерживало меня от самоубийства – я не хотел, чтобы погибло тело моего сына. Пока я был жив, он хотя бы частично оставался со мной, стоило мне посмотреть в зеркало.

Надо вам сказать, что в то время зеркал в нашем понимании еще не было. Незадолго до этих событий мастера придумали окунать плоское стекло в ртуть, и на его поверхности образовывалась тонкая пленка в виде фольги. Такой прообраз современного зеркала изготавливался в Венеции и стоил довольно дорого. Как раз на Рождество я подарил Женевьева такое стеклышко. И теперь я не отходил от него, любясь чертами ушедшего от нас сына.

Мое горе усугублялось тем, что я вынужден был переживать его в одиночку. Я ничего не мог рассказать Женевьева: помня, как тяжело ей далась смерть Катрин, я понимал, что она не пережила бы потери еще одного ребенка. Да и не смел я ей признаться, что явился

причиной его смерти. Вот так и сбылось предсказание старухи Дюшон – я лишил Женевьеву самого дорогого.

Спустя два дня состоялись похороны, тело, еще недавно мое, было погребено. Хотя отчаяние по-прежнему обуревало меня, мне поневоле пришлось привыкать к своему новому положению. Прошло время, и я постепенно смирился с тем, что стал Франсуа Леграном.

Франция, XVI век

Горе обрушилось на Женевьеву внезапно и буквально раздавило ее. Рене был частью ее жизни, частью ее естества. Боль душила ее, и она не могла ни на секунду от нее избавиться. Ей казалось, что жизнь навсегда потеряла смысл.

Но, помня о том, как она чуть было не потеряла Франсуа после смерти Катрин, Женевьева не позволяла горю поглотить себя и с удвоенным вниманием присматривала за мальчиком. Рене больше нет, но остался его сын, и она будет беречь его изо всех сил.

К собственной боли примешивалось беспокойство за сына. Франсуа очень переменялся после смерти отца, словно в одно мгновение стал старше на много лет. Женевьева кляла себя за то, что повела малыша прощаться с умирающим Рене. Отец умер прямо на глазах у Франсуа, и малыш не желал выходить из комнаты, как безумный, бросался к постели отца, а потом несколько часов просидел в маленьком чуланчике. Когда он вышел оттуда, мать с трудом его узнала, столько боли было в глазах ребенка. А еще, словно переданная по наследству, у малыша появилась горькая усмешка, нередко мелькавшая на лице его отца. Но на этом изменения не закончились. Франсуа категорически отказывался рисовать, и это, пожалуй, больше всего беспокоило Женевьеву. Словно после смерти отца он начисто потерял интерес к живописи. Но зато он стал не по-детски чутким и внимательным, поддерживал мать в ее горе и иногда говорил фразы, невысказанные в устах семилетнего малыша. Женевьева не переставала поражаться своему внезапно повзрослевшему сыну.

* * *

Рене потихоньку обживался в обличии Франсуа. Поначалу ему было непривычно ощущать себя ребенком, в этом маленьком теле он чувствовал себя неловким и неуклюжим. Все вокруг вдруг стало большим, а сам он – крошечным и слабым. Привычные предметы стали намного тяжелее, ступени в доме доставали до колена, а дотянуться до ручки двери было целой проблемой. Но постепенно он привык и к своему новому росту, и к тому, что к нему обращаются «Франсуа», смотрят как на ребенка, и изо всех сил старался соответствовать образу семилетнего мальчика. Иногда, забывшись, он мог сказать что-нибудь, больше свойственное взрослому, и тогда ловил на себе удивленный взгляд Женевьевы. Ему нелегко было научиться называть ее мамой, но он привык и к этому. Сердце его разрывалось, когда он видел, как она горюет по усопшему супругу, однажды он едва сдержался, чтоб не открыть ей правду. Но со временем боль притупилась, и он перестал слышать за стеной ее плач по ночам.

Франсуа отчаянно скучал. Детские игры не были ему интересны, а любовь к живописи, которой раньше малыш отдавал все свободное время, ушла вместе с его душой. В надежде уговорить его вернуться в мастерскую три раза приходил маэстро Гетти и дважды – Франческо Мельци, но мальчик был непреклонен. Он смотрел на итальянцев серьезными взрослыми глазами и повторял одно и то же:

– Спасибо, сударь, но рисовать я больше не буду.

Однако со временем Франсуа начал осознавать открывающиеся перед ним возможности. Судьба подарила ему еще одну жизнь, при этом разум его был взрослым, и он мог здраво обдумать, чему эту жизнь посвятить. Поняв всю выгоду своего положения, Франсуа задумался, кем бы ему стать. Перчаточное дело порядком надоело. Думая о прошлой жизни, прожитой в теле Рене, он понимал, как мало успел узнать и увидеть. «Раз уж судьба дала мне возможность снова стать юным, – думал он, – я должен использовать этот шанс, чтобы научиться чему-нибудь стоящему, интересному и важному. Но что же выбрать? Вернуться в ордонансную роту? Нет, это уже было». Он решил посоветоваться с Женевьевой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.